

СОДЕРЖАНИЕ

Введение. 3

Часть 1. Символы бытия. 5

Глава 1.1 Символы культурного знания. 5

Глава 1.2 Символы культурной среды. 20

Глава 1.3 Символы культурного самоопределения. 37

Часть 2. Символы языка. 50

Глава 2.1 Символы культуры в языке. 50

Глава 2.2 Символы взаимодействия языков. 73

Глава 2.3 Символы коммуникативной компетенции. 91

Часть 3. Символы деятельности. 122

Глава 3.1 Символы деловой культуры. 122

Глава 3.2 Символы педагогической культуры. 133

Глава 3.3 Символы религии, искусства и коллективного бессознательного. 146

Заключение. 179

Библиография. 180

ВВЕДЕНИЕ

Культура - принятый и коллективно разделяемый в обществе способ бытия - представлена особыми символами. Эти символы составляют «молчаливый код», доступный для наблюдателя лишь как поверхностный план выражения. Закодированный с помощью культурных символов глубоко спрятанный «план содержания» культуры, может быть понят, если расшифровать этот символический язык. Именно такую задачу ставит перед собой автор предлагаемой читателю монографии «Символы культуры».

Монография состоит из трех частей и девяти глав.

Первая часть называется «*Символы бытия*». В первой главе этой части, «Символы культурного знания», показаны содержательные блоки культуры. Во второй главе, «Символы культурной среды», рассматривается символика векторов и измерений культуры. В третьей главе, «Символы культурного самоопределения», изучается процесс культурного самоопределения личности в межкультурной среде.

Вторая часть называется «*Символы языка*». В первой главе этой части, «Символы культуры в языке», исследуются формы выражения культуры в языке ее носителей. Во второй главе, «Символы взаимодействия языков» описываются механизмы взаимовлияния языков в соединении культур. В третьей главе, «Символы межкультурной компетенции», раскрываются признаки межкультурной компетенции участников международной деятельности на примерах владения языком и способами взаимодействия с представителями иных культур.

Третья часть называется «*Символы деятельности*». В первой главе третьей части, «Символы деловой культуры», систематизируются некоторые особенности экономической деятельности в зависимости от культуры участников. Во второй главе, «Символы педагогической культуры», образование в обществе рассматривается сквозь призму культурных символов. В третьей главе, «Символы религии, искусства и коллективного

бессознательного», делается попытка рассмотреть культурную символику религиозных, художественных и психологических символов.

Монография «Символы культуры» адресована бакалаврам, магистрам и аспирантам, преподавателям вузов и учителям школ, социологам и культурологам, психологам, журналистам, а также специалистам в области международных отношений, бизнеса и PR-деятельности.

Часть 1

СИМВОЛЫ БЫТИЯ

Глава 1.1

СИМВОЛЫ КУЛЬТУРНОГО ЗНАНИЯ

Культура имеет символическое выражение и на поверхности представляет собой совокупность символов. Это означает, что познание культуры возможно через расшифровку ее символов, как доступного наблюдению и изучению культурного кода, скрывающего в своей глубине тайны ментальности народов.

Для того, чтобы рассмотреть символы культуры, открывающие путь к ее познанию, необходимо вначале коротко рассмотреть, по крайней мере, три интерпретации того, что подразумевается под понятием «к у л ь т у р а» :

- **КУЛЬТУРА,**

- **К**ультура

- культура

«КУЛЬТУРА» (все слово пишется заглавными буквами) – это совокупный человеческий опыт, включая достижения цивилизации, используемые орудия и естественный язык на достигнутой человечеством ступени эволюции. Как видим, в таком понимании культуры признаки научно-технического прогресса, достижения культуры и совершенство высших психических функций с применением языка существуют нераздельно.

«Культура» (с заглавной буквы) включает совокупность социально значимых продуктов материальной и духовной деятельности, составляющих, как национальное достояние, так и включаемых в мировое культурное наследие. Эти продукты деятельности есть основание для гордости за свою культуру. В этом смысле культура понимается, как идеализируемый и желаемый уровень достижений общества в области науки, техники, образования и искусств, а также качества жизни людей, что позволяет отличить «культуру» от «бескультурия».

Наконец, «культура» (строчными буквами) – это хранящиеся в коллективной памяти знания, ценности, нормы, отношения и стереотипные

суждения. Они традиционно существуют в сообществе людей и передаются от поколения к поколению, объединяя всех членов в «единую культуру», позволяя отличить «своего» и «чужого», и обуславливая сопротивление влиянию иных культур. В таком понимании, культура – это устойчивая и социально наследуемая форма группового бытия (поведения).

Культура народа отличается заметным постоянством. Именно поэтому характерные особенности народной ментальности, отмеченные мыслителями, писателями, драматургами прошлых веков, поразительно точно характеризуют коллективный национальный характер наших современников (Соловьев В.С.)

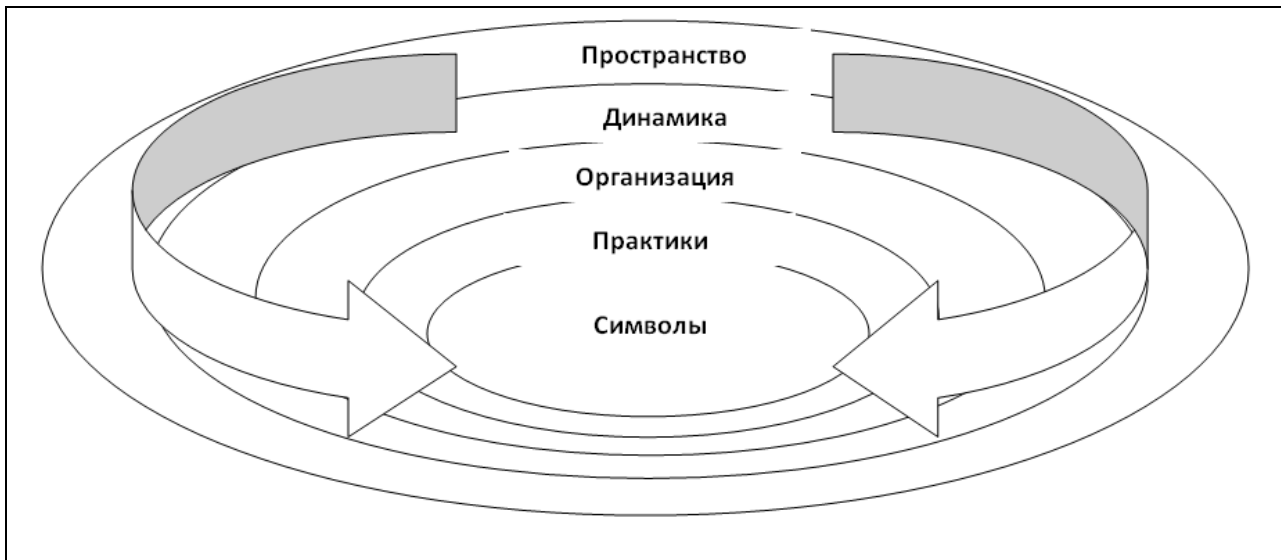
Следует также отметить различие между «аутентичной» и «искусственной» культурой. Если аутентичная культура действительно характеризует подлинный образ мысли, душу и поведение народа, то искусственная культура рисует его «продаваемый образ» в виде сувениров, стилизованных нарядов, обрядовых масок, постановочных «псевдонародных» номеров и привлекательных стереотипов для туристов.

Культура в поликультурном мире

Особенностью современного мира является его поликультурный характер.

Существует глобальная человеческая культура, содержащая характерные для любого человека на планете общие черты (мезокультура). Выделяется культура нации, с типичными для нее этнографическими, психологическими и социальными особенностями (мегакультура). Функционирует культура региональных, возрастных, гендерных, профессиональных и политических единств (макрокультура). Проявляется культура коллективов и групп (микрокультура), а также особенности индивидуальной культуры. Если в культуре выражается всеобщее и универсальное содержание жизни социальной группы, то в индивидуальности проявляется уникальность отличия от других. Вместе с тем, сопоставление разных культур в современном мире показывает, что культура тоже обладает свойствами уникальностью, вариативностью и отличительными признаками.

Культура в мире имеет свое *пространство*, в котором утверждаются соответствующие знания, ценности, нормы, отношения и стереотипные суждения. Культура отличается свойственной ей *динамикой*, то есть, по-разному распространяется в мире, гармонирует с другими культурами или подавляет их. Культура распознается по характерной *организации*, то есть, по государственному строю, идеологии и религии. Она культура отличается от другой культуры своими *практиками*, а именно, праздниками, обрядами и ритуалами. Наконец, культура имеет типичные для нее *символы* - не только мифы, памятники, артефакты (образцы ручного творчества и искусства), но и особые сигналы, имеющие свое глубинное содержание. Эти сферы культуры показаны на рисунке:

Представленная на рисунке «сферическая модель культуры» позволяет лучше понять ее сущность, как социального явления в глобальном межкультурном пространстве, где функционирует английский язык.

Культура всегда имеет свой собственный символический язык, то есть, свою знаковую семиотику (семиотика, как область лингвистики, исследует систему коммуникативных знаков). Основным семиотическим знаком культуры является СИМВОЛ.

Символ в наиболее общем понимании – это знак, функциями которого является кодирование, сохранение и коммуникация информации. В этой интерпретации языковой знак тоже можно назвать «символом». *Символ*

культуры – это знак культурного сообщества в форме природного или социального объекта, артефакта (предметов древности), произведений архитектуры и искусства, философских мудростей, известных организаций и учреждений, культурных событий, устойчивых традиций, церемоний и ритуалов, которые служат индикаторами культуры и культурной принадлежности носителей этой культуры.

Рассмотрим символы культуры на примере Великобритании.

Символом английской культуры является, например, рождественский пудинг со сладкими пряностями, изюмом, фруктами и обязательно темный из-за густого сиропа, приготовленного из коричневого сахара. Другим символом является английский язык в его британском варианте и, особенно, язык BBC. Это – признанный символ культуры англо-саксонской части общества англичан, хотя большинство англичан не используют этот вариант в речи. Знаменитое озеро Лох-Несс служит символом тайн древней Шотландии. Артефактом №1 в британском государстве является историческая Магна Карта – хартия, ограничившая в 1215 году власть монарха. В стране есть свои архитектурные шедевры и произведения знаменитых художников – символы творческого потенциала нации. Символом страны и ее столицы Лондона служат здания Британского парламента с часовой башней Биг Бен, древний замок Тауэр, Вестминстерское аббатство, собор святого Павла и др. Символической фигурой английской культуры является Адам Смит (1723-1790) – автор теории экономического процветания наций. Известными социальными объектами, символизирующими сегодня британскую культуру являются Букингемский дворец, Национальный банк Англии (Bank of England), Лондонская фондовая биржа. Символической для британской культуры организацией является англиканская церковь. Своеобразным символом британской культуры стали скачки лошадей на знаменитом ипподроме Эскот или всемирно известный ежегодный фестиваль искусств в Эдинбурге. Безусловно, символическими в культурном отношении являются королевские церемонии королевских бракосочетаний и коронаций. Взятые вместе, все эти символы передают идею

вечного могущества британской империи, хотя эта символическая коммуникация не полностью соответствует реалиям современного мира.

Разумеется, культура воспринимается не в символах, а в особых когнитивных структурах, называемых *ментальными моделями*. Ментальные модели культуры включают:

- *схематы* или «схемы» - усвоенный и структурированный опыт восприятия иной культуры (столкнувшись с русским гостеприимством, англичанин может составить схематическое представление об этой стороне культуры общества),

- *фреймы* – совокупность признаков, позволяющих распознать принадлежность наблюдаемых случаев к родной или чужой культуре (увидев несколько раз церемонные поклоны японцев, можно сделать вывод о фрейме вежливости в Японии в отличие от неформальной развязности вполне вежливого австралийца),

- *скрипты* – вероятные сценарии поведения в иной культуре (присутствие на обряде русской деревенской свадьбы позволяет в дальнейшем ожидать подобного сценария и на других свадьбах),

- *концепты* – обобщенные суперординатные значения, характерные для своей и чужой ментальности (многие поступки немцев характеризуются концептом «деловитости»),

- *категории* – объясняющие понятия, позволяющие интерпретировать наблюдаемые случаи неродной культуры (некоторые случаи насилия в современном американском обществе объясняются категорией «преступления на почве ненависти» - hate crimes,

- *прототипы* – типичные случаи, наблюдаемые в родной и неродной культуре, в которых всегда есть существенное и пограничное («щи» являются прототипом «русской еды», поскольку суп из капусты с мясом есть и в других культурах,

- стереотипы – принятые в социальной группе суждения о своей и иной культуре (типичным стереотипом в отношении англичан является ожидание официальности и чопорности в манерах,

- пропозиции – усвоенные утверждения о своей и чужой культуре, как основание для их восприятия, интерпретации и понимания (приезжая в чужую страну, мы нередко готовы увидеть то, что нам заранее говорили и о чем предупреждали).

Ментальные модели представляют собой своеобразную «призму», в которой преломление лучей влияет на воспринимаемую культурную картину чужого социума. Если ментальные модели адекватны реальности, они позволяют правильно интерпретировать чужую культуру. Например, услышав фразу хозяев дома в восточной Европе «Проходите, проходите, не снимайте обувь», опытный гость распознает здесь «языковую игру гостеприимства», поскольку хозяева в действительности хотят сохранить в доме чистоту, но не желают показать это гостям. Та же фраза в западной Европе по отношению к гостям из восточной Европы означает, что обувь действительно не нужно снимать. Подчеркнем, что в корейском доме хозяева не предложат гостям оставаться в обуви, так как уличная обувь «оскверняет дом». Ментальные модели позволяют понять, почему мексиканцы во время молитвы молчат, а мусульмане молятся вслух. Это объясняется тем, что в мексиканской культуре Бог обращается к молящемуся человеку. В мусульманской культуре молящийся человек обращается к Богу.

Ментальные модели лежат в основе диалога культур. В процессе диалогического взаимодействия представителей разных культур, участники накапливают сведения друг о друге, обобщают свои культурные представления, знакомят друг друга со своей культурой, определяют отличительные признаки иной культуры, оказывают влияние на представителей иных культур, сами подвергаются влиянию чужого культурного сообщества, преодолевают барьеры межкультурного общения, получают пользу от диалогического взаимодействия. Межкультурное взаимодействие становится более эффективным, если

участники, владеющие иностранным языком, обучены не только «грамматике языка», но и «грамматике культуры».

Обучение культуре

Обучение культуре в контексте преподавания иностранных языков, включает, прежде всего, *информирование учащихся о своей и иной культуре, как примерах разнообразных форм коллективного бытия*. Другой составляющей содержания обучения культуре, является *информация для учащихся о выдающихся образцах материальной и духовной деятельности представителей своей и иных культур, как фонда мирового культурного наследия*. Оценочная составляющая понятия «культура» также реализуется в учебном процессе в форме *воспитания чувства гордости за свою культуру, интереса и уважения к иным культурным традициям, а также толерантного отношения к культурной диверсификации (разнообразию) в мире*. Обучение оценочной составляющей культуры иных народов и стран позволяет полнее понять представителей других культур, предупредить и преодолеть состояние «культурного шока», лучше организовать межкультурный диалог в духе взаимной толерантности.

Изучая культуру, учащиеся делают выводы о том, что «американская улыбка» является не показателем оптимизма, а признаком вежливости. Для некоторых школьников может быть открытием, что обилие еды на российском столе может быть воспринято зарубежными гостями не как признак гостеприимства, а как «холестериновая угроза». В разных странах существует разное отношение к подаркам, вплоть до отрицания этой традиции, несовпадающие правила приличия, непонятные знаки дружелюбия.

Содержание обучения культуре

Несмотря на кажущуюся ясность и простоту подходов к определению понятия «культура» в преподавании иностранных языков, содержание обучения культуре до сих пор четко не определено. Обучение своей и иной культуре нередко ограничивается ознакомлением учащихся с некоторыми национальными традициями, отдельными произведениями искусства,

выдающимися деятелями науки, туристическими достопримечательностями, образцами фольклорного творчества. При этом остаются нераскрытыми и неусвоенными другие составляющие, необходимые для более полного ориентирования в неродном культурном контексте, более адекватной коммуникации своих культурных особенностей, а также для осуществления медиаторных (посреднических) функций в межкультурном общении.

Культура – это хотя и сложное, но *наблюдаемое* социальное образование с типичными этнографическими признаками. В наблюдаемой культуре обращает на себя внимание *характерная одежда, предпочитаемый выбор блюд, преобладающий городской и сельский пейзаж, необычные ритуалы, праздники и церемонии, соблюдаемый этикет, язык телодвижений, религиозные обряды, воспитание детей, межличностные взаимоотношения, отношение к работе, организация досуга, отношения между мужчинами и женщинами, распределение власти и влияния в семье и других социальных группах, отношение к старшему поколению, ритм жизни.*

Содержание обучения культуре можно условно поделить на следующие компоненты:

- элементы культуры (артефакты, памятники, этнография),	}	Символы
- проявления культуры (эпизоды, случаи, события),		
- индикаторы культуры (привычки, вкусы, предпочтения),	}	Практики
- факты культуры (ценности, правила, стереотипы),		
- векторы и измерения культуры (бытие, познание, поведение),	}	Нормы

Элементы культуры – это то, из чего наблюдатели могут составить целостное представление о внешних атрибутах жизни иного в культурном отношении общества. Это – наиболее традиционная составляющая в содержании обучения культуре другого народа. К элементам культуры, например, относятся подлинные народные костюмы или продукты творчества, предметы быта, гончарные и кулинарные изделия, национальные блюда,

популярные праздники и проч. Элементом британской культуры, например, является традиционный пудинг.

Проявления культуры особенно важны для межкультурного познания, поскольку это содержание обучения включает в себя «замечаемые особенности культуры», содержащиеся в отчетах участников зарубежных поездок, включая «заочные путешествия» средствами интернет. Выводы людей могут быть как объективными, так и субъективными, но во всех случаях они являются результатом овладения стратегиями визуального познания иной культуры, что важно для обучения иной культуре в образовательной программе по английскому языку. Пожалуй, главной задачей при визуальном ознакомлении чужестранцев с проявлениями культуры, является научить их подтверждать или опровергать известные им стереотипы. Например, интересными для некоторых учащихся могут быть следующие вопросы: «Действительно ли все англичане едят по утрам овсянку?», «Действительно ли англичане – чопорная нация?», «Действительно ли англичане пьют чай в пять часов вечера?», «Действительно ли все жители Соединенного Королевства подают к столу жареную индейку на Рождество?» и др. Наблюдения за проявлениями культуры могут вызывать «культурный шок» у наблюдателей, как позитивный, так и негативный.

Индикаторы культуры действуют как неявные сигналы, означающие, что мы встретились с представителями иной, не родной для нас, культуры. Индикаторы культуры нередко проявляются в укладе жизни народа и его представителей. Знание индикаторов культуры необходимо для того, чтобы отличить «свое» и «чужое», распознать особенности непривычного поведения и адаптироваться в новой культурной среде. Индикатором британской культуры является, например, избегание разговоров на некоторые темы, включая доход семьи, религиозную принадлежность, имеющиеся заболевания, подробности личной жизни и др. Индикатором британской культуры также можно считать посещение мужчинами пабов в вечернее время и, особенно, в пятницу вечером. Исчезающим индикатором британской культуры можно считать традиционное

посещение англиканской или иной протестантской церкви по воскресеньям. Индикатором западной культуры в целом, является стремление детей уже в старшем подростковом возрасте жить отдельно от родителей, хотя эта сторона уклада жизни сегодня претерпевает изменения.

Факты культуры представляют собой еще менее явную составляющую в содержании обучения культуре иных народов, поскольку факты есть не всегда внешне заметные, но упрямо повторяющиеся и обязательно присутствующие в коллективной ментальности культурные характеристики. К фактам культуры можно отнести стоическое поведение, как ценность британской культуры, нетерпимое отношение к двусмысленности и лжи, как ценность американской культуры, покаяние, как ценность русской православной культуры и др. К фактам культуры относятся религия и верования, распространенные суеверия и почитаемые традиции, коллективные убеждения о пользе или вреде той или иной еды, разделяемые поверья о путях сохранения здоровья. Носители культуры обычно не демонстрируют факты своего культурного уклада представителям иных сообществ, хотя и не скрывают их.

Измерения культуры составляют ее наиболее глубинную составляющую, характеризуя наиболее общие культурные особенности, проявляющиеся в быте, познании и поведении народа при всех возможных исключениях. В культуроведении выделяются следующие измерения («векторы») культуры: *восприятие пространства и времени; отношения между полами, друзьями, партнерами; дистанция между властью и подчиненными; соотношение коллективизма и индивидуализма; доминирование мужского или женского начала; соотношение активности и реактивности; одновременность одной цели или множества целей в деятельности (полихромные и монохромные культуры); молчаливость, лаконичность и медитация (high context cultures) и стремление к максимально полному и информативному высказыванию (low context cultures) культуры; стремление к конкретности или терпимость к неопределенности; допустимость или недопустимость лжи; уход в обобщения*

или в частности; постановка преимущественно ближайших или отдаленных целей и др.

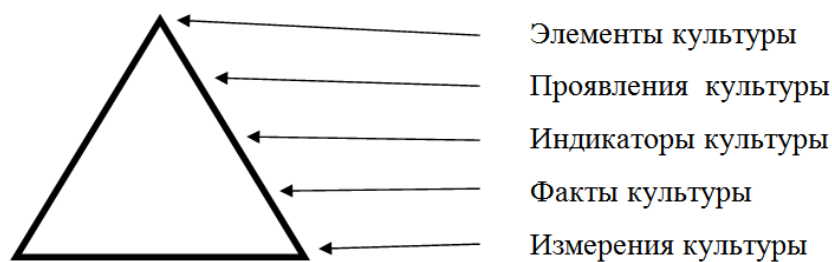
Сопоставление культур показывает, что они существенно отличаются по выделенным в антропологической науке векторам и измерениям. Например, российская культура обычно характеризуется культурологами, как «женственная», с типичной для нее поэтичностью, мечтательностью и устремленностью в будущее, песенностью, открытостью, искренностью и образностью. Западная культура наделяется активностью, решительностью, наступательностью, навязыванием своей воли, открытым прагматизмом. Если западная культура активна, то азиатская – реактивна и ей, как культуре, лишь в редких случаях свойственно проявление инициативы.

Восточная культура характеризуется коллективизмом (например, выражение скорби – коллективное дело всей арабской деревни), в то время многие западные страны относятся к культурам индивидуальным, подчеркивая независимость личности от общества с правом на неприкосновенность его личной жизни (privacy). Культурные особенности проявляются в науке. Если западному научному стилю свойственна конкретность, экспериментальность, строгая доказательность, то восточная наука предпочитает философские рассуждения, абстрактные обобщения и глубокомысленные умозаключения.

Если культуре свойственна терпимость к неопределенности (Япония), то ее представители спокойнее относятся к ситуациям риска с их высокой степенью неопределенности развития событий. Это характерно для бытовой сферы жизнедеятельности, так как в бизнесе вступают в силу деловые соображения и расчет.

Различные компоненты знаний культуры народа отличаются друг от друга по своей «глубине» и очевидности для непосредственного наблюдения, изучения и описания. Это различие можно продемонстрировать на рисунке:

Рис. 1. Структура знаний о культуре

Показанная на рисунке структура знаний о культуре наглядно демонстрирует, что наиболее доступными для наблюдения и изучения являются лежащие на поверхности элементы культуры. Несколько менее явно представлены в поведении сообщества различные наблюдаемые проявления культуры. Индикаторы культуры присутствуют в культурном сообществе в явно завуалированной форме и требуют проницательности для распознавания. Факты культуры представляют собой еще более глубинное образование, далеко не всегда открыто демонстрируемое «иностранцам». Наиболее глубоким культурным слоем можно считать измерения культуры, которые, одновременно, служат основанием всей конструкции знаний о культуре сообщества (deep source quality).

Обучение культуре

Культура, как разделяемые в сообществе способ бытия, становится в наши дни важным содержанием обучения, которым учащиеся овладевают вместе с усвоением иностранного и, прежде всего, английского языка. Сверхзадачей этого педагогического процесса можно считать развитие у учащихся восприимчивости к иной культуре и умения «видеть» культуру в жизни другого народа. Для этого используются все составляющие содержания обучения культуре, а именно, *элементы, проявления, индикаторы, факты и измерения*.

В учебном процессе формирование у учащихся восприимчивости к иной культуре осуществляется через развитие у них соответствующих культурных представлений. Для обучения культуре используются следующие подходы:

- лингвистический,
- этнографический,

- когнитивный,
- таксономический,
- аксиологический.

Поскольку обучение иной культуре осуществляется «через язык» и «на языке», особый интерес представляют случаи отражения культуры в языковых средствах выражения. При этом актуальной является задача не только сообщить о культурных особенностях изучаемого ими языка, например, английского, но и показать глобальный принцип отражения культуры народа в языковых средствах. Например, если в той или иной культуре особый символический смысл приобретает «свеча», то для этого понятия обычно существует слово, как например, английское слово «candle». Слово ассоциируется с праздниками, ритуалами, обычаями, поэзией, настроением и т.д. Интересно, что в культуре майя свеча не имеет особого символического смысла и это значение передается как «один длинный и тонкий воск» (в языке майя вместе артикля всегда используется числительное, точно указывающее количество предметов). В языке винту (американские индейцы, проживающие в северной Калифорнии) не различаются грамматические лица первого лица единственного и множественного числа. Существует всего лишь одно местоимение, означающее одновременно и «Я» и «Мы». Подобное смешение значение не случайно. Коллективный характер культуры народа винту объединяет понятия «Я» и «Другие», соединяя индивида и группу воедино как в быту, так и в языке. Аналогично, после просмотра видеосюжета о том, как женщина сидит, задумавшись у камина в своей комнате, американские студенты обозначили сюжет одним словом «privacy» (приятное уединение), в то время как российские учащиеся назвали сюжет словом «одиночество». Понятие «privacy» отсутствует в русском языке как отдельное слово.

Этнографический подход предполагает ознакомление учащихся с наблюдаемыми особенностями культуры народа, говорящего на изучаемом ими языке. А наблюдаемым особенностям можно отнести архитектуру городов и деревень, особенности храмов и богослужений, исторические места,

национальные костюмы и танцы, праздники и ритуалы, правила вежливости и этикета и др. Знание многих из этих особенностей важно не только для расширения кругозора учащихся, но также для успешного межкультурного общения. Например, в православных храмах Румынии, под влиянием мусульманской культуры, мужчины и женщины молятся не вместе, а отдельно. Этнографические наблюдения делаются как на уровне символического, так и обыденного поведения, а также как на примере социальных групп, так и индивидов.

Когнитивный подход предполагает формирование у учащихся картины мира глазами представителя иной культуры. В разных культурах существуют разные взгляды на права человека, взаимоотношения полов, воспитание детей, отношение к старшему поколению и проч. Например, в некоторых культурах приветствуется участие женщин в грубых мужских видах спорта, в то время, как в других культурах существует иной, более нежный образ женщины. Разные культуры вкладывают разный смысл в понятие «угощение» или «нарядная одежда». Существуют разные культурные представления о «здоровой пище». Иными словами, существует разное восприятие мира у представителей разных культур и у учащихся важно формировать адекватные представления о различиях между культурами на когнитивном уровне. Интересно, что по результатам некоторых экспериментов, учащиеся – представители азиатской культуры лучше мыслили конкретно, в то время, как их сверстники – представители западной культуры, более уверенно справились с мыслительными задачами абстрактного типа (Что было бы, если бы ...?)

Таксономический подход означает, что учащиеся знакомятся с разными типами культур в современном мире, например с культурой *коллективной и индивидуальной, большой и малой дистанции (иерархии) власти, мужского и женского стиля коллективного поведения, многословия и медитации, линейного и циклического времени и др.*

Таксономический подход позволяет учащимся лучше ориентироваться в существующих культурах и понимать, почему в некоторых культурах ценится

коллективизм, а в других – индивидуальная инициатива и ответственность. Они смогут объяснить, почему в одних культурах быстрее, чем в других утверждается демократия. Школьники поймут, почему одни культуры отличаются поэтичностью и песенностью, в другие – твердостью и решительностью. Учащиеся научатся распознавать культуры, для которых типичны обильные высказывания и рассуждения, в отличие от культуры «молчания». Обучение культуре позволит им понять, почему одни народы всегда спешат вперед к счастью, а другие – равнодушно смотрят в будущее.

Наконец, аксиологический подход познакомит учащихся с социальными ценностями, существующими в разных культурах. Например, семья является традиционной ценностью восточной культуры, а на западе семейные традиции подвергаются сомнению. Примером изменения культурных ценностей являются перестроечные процессы 90-х годов 20-го века. Для западной культуры ведущей ценностью является «личная свобода». В мусульманской культуре главной ценностью является «вера». В азиатской культуре одной из важнейших ценностей служит «вечность» и т.д. В речевом поведении ценностью для западной культуры можно считать информативность, лаконичность, релевантность и четкость высказывания. Полная противоположность этому речевому поведению рассматривается как ценность в азиатском дискурсе (обобщенность, многословие, обилие посторонних ассоциаций и витиеватость).

Разумеется, в обучении культуре интегрировано реализуются разные подходы и это позволяет «редуцировать» такое бесконечное понятие, как «культура» до относительно простой структуры знания учащихся.

В связи с тем, что знания о культуре могут усваиваться и как элементы, и как проявления, а также как индикаторы, факты и измерения, лингвистическая дидактика разрабатывает соответствующие методические приемы:

<i>Знания о культуре</i>	<i>Приемы обучения</i>
<i>Элементы</i>	<i>Наблюдения за элементами культуры на примере изображений и видеоматериалов с комментарием</i>

<i>Проявления</i>	<i>Наблюдения за жизнью носителей культуры на доступном материале с описанием и объяснением привычек, предпочтений и практик</i>
<i>Индикаторы</i>	<i>Наблюдения за типичным поведением носителей культуры с обобщением типичных паттернов поведения в характерных обстоятельствах, а также с анализом исторических и иных предпосылок</i>
<i>Факты</i>	<i>Выявление в поведении носителей культуры на различном материале характерных для них ценностей, установок, отношений, убеждений, суждений и способов деятельности в связи с глубинными корнями культурных традиций</i>
<i>Измерения</i>	<i>Обобщение на различном материале (эпизоды, публицистика, художественные тексты, фильмы, отчеты) ведущих тенденций жизнедеятельности, объясняющих многие явления жизни носителей анализируемой культуры</i>

Наиболее полное знание иной культуры формируются при погружении в иную (иностранную) культуру на основе систематических наблюдений и обобщений.

Глава 1.2

СИМВОЛЫ КУЛЬТУРНОЙ СРЕДЫ

Символы культуры и языковые знаки

Культура, как и язык – это дискретная семиотическая система, которая тоже является средством коммуникации. Однако если язык – это система коммуникации, способная передавать «быстрые» сообщения, в которых главное содержание находится в плане выражения, то культура – это коммуникативная система, способная передавать «медленные» сообщения, где план содержания значительно объемнее, чем план выражения. Поэтому языковая семиотическая система требует понимания путем трансформации намеренно посланного сообщения в принятую информацию. Культура, как семиотическая система, может быть понята только в результате расшифровки глубинных культурных кодов, причем, в этом процессе нет намеренно

посланного сообщения, а принятая информация может быть неправильно интерпретирована сквозь призму собственной культуры.

Культура дискретна не только потому, что семиотическая система не может быть не дискретной, а обязательно состоит из четко очерченных знаков. Культура дискретна еще и потому, что состоит из скрытых и неявных, но существующих и поддающихся символам.

Символы культуры отличаются от языковых знаков. Языковые знаки представляют собой коммуникативные сигналы, в которых «означающее» и «означаемое» находятся между собой в отношениях недвусмысленной взаимной обратимости. Это означает, что содержание знака всегда понятно из его формы, а форма всегда обусловлена определенным содержанием. Только такие знаки могут обеспечить успешную коммуникацию.

Рассмотрим подробнее разницу между языковым знаком и культурным символом. Вначале приведем пример. Всем известно «пение соловья» и «крики мартовского кота». И пение соловья, и крики мартовского кота – тождественные сигналы, имеющие одну общую коммуникативную функцию – призывы в целях найти партнера для продолжения рода. Как знаки, эти сигналы однотипны по своей семантике и именно так распознаются экспертами. Вместе с тем, как культурные символы эти сигналы отличаются друг от друга. Соловьиное пение символизирует во многих человеческих культурах красоту и неповторимость весеннего времени года, романтику человеческих отношений и ценность этих преходящих мгновений. Для сравнения, крики мартовского кота не символизируют для людей культурную ценность и нередко заставляют плотнее закрыть окно. Превращение однозначного сигнала в символический, таким образом, зависит от культурного контекста, в котором тот или иной сигнал из «знака» становится символом. (Соловьев В.С. Символистская критика. Импрессионизм мысли. М. Директ-Медиа. 2010. 137 с.)

Языковой знак – это форма отражения бытия в коммуникативных целях с однозначной семантикой. Без однозначной семантики коммуникация будет невозможна. Существуют такие разные по сложности формы языкового знака,

как слова, словосочетания, фразы, предложения и тексты разной протяженности.

Культурный символ – это форма бытия, выражаемая изобразительными средствами в искусстве и архитектуре, интеллектуальных и технологических продуктах, бытовых предметах и декоративных орнаментах, церемониях, ритуалах и обрядах и др. Символика бытия значительно глубже, разнообразнее и индивидуальнее по своей семантике, чем семантика знака.

Если семантической стороной языкового знака является его значение, то семантической стороной культурного символа служат образы социального бытия, характерные для носителей соответствующей культуры.

Если языковой знак служит целям коммуникации, то культурный символ выполняет функцию самовыражения того, что объединяет носителей единой культуры вместе, то есть, способов, содержания и смысла их совместного бытия.

Символы культуры, в отличие от языковых знаков, это такие коммуникативные сигналы, в которых «означающее» и «означаемое» находятся между собой в отношениях двусмысленной взаимной обратимости. Одни и те же символы культуры могут быть по-разному поняты и истолкованы. Одно и то же явление культуры может получить свое множественное символическое выражение. Более того, культурные символы с полным основанием можно отнести к «неявным сигналам», которые замечает лишь посвященную в культурную символику участником культуры. Культурные символы нуждаются не в прочтении, а в интерпретации через «взлом» культурного кода.

Символы культуры составляют особый код, который можно назвать «полузакрытым», поскольку некоторая часть культуры приоткрыта для непосредственного наблюдения, например, этнографические признаки – одежда, блюда, танцы, музыка, изделия народного творчества, орудия труда, способы организации быта и деятельности, семейный уклад и даже окружающая природа. Другие черты культуры оказываются скрытыми от

непосредственного наблюдения и для того, чтобы включить их в культурную семиотику, они нуждаются в декодировании и интерпретации.

В социально-психологическом смысле, культура представляет собой коллективное программирование индивидуального поведения, в результате которого, в общественном и индивидуальном сознании утверждаются вполне определенные и предсказуемые ценности, нормы, правила, стереотипы и практики. Они объединяют общество, диктуют способы реагирования на вызовы окружающей среды, передаются по наследству от поколения к поколению, формируются в результате социального воспитания и позволяют отличить «своего» от «чужого».

Поскольку культура формируется в ходе и результате общественного бытия, можно сказать, что культура и общество находятся в таком же соотношении, как личность и индивид. Если культура – это совокупное свойство, приобретаемое обществом в процессе социального бытия, то и личность – это совокупное свойство, приобретаемое индивидом в процессе его социального бытия. Культура общества и личности, таким образом, есть продукт их совместного социального бытия (Hofstede, G. *Culture's Consequences*. California. Sage Publications. 2001).

Культура формируется под влиянием географических, экологических, экономических, демографических, генетических, исторических и политических факторов. Культуры сохраняют себя и видоизменяются во взаимодействии с другими культурами, в результате нашествий и завоеваний, вследствие экономических и геополитических экспансий, под влиянием перенесенных войн, бедствий и катастроф, под воздействием внешней миссионерской деятельности, а также испытывая на себе информационные потоки. Следствием того или иного культурного развития общества можно считать форму власти и влияния, разделение общества на классы, кланы и касты, роль мужчины и женщины в семье и вне ее, отношение к детям и старикам, характер межличностных отношений, особенности религиозной веры, содержание и формы обучения и воспитания, характерные этнографические черты. В основе

этих культурных проявлений можно считать все те же ценности и нормы, правила и стереотипы, а также культурно обусловленные практики.

Заметим, что взаимодействие разных культур может осложняться различиями как внешними, поверхностными, так и внутренними глубинными. В культурной антропологии выделяются, по крайней мере, три типа осложненных отношений между культурами: *культурное столкновение (culture clash)*, *культурный шок (culture shock)*, *культурное утомление (culture fatigue)* (Seelye, H., A. Seelye-James. Culture Clash. Chicago. Business Books. 1996).

Столкновение культур обычно бывает обусловлено несовпадением привычных способов бытия, присущих каждой культуре. Причиной «столкновений» может быть непривычная пища, странные ритуалы, иной распорядок дня, другая манера общения, незнакомые правила межличностных взаимоотношений, потеря привычного чувства безопасности и, конечно, чужой язык и неродная климатическая среда.

Культурный шок представляет собой удар по сложившейся системе координат, лежащих в основе ориентировки в окружающей среде и принятия адекватных решений, вызванный несовпадением привычных ожиданий и реальности. Культурный шок переживается как ошеломляющее открытие, психологическая травма, тревога, неудовлетворение, неуверенность, стресс и даже паника в связи с ощущением своей несостоятельности в новой культурной среде или переживанием заблуждений о родной культуре. Примером культурного шока может служить изменение социального статуса индивида при перемещении из одной культуры в другую, непривычные способы построения межличностных отношений, чуждая бюрократия и др.

Культурное утомление есть накопившееся чувство неудовлетворения в связи с переживаемым стрессом в новой культурной среде, что тормозит межкультурное взаимодействие и побуждает полагаться на привычные способы бытия, сформированные в родной культуре. Главное проявление культурного утомления заключается в том, что участники полностью или частично отказываются от попыток усвоить чужие способы бытия и начинают следовать

усвоенным с детства ценностям, нормам, правилам, стереотипам и практикам. Процесс адаптации к чужой культуре при этом замедляется, но не прекращается. Например, многие эмигранты, попавшие в новую для них культурную среду, поначалу пытаются освоить местные традиции питания, отказываясь от своей традиционной кухни. Достаточно быстро, в силу «культурного утомления», участники неродной культуры переходят на свою традиционную диету, но при этом, в их рационе остаются и со временем укрепляются национальные блюда принявшей их культуры.

Восприятие иной культуры проходит тем успешнее, чем эффективнее ее «декодирование», то есть, разгадывание закодированной в незнакомой культуре информации о ней самой. Любой код – это такое сочетание знаков, которое при расшифровке раскрывает строго определенное содержание, не вызывающее сомнений в точности полученной информации. Если культура – это действительно код, то такая система знаков требует многоэтапного декодирования с все более глубоким проникновением в сущность скрываемой информации. Подобное «послойное» снятие культурной информации можно условно показать на модели пирамиды:

Визуальные признаки культуры в основном наблюдаются в культурной этнографии (памятники старины, архитектура, национальная одежда, предметы быта и народных промыслов, обрядовые песни и танцы, устройство жилища и др.)

Любые наблюдаемые признаки культуры, включая язык ее носителей, можно считать культурными символами, если они не только наблюдаются в культурной среде, но и раскрывают ее глубинное содержание.

Культурные символы обычно объединяются в группы, соответствующие различным сферам той или иной культуры, включая власть и влияние в обществе, внутрисемейные и межгендерные отношения, доминирующие религии, народные традиции и обряды, национальную одежду, кухню, устройство быта и др.

Группы культурных символов составляют в целом культурную семиотику, то есть, совокупность сигналов, которые посылает культура ее наблюдателям при условии, что они владеют секретами культурного кода и могут его расшифровать.

Глубинная расшифровка культурного кода ведет к познанию культуры и накоплению знаний о «душе народа». Это означает, что познание культуры всегда есть результат глубинной дешифровки культурного кода.

Исследование культуры обычно сопровождается сомнением в том, действительно ли культура существует в обществе, как некий универсальный для данного народа способ бытия. Основанием для сомнений являются многочисленные примеры группового и индивидуального разнообразия и своеобразия в нарушение принципа культурной целостности общества. Иными словами, требуются доказательства того, что общество как носитель культуры может отличаться достаточной культурной гомогенностью. Такие доказательства есть в научных исследованиях (Minkov, M., G.Hofstede. Is National Culture a Meaningful Concept? //Cross-Cultural Research. 46/2/ 2012. 133-159).

Изучение культуры разных стран показывает, что в Китае 20 регионов из 24 отличаются культурным единообразием. В Бразилии 19 регионов из 20 также характеризуются культурной универсальностью. В Австралии едины в культурном отношении 6 регионов из 8, в Канаде – 8 из 10, в Великобритании – 10 из 11. Даже в США, где население исторически формировалось в ходе

эмиграции, культурно идентичными можно назвать 10 регионов из 12. Исследование показывает, что культурное единообразие действительно характеризует нацию в масштабах государства. Причем, английский язык объединяет многие государства единой культурой. В отличие от этого, китайский язык не является символом единой культуры на примере Китая и Тайваня.

В любом случае, культура действительно существует как реальная и устойчивая характеристика общества, закодированная в особой символической (семиотической) системе и нуждающаяся в дешифровке для ее глубинного понимания. Таким образом, *культура представляет собой закодированный в символах способ общественного бытия, визуально представленный в этнографической форме и скрывающий в своей глубине ценности, нормы, правила, стереотипы и практики, которые могут стать понятными в результате расшифровки культурного кода.* Для этого необходимо рассмотреть векторы и измерения культуры, то есть, семантическую сторону культурных символов.

Векторы и измерения культуры

В любой культуре четко выделяются области анализа – векторы (vectors) и «измерения» (dimensions) (Hofstede, G. *Masculinity and Femininity*. London. Sage Publications. 1998). Векторы культуры – это два магистральных направления «коллективизма» (collective cultures) и «индивидуализма» (individual cultures) в которых развиваются все известные антропологической науке культуры, то есть, социально разделяемые способы жизнедеятельности общества. Измерения культуры – это глубинные черты культурной ментальности, которые характерны для соответствующих векторов культуры и характеризуют измерение времени (циклическое и линейное), а также измерение пространства (высоко контекстное или «насыщенное контекстом», противопоставленное низко контекстному пространству с «ненасыщенным контекстом»).

В наиболее общем виде векторы и измерения можно представить следующим образом:

Коллективные культуры существуют по принципу «растворения индивидуальности в социуме». Для успешного выживания таким культурам нужна иерархия ролей по власти и влиянию. Это означает, что увеличивается расстояние от «низов» до «власти» и для такой культуры характерно большое удаление власти (high power-distance, что затрудняет самореализацию личности. Не случайно в коллективных культурах повышенное значение имеет компенсирующее поведение в форме мифов и сказок, мечты о будущем, эмоционального творческого самовыражения. В целях лучшей адаптации индивида в обществе, в некоторых культурах коллективного вектора развития распространяется в качестве ценности идея самоунижения личности, утверждаются идеалы жертвенности во имя общего дела. Подобные признаки в культуроведческой литературе объединяются общим термином «феминной культуры» с характерной поэтичностью, песенностью, романтической мечтательностью, доверчивостью и надеждой.

В отличие от фемининной, индивидуальные культуры строятся по принципу «выявления индивидуальности в социуме» и удовлетворения личных потребностей. Для успешного функционирования таким культурам требуется признание равенства социальных ролей и эффективное межличностное взаимодействие. В связи с этим значительно сокращается дистанция между «низами» и «верхами» с характерным малым удалением власти (low power-distance). Во взаимоотношениях преобладает расчет, прагматизм и решительная активность. Жизненной ценностью становится самоутверждение личности, достижение цели и потребление благ. Эти признаки по существующей традиции культурной антропологии составляют сущность «маскулинной культуры». Маскулинные культуры отличаются решительностью и твердостью, настойчивой наступательностью, жесткостью и даже агрессивностью, прагматическим расчетом и чувством реальности.

Разумеется, существуют не только культуры с четко выделяемыми векторами развития коллективности или индивидуальности в способе жизнедеятельности общества, но и культуры, находящиеся в пространстве «между векторами».

Нетрудно заметить, что если индивидуальные культуры можно обобщенно отнести к «западным», то коллективные культуры в целом относятся к «восточным» (ориентальным) территориям. Для большей точности отметим, что коллективные культуры распространены также и на северных территориях Америки, а также на азиатском и европейском крайнем Севере. Территория России, в силу географических и иных причин, скорее всего, занимает положение между векторами коллективного и индивидуального развития культуры современного российского общества. Забегая вперед, отметим, что это предположение подтверждается языковой символикой.

Коллективные и индивидуальные культуры анализируются в измерениях «времени» и «пространства». В измерении «времени» в индивидуальных и коллективных культурах лучше всего изучено «линейное/циклическое время», а в измерении «пространства» - «насыщенный/ненасыщенный контекст».

Исследования показывают, что коллективные культуры наиболее последовательно характеризуются «циклическим временем» (cyclical time) бытия. Циклическое время, в котором живет культура, означает, что ее носители воспринимают время «полихромно» (polychromic cultures), когда прошлое, настоящее и будущее едино, каждое мгновение состоит из множества одновременных событий, относящихся к прошлому, настоящему и будущему. В японском понимании, выражение «Назад к старым ценностям» фактически означает «Вперед к прогрессу» (Mooij, M. *Consumer Behavior and Culture*. L. Sage Publications. 2011).

Цикличность времени означает, что не человек движется по линии времени, а время вращается вокруг него. Подобные особенности социального бытия нередко отмечают представители западной культуры, оказавшись, например, в бразильском офисе, где постоянно входят и выходят посетители, руководитель ведет одновременно несколько бесед с разными клиентами, участники общения перебивают друг друга и т.д. (Novinger, T. *Communicating with Brazilians. When “Yes” means “No”*. Texas. University of Texas. 2003).

Для индивидуальных культур типично «линейное время» (linear time). Линейное время означает, что в социальном восприятии оси времени существует четкое деление на прошлое, настоящее и будущее, а активность людей направлена на реализацию мечты в предстоящем периоде жизни. Жизнь состоит из рабочих и выходных дней с запланированными видами деятельности. Характерным является желание людей оказаться впереди других, успеть больше сделать за очерченный отрезок времени и жизни, быстрее попасть в будущее, которое будет лучше, чем настоящее и, тем более, чем прошлое. Типичным для американской ментальности является желание непременно довести до конца начатое дело.

Сравним линейное и циклическое измерение времени. В культурной среде американских индейцев, живущих в измерении не линейного, как американцы европейского происхождения, а циклического времени, наблюдается большое количество недостроенных домов (любые проекты европейцев всегда

завершены полностью и в срок). Аналогичная практика незаконченной деятельности наблюдается и в других культурах циклического времени, например, в турецкой культуре. Связано это с тем, что в циклическом времени человек не планирует деятельность, а живет в зависимости от изменения обстоятельств. Дома достраиваются не сразу, а по мере увеличения семьи и появления потребности в дополнительных комнатах ((Mooij, M. *Consumer Behavior and Culture*. L. Sage Publications. 2011). Добавим также, что художественные сюжеты, созданные в культурах линейного времени, как правило, имеют счастливый конец (*happy ending*), что редко встречается в японских фильмах, где доминирует не линейное, а циклическое измерение времени. Вероятно, это объясняется тем, что в культурах циклического времени нет веры в лучшее будущее, которое вероятно будет таким же непростым, как настоящее и прошлое. Линейное время означает, что человеку есть к чему стремиться и лучшее – впереди на оси времени.

В целом культуры с циклическим измерением времени (восток) живут в универсальном настоящем, где все вечно, объективно, независимо от воли людей и где будущее определяет прошлое и все это в единстве – настоящее время. Линейное измерение времени (запад) живут «здесь и теперь», когда все реально, распланировано, где каждый момент имеет значение и где прошлое есть причина настоящего, а будущее лишь повторяет прошлое (Carr, D., Ch. Chan-Fal (Editors). *Space, Time, and Culture*. The Netherlands. Kluwer Academic Publishers. 2004). Типичным выражением представлений о движении во времени является «Назад к будущему!» К этому можно добавить, что в некоторых культурах циклического времени (иудаизм) время вообще мало рассматривается в ретроспективе или перспективе. Главная реальность – это вечное и бесконечное пространство, которое отличается беспредельностью и за мнимыми границами которого есть только продолжение. Так выражение «на веки вечные» в иврите означает «*leolam va ed*» (во всем пространстве вселенной и дальше), то есть понятие «времени» замещается понятием «бесконечно существующего пространства».

«Пространство» является важным культурным измерением и по его характеристикам можно определить принадлежность носителей к той или иной культуре. Наиболее изученными свойствами культурного пространства стали насыщенный и ненасыщенный контекст, то есть, разделяемые и подразумеваемые знания носителей культуры. По своим измерениям пространство коллективной культуры отличается «насыщенностью контекста» (high-context culture), а индивидуальная культура характеризуется «не насыщенностью контекста» (low-context culture) (Novinger, T. Intercultural Communication. Texas, University of Texas. 2001). Можно сказать, что коллективные культуры «высоко контекстны» и их носители в общении больше подразумевают, чем открыто выражают в формах языка и больше многозначительно молчат. Индивидуальные культуры – «низко контекстны» и в этих культурах необходимо максимально полно выразить речевой замысел языковыми формами.

Насыщенность контекста означает, что в коллективной культуре подразумеваемая информация важнее, чем вербализованная, то есть, сформулированная словами. Отсюда культура характеризуется созерцательностью и глубокомыслием, а высказывания отличаются многозначностью и многозначительностью, с большой долей двусмысленности и неопределенности абстрактных рассуждений, что требует обязательного знания контекста общения и умения интерпретировать смысл с учетом всех обстоятельств.

Характерной особенностью культурного пространства с насыщенным контекстом можно считать преобладание не конкретного, а абстрактного смысла, обилие аллегорий и художественных сравнений, метафоричность языка и изысканность стиля. Наблюдается декларативность суждений, где доказательства подменяются эмоциональностью, аргументы – настойчивыми повторами, а логика – ссылками на авторитеты. Это характеризует восточный (азиатский и ориентальный) дискурс конфуцианских традиций.

В отличие от ненасыщенного контекста пространства в коллективной культуре, пространство индивидуальной культуры характеризуется ненасыщенным контекстом. Это означает, что главное внимание обе стороны общения обращают не на то, что подразумевается, а на то, что сказано звуками речи или написано буквами. Главное – это буквально понимаемое слово, а не индивидуально прочитанный смысл. Не случайно в английском языке существует выражение «Fulfill the instruction to the letter» - «Выполнить указание до последней буквы».

Ненасыщенный контекст обуславливает необходимость формулировать мысль полностью, четко и недвусмысленно. Не случайно культуры с не насыщенным контекстом коммуникации называются «ambiguity intolerant cultures» (культуры, нетерпимые к двусмысленности), отличающиеся не созерцательностью, как восточные культуры, а активностью.

В высказываниях, построенных в условиях нетерпимости к двусмысленности, преобладает конкретная информация, а абстрактные выводы делаются на основании эмпирических данных. Не случайно научные исследования, выполненные на западе, всегда строятся на обильной фактической основе, а полученные данные тщательно обрабатываются статистическими методами. Доклады, основанные на абстрактных теоретических рассуждениях по поводу гипотез или терминов, встречаются значительно реже.

Формулируемые идеи обязательно подкрепляются доказательствами. В связи с этим, особую ценность для западного дискурса с его не насыщенным контекстом представляет эпистемологическая сторона высказывания, то есть, проверка надежности источника информации, анализ системы доказательств и оценка истинности формулируемых умозаключений.

Для сравнения отметим, что эпистемологии высказываний в культурах насыщенного контекста (восток) уделяется значительно меньше внимания. Двусмысленность считается не недостатком, а достоинством коммуникации, так как позволяет действовать более гибко с учетом меняющейся ситуации.

Обращение к фактам в ущерб абстрактным идеям воспринимается, как бедность мысли. Доказательство истины признается напрасной потерей времени. Так, в английской культуре с ее ненасыщенным контекстом существует пословица «Facts speak for themselves» - «Факты говорят сами за себя». В отличие от поиска истины в аргументах, в арабской культуре с типичным насыщенным контекстом считается, что «Поиск истины – бесполезное занятие». Аналогичные идеи формулируются также в русской культуре: «Нет правды на земле ...»

Не случайно в культурах с ненасыщенным и насыщенным контекстом коммуникации существует разная концепция справедливости. Если насыщенный контекст (восток) с его двусмысленностью и уклончивостью суждений защищает идеи милосердия, сострадания, всепрощения и коллективной ответственности, то культуры не насыщенного контекста коммуникации (запад) утверждают в качестве идеала наказание зла, справедливого возмездия и личной ответственности за совершенные деяния. Известная английская пословица утверждает: «A just war is better than unjust peace» - «Справедливая война лучше несправедливого мира». Русская пословица на аналогичную тему утверждает противоположный идеал: «Худой мир лучше доброй ссоры». Означает ли это, что для английской культуры характерен в целом не насыщенный контекст коммуникации, а русская культура отличается насыщенностью контекста, богатством ассоциаций и уклончивостью смысла? Для ответа на поставленный вопрос недостаточно буквально понимать текст той или иной пословицы. Необходимо декодировать текст, как культурный символ, проникая в его глубинные слои и выходя на анализ векторов и измерений культуры.

Глубинного декодирования требуют также поведенческие символы культуры. Например, к наблюдаемому поведению носителей арабской культуры можно отнести: важность личных связей в решении деловых проблем, семейственность в устройстве на работу и организации бизнеса, безусловное признание авторитета хозяина, традиционные комплименты и

лесть в речевом общении, подозрительность и ожидание угрозы извне, избегание риска, неверие в долгосрочное планирование, фаталистические взгляды на жизнь, строгое соблюдение традиций, двусмысленность и уклончивость собственных высказываний, ожидание конкретности и определенности от партнера, вероятность «восстания толпы» (Wunderle, W. A Manual for American Servicemen in the Arab Middle East. N.Y. Skyhorse Publishing House. 2008). Подобное поведение можно считать символическим для арабской культуры лишь в том случае, если удастся проникнуть в их глубинную культурную обусловленность.

Символическим для культуры может быть речевое поведение ее носителей, отражающих их культурную ментальность (Shore, B. Culture in Mind. Cognition, Culture and the Problem of Meaning. Oxford. Oxford University Press. 1996. 428 p). Например, символическим может оказаться наблюдение, сделанное в японской культуре, где фраза с вполне определенным смыслом, «Я замерз и хотел бы выпить немного вина, чтобы согреться», может показаться слишком прямой, категоричной и даже грубой. Вместо этого японская культура предпочитает неспешное рассуждение о холодной погоде, которая неожиданно наступила и приносит столько неприятных ощущений. Насыщенный контекст общения делает смысл такого уклончивого высказывания понятным для окружающих.

В испанской культуре, явно отличающейся от японской нормами вежливости, вполне приемлема раздраженная фраза официанту: «Вы принесете, наконец, кофе?» Подобное «просьба» воспринимается в Англии, как грубость и требует более мягкой и многословной замены: «Могу ли я, если это возможно, получить свой кофе, если это для Вас не трудно?» Для этого символического поведения можно найти объяснение в глубинах культурных векторов и измерений.

Символической речевой реакции австралийского аборигена в случаях, когда официант задерживает кофе, будет короткое глубокомысленное утверждение «Уже солнце клонится к западу», сопровождаемое длительной

паузой. Аналогичной будет реакция американского индейца: «Я давно уже здесь и надеюсь, что не буду испытывать жажду». Символизм такого речевого поведения нуждается в глубинном анализе.

Уклончивость и двусмысленность высказываний наблюдается также в случаях «языковой игры», когда в слова вкладывается противоположный смысл. Например, для высказываний вьетнамской матери по отношению к своему ребенку характерна языковая игра типа «Как я ненавижу твое маленькое противное личико!», имея в виду «Как я люблю ...!» Очевидно, языковая игра символична для вьетнамской (и не только) культуры и уходит своими корнями в соответствующие векторы и измерения культуры. Не случайно, в русской культуре возможно кокетливое обращение к любимому человеку со словами «Противный!», а в английской культуре это недопустимо. Значит ли это, что российской и вьетнамской культуре есть некие общие векторы и измерения?

Исследования показывают, что векторы и измерения культуры связаны между собой и если культура развивается в коллективном или индивидуальном векторе, то есть основания полагать, что в этих культурах с наибольшей вероятностью будут обнаружены признаки соответствующих измерений (Hall, E., M. Hall. *Understanding Cultural Differences*. L., Intercultural Press. 1990. 196 p.) Покажем это схематически на примере коллективного и индивидуального вектора культур:

<i>Коллективный вектор</i>	<i>Индивидуальный вектор</i>
<i>Удаленность власти от подчиненных</i>	<i>Приближенность власти к подчиненным</i>
<i>Преданность «расширенной семье»</i>	<i>Преданность цели и работе</i>
<i>Многолетняя дружба</i>	<i>Кратковременное партнерство</i>
<i>Нарушение личной территории</i>	<i>Сохранение личной территории</i>
<i>Предпочтение коллективной собственности</i>	<i>Предпочтение индивидуальной собственности</i>
<i>Выполнение многих дел одновременно</i>	<i>Выполнение одного дела одновременно</i>
<i>Действие без графика</i>	<i>Действие строго по графику</i>
<i>Несоблюдение сроков</i>	<i>Соблюдение сроков</i>
<i>Незавершенность начатого дела</i>	<i>Обязательное завершение дела</i>
<i>Многозначительное общение и</i>	<i>Четкое, лаконичное и</i>

<i>глубинный подтекст</i>	<i>недвусмысленное выражение мысли</i>
<i>Популярность философских рассуждений и образной поэзии</i>	<i>Популярность практических рекомендаций и полезных советов</i>

Приведенные признаки показывают, что коллективное поведение носителей разных культур по своим признакам достаточно четко распределяется между культурами с коллективным и индивидуальным вектором развития. Именно в этих векторах, как направлениях анализа, выделяются признаки культуры циклического и линейного времени, а также насыщенного и ненасыщенного контекстом культурного пространства.

Глава 1.3

СИМВОЛЫ КУЛЬТУРНОГО САМООПРЕДЕЛЕНИЯ

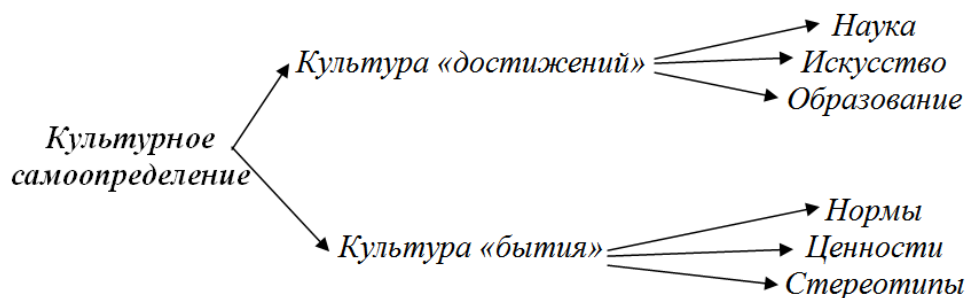
Самоопределение личности (personal identity) определяется как принимаемое решение индивида и том, какое место ему лучше занимать и какую социальную роль играть в окружающем социуме (обществе). Самоопределение бывает культурным, профессиональным, религиозным, политическим, национальным.

Культурное самоопределение личности – это принимаемое решение индивида об усвоении культуры социума с присущими ему нормами и ценностями, правилами и стереотипами, традициями и практиками. Неосознанно принимаемое индивидом решение об усвоении культуры называется «аккультурацией» (acculturation) .

Эксперименты показывают, что дети, воспитанные в разных культурах, нарисовали совершенно разные изображения «деревя» в зависимости от того, в какой культуре они воспитывались: высокую пальму, дерево с большой зеленой кроной, сосну с хвоей и шишками, а также австралийский кустарник.

Культурное самоопределение личности есть отождествление и идентификацию себя с культурой «достижений» в обществе, то есть, с уровнем науки и культуры, образования и спорта, искусства и архитектуры, а также с культурой «бытия», включая разделяемые членами сообщества нормы и

ценности, правила и стереотипы поведения. Покажем культурное самоопределение личности схематически:

Культурное самоопределение личности ориентируется как на культуру «достижений», так и на культуру «бытия», поскольку отождествление себя с этими двумя видами культур важно для получения социального одобрения, успешного взаимодействия с социумом, самоутверждения и самореализации себя. Отождествление себя с «великой культурой» повышает шансы индивида на собственную личностную значимость.

Учитывая то, что любое культурное пространство сохраняет свою целостность только благодаря единству способов коллективного бытия, передаваемых от поколения к поколению и позволяющих отличить «своего» и «чужого», человек сам определяет свое место в этом пространстве, чтобы обеспечить себе максимально преимущественное положение, защиту и признание. Опыт жизни в обществе показывает, что лучше и безопаснее следовать культурным предписаниям, чем идти им наперекор. Поэтому культурное самоопределение личности всегда представляет собой процесс и итог «социальной игры», в которой, как в любой игре, побеждает тот, кто принимает наиболее удачное для себя решение. Если в социальной игре конкурируют разные культуры, то самоопределение личности похоже на «перетягивание каната». В конце концов, индивид оказывается на одной или другой стороне противоборствующих команд.

Одним из символов культурного самоопределения личности в поликультурном обществе является выбор языкового акцента. Так, чернокожая молодежь в США в ряде случаев принимает решение следовать нормам

произношения английского языка белого населения. В других случаях молодые люди предпочитают произносительные нормы «черного английского» (Black English), ассоциируемого в современном американском обществе с сообществом американцев африканского происхождения (African Americans) и с носителями соответствующей культуры.

Правила социальной игры в современном мире значительно осложняются тем, что люди живут не в монокультурном, а поликультурном пространстве, в котором важно соответствовать не только внутри культурным, но и межкультурным требованиям. Иначе возникает риск попасть в «аутсайдеры», что равносильно проигрышу в социальной игре. В этой связи особое значение приобрели исследования межкультурного самоопределения личности, что сразу же стало актуально для языковой педагогики.

Межкультурное самоопределение – это осуществляемый индивидом выбор норм и ценностей, правил и стереотипов, традиций и практик среди окружающего культурного многообразия с одновременным формированием отношения к иным культурам. Поясним, что отношение к иным культурам может носить, как толерантный, так и антагонистический характер. В основе толерантного отношения лежит принцип этнического релятивизма (все культуры относительно хороши), а в основе межкультурного антагонизма положен принцип этнического центризма (моя культура хорошая, а остальные – хуже). Межкультурное самоопределение – это всегда избирательное отношение к окружающим культурам, где толерантность предпочтительнее антагонизма. (Erez, M., P. Earley. Culture. Self-Identity, and Work. Oxford. Oxford University Press. 1993.)

Межкультурное самоопределение личности представляет собой процесс внутри личности, скрытый не только от окружающих, но и, нередко, от самого индивида. Так, попадая в иную культуру, человек нередко усваивает те или иные черты культуры, не осознавая этого. Одним из характерных явлений в межкультурном самоопределении является усвоение ценностей культуры. Ценности всегда назывались антропологами важным признаком любой

культуры. Еще в древней Греции культурными ценностями считались добро, истина и красота. В современной Индии ценностями являются истина, мудрость и ненасилие. С этим контрастируют западные ценности – достижение цели, получение выгоды, личная свобода. К ценностям российской культуры можно отнести искренность, гостеприимство, миролюбие. Французскими ценностями считается гармония отношений, красота формы, чувство патриотизма. В качестве духовных ценностей в Финляндии утверждаются равенство, скромность и сдержанность. Особое место в системе человеческих ценностей занимает африканская культура, где в центре ментальности помещается принадлежность к общине, почитание предков и уважение к старшим по рангу или возрасту. Какие бы ни были культурные ценности, самоопределение личности среди культурного разнообразия обязательно включает внутреннее принятие соответствующих ценностей и никогда не сводится к усвоению поверхностных индикаторов культуры (одежда, соблюдение обычаев, участие в традициях).

Межкультурное самоопределение имеет место в межэтническом браке, этнически смешанной учебной или профессиональной группе, полиэтническом регионе, международных контактах, а также в условиях глобализации экономики, политики, образования, культуры и интернет коммуникации в современном мире. Актуальность межкультурного самоопределения личности повышается вместе с овладением одним или более иностранными языками и открывающимися перспективами непосредственного соприкосновения с иными культурами.

Подчеркнем, что межкультурное самоопределение личности осуществляется по-разному в естественных и учебных условиях. В естественных условиях поликультурного мира межкультурное самоопределение личности осуществляется как *усвоение и присвоение индивидом признаков доминирующей культуры среди культурного многообразия, в результате чего он обретает свое «культурное Я», а также накапливает представления об иных культурах.* В учебных условиях

самоопределение осуществляется, как *формирование знаний об иностранных культурах и отношения к ним с сохранением собственной культурной идентичности и чувством принадлежности к родной культуре.*

Межкультурное самоопределение – сложный и противоречивый процесс и его динамика напоминает букву:

*Принятие
культуры*

*Поглощение
культурой*

U

*Отвержение
культуры*

Межкультурное самоопределение представляет собой непростой выбор способа коллективного бытия:

<i>Англо-саксонская культура</i>	<i>Высокая ориентация на результат и низкий уровень коллективизма.</i>
<i>Латинская Европа (Франция)</i>	<i>Высокая ориентация на эстетику и низкий уровень сострадания.</i>
<i>Северная Европа</i>	<i>Высокая ориентация на равенство и низкая дистанция власти.</i>
<i>Восточная Европа</i>	<i>Высокое чувство коллективизма и низкая ориентация на достижение результата.</i>
<i>Ближний Восток</i>	<i>Высокое чувство коллективизма и низкая ориентация на будущее.</i>
<i>Африка</i>	<i>Высокий уровень сострадания и низкая ориентация на расчетливый прагматизм.</i>
<i>Конфуцианская Азия (Китай)</i>	<i>Высокое чувство коллективизма и высокая ориентация на достижение результата.</i>

Выбор того или иного способа «культурной ориентации» означает интуитивное желание соответствовать культурным ожиданиям сообщества.

Процесс самоопределения личности в культуре начинается с детства. Например, в саксонской культуре ребенок с первых лет усваивает «хорошие манеры». В дополнение к этому, в американской семье с англосаксонскими культурными корнями считается правильным воспитывать у детей «здоровую агрессивность», необходимую для выживания в современном мире. В арабской

культуре дети сразу же приучаются к почитанию Бога. В Индии уже в детском возрасте воспитываются у детей разные гендерные роли в зависимости от пола. В Израиле детей воспитывают на примере исторических традиций. Египетская культура погружает ребенка в правила сохранения внешних приличий. В Японии от ребенка требуют терпения и выносливости. В российской системе воспитания с детского возраста присутствует идея патриотизма, уважения к военному прошлому страны. Некоторые русские семьи считают важным воспитывать детей в духе традиций православного христианства. Все это означает, что уже с детства у ребенка закладывают основы культурного самоопределения.

Проблема семейного воспитания ребенка в духе тех или иных культурных традиций осложняется тем, что существует «культура семьи», «культура улицы», а также «культура официоза», то есть, идеологические взгляды, насаждаемые официальными средствами массовой информации и представителями власти. Выбор развивающейся личности ребенка в этом межкультурном пространстве зависит от степени погружения в ту или иную культуру и активности участия в ней.

В чем же заключается сущность межкультурного самоопределения личности? Прежде всего, в том месте, какое занимает индивид на соединительных линиях («континууме») между двумя «крайностями» в измерениях культур. Покажем это графически на условном примере «индивидуального самоопределения»:

Исследования показывают, что межкультурное самоопределение личности может осуществляться как *приближение к иной культуре (crossing)*,

приобщение к иной культуры (passing) и переход в иную культуру (re-racing). Приближение к культуре обнаруживается в том, что учащиеся начинают демонстрировать некоторые изолированные признаки, характерные для иной культуры, например, американский акцент или аксессуары одежды. Приобщение к культуре проявляется более системно и полно, причем, в случае искусного подражания, индивид может «сойти за своего» (*pass as a native*). Наконец, переход в иную культуру означает, что чужой образ жизни становится своим и человек, долгое время погруженный в быт иного общества, приобретает новую культурную идентичность. Межкультурное самоопределение обнаруживается, прежде всего, в тяготении к той или иной культуре, что далее сопровождается приближением, приобщением и переходом в иную сферу ценностей, норм, стереотипов и правил.

Тяготение индивида к коллективной культуре, типичной для азиатских традиций, означает признание иерархии власти, склонность к поэтическому и песенно-лирическому восприятию мира, терпимость к неопределенности и «невинной лжи», отказ от собственного жизненного пространства на общей территории, циклическое восприятие времени без спешки «вперед», привычку к многословию и комплиментарности в общении. Идентификация себя в соответствии с индивидуальной культурой означает, что индивид предпочитает противоположные тенденции, а именно, демократизм в восприятии власти, решительность действий, нетерпимость к двусмысленности и лжи, право на свою неприкосновенную территорию, стремление «вперед в будущее», лаконичность и точность речи.

Приведем лишь один пример. Нигерийский студент, обучавшийся в американском университете, участвовал в коллективной беседе о традициях ухаживания за девушками в разных культурах. В то время, как американские и европейские студенты рассказывали о подарках, знаках внимания, совместных поездках, нигерийский студент подробно описывал тропинку в своей деревне,

по которой обычно гуляют влюбленные. Оказалось, что по местным традициям, отвечать кратко и прямо на поставленный вопрос считается высокомерным. Коротко и точно имеет право ответить только учитель. Межкультурное самоопределение означает, что индивид принимает на себя обязательства соблюдать выбранные культурные традиции.

<i>Признак и поведение</i>	Слово	Дело	Молчание	Вера	Судьба
Речевое	<i>Рассуждения</i>	<i>Лаконичность</i>	<i>Пауза</i>	<i>Религия</i>	<i>Мудрости</i>
Неречевое	<i>Экспрессия</i>	<i>Мимика</i>	<i>Ритуалы</i>	<i>Экспрессия</i>	<i>Символы</i>
Когнитивное	<i>Общность</i>	<i>Отдельность</i>	<i>Иерархия</i>	<i>Религия</i>	<i>Рок</i>
Этическое	<i>Приличия</i>	<i>Деловитость</i>	<i>Уважение</i>	<i>Заповеди</i>	<i>Покорность</i>
Аффективное	<i>Открытость</i>	<i>Стоицизм</i>	<i>Контроль</i>	<i>Гендер</i>	<i>Ритуалы</i>

Выбор культур в современном мире достаточно велик и осложняется он тем, что все культуры сегодня соприкасаются и перемешиваются друг с другом, оказывая влияние на культурное самоопределение личности. Покажем на матрице многообразие культур с учетом ключевого признака и особенностей поведения носителей культуры.

Из матрицы следует, что культура, в которой ключевым признаком является «слово», отличается стремление выразительно и убедительно сказать. В такой культуре слово нередко бывает важнее дела и «красиво сказать» нередко ценится не меньше, чем «хорошо сделать». Для неречевого поведения характерна жестикация. В когнитивном отношении мир воспринимается, как общий и существующий «для всех» в равной мере. Этика определяет правила вежливости и приличия, например, гостеприимство. Аффективное поведение открыто и выражение эмоций возможно в присутствии других, как например, в российской или южно-европейской культуре.

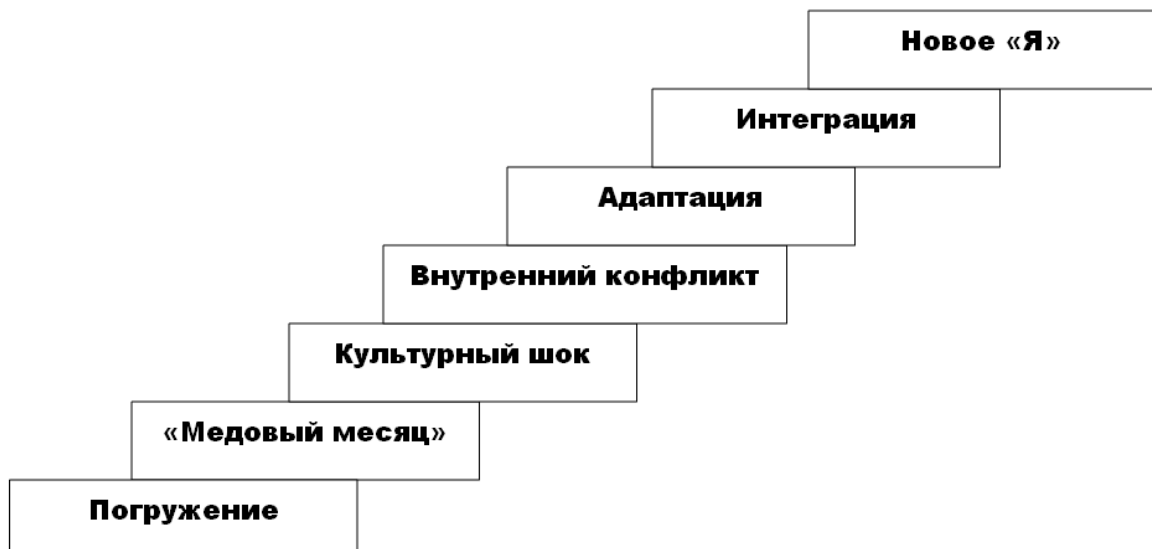
Культура «дела» отличается лаконичностью речи (low context culture), мимикой и контактом глаз, отдельностью бытия (privacy), жизнью «ради дела», стоицизмом и закрытостью переживаний от посторонних глаз. Такая культура характерна для запада.

Культура «молчания», наблюдаемая в Японии, отличается долгими паузами в общении, ритуальностью поведения, иерархией власти, уважением к «верхам» и полным контролем над эмоциями.

В культуре «веры» речевое поведение насыщено обращением к имени всевышнего (мусульманский мир), обильной жестикуляцией, религиозными воззрениями на мир, выполнением божественных заповедей и строгими различиями в выражении эмоций между мужчинами и женщинами (мужчинам запрещено выражать чувства на публике).

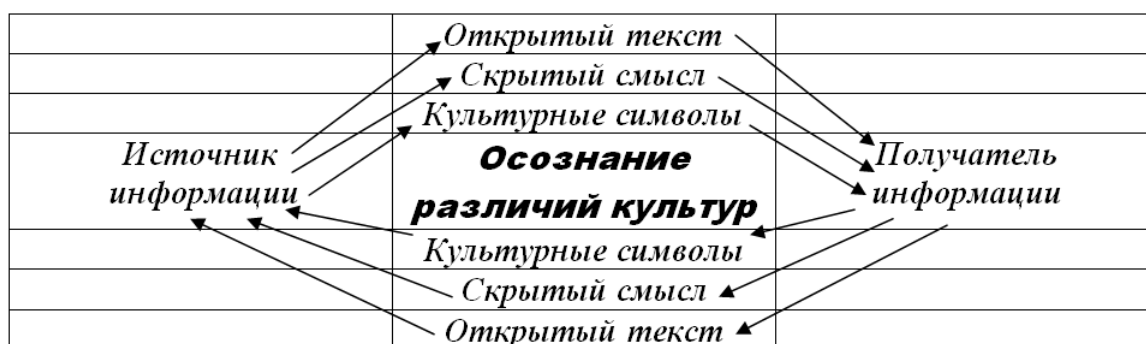
Если признаком культуры становится «судьба», как например, в Индии, в речевом поведении появляются цитаты мудрецов, неречевое поведение пронизывают символические изображения, предметы и танцы, в окружающем мире все предопределено, этически правильным считается покорность судьбе и готовность к страданиям, выражение эмоций осуществляется через ритуалы.

Межкультурное самоопределение становится возможным, если индивид знаком с соответствующей культурой, сделал свой выбор из имеющихся альтернатив и прошел все необходимые для этого этапы от погружения в новую для себя культуру и «медового месяца» к новому «Я»:

Последовательность шагов показывает, что погружение в новую культуру нередко сопровождается ее идеализацией, переживаемой как «медовый месяц», но при этом неизбежен культурный шок – острое осознаний несоответствий между уже совершившимся культурным самоопределением личности и непривычными социальными требованиями в новых социокультурных условиях. Культурный шок сопровождается внутренним конфликтом, то есть, борьбой альтернатив остаться собой или измениться. Поскольку индивид нуждается в социальном одобрении, каждый из нас вынужден соответствовать требованиям культуры, и мы вначале адаптируемся к новым правилам, частично усваиваем их, а постепенно и незаметно интегрируемся с социумом, выбирая для себя новое «Я». Заметим, что межкультурное самоопределение личности имеет место, даже если новая культура с самого начала не нравится и личность сопротивляется аккультурации. В этих случаях интеграция с новой культурой происходит неявно для окружающих и даже для самого человека.

Межкультурное самоопределение осуществляется через диалог культур, который имеет место между их носителями, то есть, участниками общения. Диалог осуществляется между «источником информации» и «получателем информации»:

На рисунке показано, что межкультурное самоопределение личности представляет собой непрерывный обмен открытыми текстами, скрытыми смыслами и культурными символами, которые понятны носителям культуры, но чужды представителям иных культур. Например, в коллективной культуре, к которой относятся российские традиции, большое значение имеет гостеприимство, где важным культурным символом служит щедрое угощение

гостям. Подобный символ отсутствует в индивидуальной культуре, к которой относится английское общество. Здесь также существует иная символика подарка, и его дороговизна может вызвать смущение у английской стороны. Отсюда, культурный шок у представителей российской культуры в Англии может вызвать весьма скромное угощение, смущенная реакция на дорогой подарок и явно дешевый презент в ответ.

Особенности межкультурного самоопределения личности учитываются в педагогической науке. Языковая педагогика разрабатывает технологии подготовки учащихся к культурному шоку, где большое значение придается осознанию учащимися межкультурных различий. При этом ставится задача повысить осознание не только особенностей чужой, но и своей родной культуры, чтобы учащиеся сохраняли собственную культурную идентичность.

Родная культура учащихся может быть достаточно близкой по отношению к иной культуре, где для общения используется английский язык, но может быть и весьма далекой. Если две культуры близки друг к другу, культурный шок для индивидов при соприкосновении культур будет слабее. Отдаленность и «отдельность» культур усиливает культурный шок и делает его переживанию острее. Покажем дистанцию между коллективными и индивидуальными культурами:

Педагогически важно готовить учащихся к тому, что мир обращения английского языка может быть разным по признаку коллективной и индивидуальной культуры, что важно для подготовки к культурному шоку и лучшей адаптации личности в новых культурных условиях.

Для языковой педагогики важны наблюдения о межкультурных различиях, когда сегодня «хозяева» и «гости» сидят за одним праздничным столом, а завтра вчерашнего гостя не узнали хозяева или сделали вид (Англия). Возможны случаи, например, в Малайзии, когда вчерашнего «близкого друга»

сегодня неожиданно и без видимых причин уволили с работы. Для китайской культуры типичны ситуации, когда сегодня руководитель фирмы говорит одно, а завтра совсем другое и при этом не дает объяснений. В деловой и социальной сфере, как показывают наблюдения в Индии, возможны случаи, когда проситель не получает однозначного ответа от официального лица ни сегодня, ни завтра и представитель иной культуры переживает отчаяние от своей беспомощности перед «непонятым законом». Во всех подобных случаях требуется глубокое понимание культурных традиций и утвердившихся в обществе «правил игры». Важной задачей языковой педагогики является подготовка учащихся к вероятным трудностям адаптации к новой социальной среде при соприкосновении культур.

Все попытки языковой педагогики по возможности ослабить культурный шок при соприкосновении культур и создать условия для межкультурного самоопределения личности с сохранением собственной культурной идентичности, направлены на то, чтобы сформировать их межкультурную компетенцию (intercultural competence). Схематически межкультурная компетенция учащихся показана на рисунке:

В центре модели межкультурной компетенции помещено осознание учащимися различий между культурами, что обеспечивается языковой педагогией. Для осознания расстояний между культурами, важно сформировать у учащихся достоверные знания межкультурных различий, способствовать толерантному отношению к иным культурам, тренировать умения межкультурного общения и, что не менее важно, умения наблюдать за чужими культурами и замечать главное. Это помогает формировать у учащихся

коммуникативные стратегии общения с представителями иных культур и плодотворного взаимодействия с ними, на основе объективного познания межкультурных различий и позитивных установок.

Формирование межкультурной компетенции необходимо для того, чтобы процесс самоопределения личности в поликультурном пространстве был направлен на результат, когда участник иной культуры мог бы сказать о себе: «Я знаю», «Я умею», «Я действую», «Я чувствую», «Я отношусь», эффективно взаимодействуя другими участниками общей для них культурной среды.

Часть 2

СИМВОЛЫ ЯЗЫКА

Глава 2.1

СИМВОЛЫ КУЛЬТУРЫ В ЯЗЫКЕ

Признаки культуры в языковом знаке

Исследования символических признаков культуры пока еще недостаточно ассоциируются с языковыми формами. Исключение составляет культурно маркированная лексика (Буланин Д. Энциклопедия «Слова о полку Игореве». Санкт-Петербург. Институт русской литературы. 1995. 398 с.) Внимание также привлекает визуальная сторона культуры – археологические артефакты, старинные монументы, странные предметы, эксцентричные поступки, подозрительная пища, любопытные ритуалы, загадочные обряды и необъяснимое поведение (Quindi, F. *Visual Anthropology*. Walnut Creek. AltaMira Press. 2004). Вместе с тем, языковые знаки любого уровня сложности, включая морфологию и синтаксис, части речи и члены предложения, тексты и гипертексты по всей вероятности не могут не содержать в себе информацию, релевантную для понимания культуры иного народа. Предположение основано на том, что язык представляет собой знаковое воплощение коллективной памяти носителей культуры и служит ее социальным символом.

К этому можно добавить, что язык есть такая же обусловленная культурой система поведения, как и система обусловленных культурой неязыковых поступков. Языковое поведение «продолжает» культуру по аналогии с неязыковым поведением и обе формы поведения, пересекаясь, являются, по сути, неразделимыми. Если подобное утверждение принять, как правильное, то в формах языка не могут не содержаться культурно обусловленные признаки, так как языковое поведение неизбежно развивается под влиянием культуры (Senft, G. /Ed. *Culture and Language Use*. Sydney. John Benjamins Publishing Company. 2009).

Культурно наполненный языковой знак, как и обычный знак языка, имеет физическую форму и идеальное значение, однако он соотносится не просто с

объектами и процессами окружающего мира, а с явлениями культуры в социальной среде. В таком соотношении возникает культурная «семиосфера» (Ю.Лотман), в которой языковые знаки столь же символичны в культурном отношении, как и неязыковые средства выражения культуры. При этом, если декодирование семантики языковых знаков, хотя бы частично формализовано с помощью словарей и тезаурусов, то культурные импликации языка пока еще представлены разрозненно.

Работа с культурным кодом представляет собой расшифровку закодированной информации. С одной стороны культурная семиотика гетерогенна и принадлежит к единому культурному пространству, которое символизирует. Вместе с тем, культурная семиотика ассиметрична, так как разные стороны одной и той же культуры выражены с помощью соответствующих знаков с разной степенью определенности и полноты. Далее, культурное пространство имеет свои границы, которые отличаются проницаемостью, условностью и абстрактной относительностью, что делает невозможным указание на окончание «одной культуры» и начало «другой». Наконец, одна культура всегда противопоставлена своими признаками другой и познается в таком противопоставлении, однако существует немало случаев, когда семиотика одной культуры столь же успешно принадлежит и другой культуре (см. Лотман Ю.М. *Внутри мыслящих миров: Человек — Текст — Семиосфера — История.* М., 1996. 447 с.).

Важность исследования языковых символов объясняется тем, что за ними может скрываться культура так же, как и за этнографией в целом. Подчеркнем, что за языковым знаком, как культурным символом, скрывается не значение, а культурное содержание с характерными векторами и измерениями культуры.

Языковые символы могут функционировать как *метки, ориентиры и коды культуры*. Метки культуры – это такие языковые символы, которые прямо указывают на этнографию *быта* языкового сообщества, позволяя распознать культуру и отличить ее от другой по этим простым признакам.

Ориентиры культуры - это языковые символы, ориентирующие наблюдателя в культурных признаках и указывающие направления, в которых можно распознать культуру, отличая одну культуру от другой по наблюдаемым явлениям.

Коды культуры – это языковые символы, требующие дешифровки на основании глубокой и всесторонней интерпретации и позволяющие распознать культуру по ее векторам и измерениям.

Отличие языковых символов культуры друг от друга состоит не только в глубине скрываемой информации, но и в «скорости сообщения». Так, метки культуры относятся к символу «быстрого сообщения». Ориентиры культуры представляют собой символы «замедленного сообщения». Коды культуры есть символы «медленного сообщения». Расшифровка символических кодов культуры требует наибольшего времени и усилий наблюдателя. Объясняется это тем, что метки указывают на информацию, лежащую на поверхности культурных феноменов. Ориентиры доступны наблюдению и при этом нуждаются в объяснении и интерпретации. Коды останутся непонятными без их глубокого и нередко противоречивого декодирования путем анализа явлений, их интерпретации и формулирования предположений.

Языковые метки этнографии народа

Еще со времен пионерских исследований Э. Сепира и Б. Уорфа (Sapir, E. *Culture, Language and Personality* (ed. D. G. Mandelbaum). Berkeley, CA: University of California Press. 1958; Whorf, B. *Language, Thought and Reality* (ed. J. V. Carroll). Cambridge, MA: MIT Press. 1956) внимание исследователей привлекали языковые знаки, служившие индексами культуры, то есть, указывавшими на те или иные этнографические особенности народа-носителя, включая особенности окружающей природы.

Классические исследования соотношения языка и культуры показывают, что у северных народов, где большую роль в их жизни играет снег, существует множество слов, для обозначения этого природного явления. Например, в языке эскимосов существует около ста слов (именно слов, а не фраз) для обозначения

неподвижного снега, снега с коркой, падающего крупными снежинками снега, медленно падающего снега, растаявшего и вновь замерзшего снега, строительных блоков из твердого снега, блестящего на солнце снега, мерцающего при луне снега, первый снег в году, падающий на воду снег, растаявший снег, обычный снег и др. (Inuit Language. Wikipedia Books. LLC. 2011). Заметим, что язык эскимосов относится к инкорпорирующим языкам, то есть, слово образуется из нескольких морфем для выражения нужного смысла. В аналитических языках в таких случаях строится фраза из нескольких слов. Тем не менее, регулярное употребление множества слов для обозначения самого разнообразного контекста в связи со снегом, характерно для культуры северных народов. Это означает, что ***культурные особенности языка проявляется не в том, что можно или нельзя сказать на этом языке, а в том, что реально и регулярно говорится на этом языке в соответствии с культурой ее носителей.***

Наблюдения показывают, что в иврите – языке, для народа которого в силу природных условий большое значение имеют дожди, есть следующие слова для обозначения дождя: гешем (обычный дождь), матар (ливень), тифтуф (накрапывающий), йоре (первый дождь после лета), малькош (последний дождь после зимы перед засухой), сэара (буря с грозой и ветром). Эти слова являются метками особых природных условий местной культуры.

Слова служат метками, указывающими на особенности быта народа, включая предпочтения в еде. Например, в корейском языке существуют следующие слова, обозначающие разнообразие контекста для слова «рис»: семена риса, растение риса, очищенный рис, неочищенный рис, приготовленный рис, смешанный очищенный и неочищенный рис, клейкий неочищенный рис, твердый очищенный рис, жареный рис, рисовая лепешка, рисовое пирожное и др. (Byon, A., et al. Korean Language in Culture and Society. Hawaii. University of Hawaii Press. 2006).

Можно привести немало подобных примеров, однако перейдем к анализу языков знаков, как меток характерных для культуры межличностных

отношений, например «уважения», характерного для культур, развивающихся в «коллективном векторе».

Языковые метки «уважения» в коллективных культурах

В коллективных культурах особое значение приобретает обязательное выражение уважения к человеку и признание его роли в иерархии власти и влияния. Языковыми метками в подобных случаях становятся «индикаторы уважения» (honorifics). Вероятно языком-чемпионом по количеству индикаторов уважения к собеседнику является японский язык где их количество приближается к двум десяткам и выражаем уважение к: *равному себе, любимому человеку, младшему по статусу, высокому должностному лицу, старшему коллеге, учителю или профессору, незнакомому человеку, представителю профессии, подозреваемому, обвиняемому, осужденному, к себе (принижая свою роль), к своей компании (принижая роль своей компании по сравнению с компанией-партнером), к чужой компании, императорской фамилии, официальному титулу, владеющему боевым искусством, членам семьи и др.* (Miller, F., F. Agnes, V. McBrewser. Japanese Honorifics. L. Books Lnd. 2010).

Аналоги индикаторов уважения можно найти в русском языке досоветского периода. Например, по отношению к постороннему традиционно использовалось обращение «Почтеннейший!». Существовали и другие формы выражения уважения к социальному статусу. В советское время многие индикаторы уважения были утрачены под влиянием идеологии «демократического централизма». В современном русском языке уважение выражается с помощью местоимений «ты» и «вы». Недопустимо «тыкать» человеку, занимающему более высокий статус в социальной иерархии.

Развитая система индикаторов уважения к человеку существует в корейском языке, однако, их классификация здесь иная. Существуют уважительные существительные (особые слова, обозначающие родителей, старших сестер и братьев, других родственников). Есть уважительные глаголы (сравните с русским: «барин почивает» или «изволил откусать»). Имеются

самоунижающие обращения к другим людям (сравните с русским: «Ваш покорный слуга»), что весьма типично для азиатских культур, относимых к культурам самоунижения (self-effacing cultures). Важно также подчеркивать равный статус собеседников, высказывать с помощью особых слов уважение к учителю, употреблять формулы уважения в деловых письмах, соответствовать этикету уважения к людям в торжественных случаях, подчеркивать высокий статус собеседника (Brown, L. Korean Honorifics and Politeness in Second Language Learning. Amsterdam. John Benjamins Publishing Company. 2011).

Наличие развитой системы индикаторов уважения в корейском языке символизирует коллективность культуры его носителей. Отметим также, что во многих культурах, например, западноевропейской, неуважительно по отношению к человеку подчеркивать его старость. Поэтому в таких языках как английский, существуют эвфемизмы, смягчающие негативную коннотацию «старости». В Англии старых людей называют «старшие граждане» - senior citizens. В отличие от таких языковых уловок, в китайском языке, символизирующем коллективную культуру, эвфемизма «старости» нет, так это «старость» содержит в себе социальную ценность, уважение и почитание. Отсутствие эвфемизмов старости, таким образом, прямо указывает на ценность, которую приобретает личность в той или иной культуре в зависимости от преклонного возраста.

Интересны для сравнения индикаторы уважения в иврите, где культура народа с древних времен характеризуется обращенностью в прошлое. Ведь именно в прошлом зарождались незыблемые и священные для носителей этой культуры национальные традиции. Особенностью меток уважения здесь является то, что они адресованы не только живым, но и «перешедшим в мир теней», дифференцируя их по определенному рангу. (Hary, B., J. Hayes, F. Astren. Judaism and Islam Boundaries, Communication and Interaction. Boston. Brill. 2000). Языковая символика позволяет по-разному выражать заслуженную меру уважения религиозным деятелям, погибшим мученикам, героям прошлого, заслуженным людям и обычным гражданам, ушедшим в мир иной.

Еще одной меткой уважения и внимания к слушателю можно считать «дискурсивные маркеры» (discourse markers), то есть, речевые сигналы, посылаемые собеседнику о том, что процесс коммуникации проходит нормально. Подобные сигналы, типа «ага» есть во всех языках. В языке Йоруба (Нигерия) существуют дискурсивные маркеры, типа «Hun-hun», которые означают: «Я тебя слушаю», «Я хочу сказать», «Я согласен», «Я уважаю тебя», «Я хочу услышать больше», «Я уважаю твой возраст», «Между нами неформальные отношения» и др. Подобные маркеры можно отнести к меткам коллективной культуры, где языковые знаки нередко эксплицитно выражают степень уважения к собеседнику и подчеркивают его статус.

Языковые ориентиры фемининной и маскулинной культуры

Антропологические исследования показывают, что звуки речи могут функционировать как ориентиры, указывающие на такие измерения культуры, как фемининность и маскулинность. (Haviland, W., et al. Cultural Anthropology. Belmont. Wadsworth. 2008).

Обратимся к гласным и согласным звукам речи и посмотрим на их соотношение в языках разных народов. Обычно количество гласных в разных языках мира не бывает меньше пяти, а 20% известных науке языков имеет в среднем 5 гласным фонем. Языки, где количество гласных звуков превышает их среднее количество и количество согласных, называются «вокалическими». Языки, где доминируют согласные звуки, относятся к «консонантным».

Русский язык насчитывает 6 гласных звуков и 37 согласных. Консонантизм в целом характерен для всех славянских языков. Для сравнения, в английском языке – 20 гласных звуков, включая дифтонги и 24 согласных звука (Ladefoged, P., S. Disner. Vowels and Consonants. West Sussex. Wiley-Blackwell. 2012). Можно сказать, что в русском языке доминирует «консонантизм», а в английском – «вокализм».

В датском языке количество гласных возрастает до 23 фонем. В голландском языке количество гласных увеличивается еще больше, до 28, включая 12 долгих фонем, 10 коротких фонем и 6 дифтонгов. Эти звуки речи

включают как стабильные фонемы, так и потенциальные дифтонги, а также возможные звуки речи в заимствованных словах (Collins, B. I. Mees. *The Sounds of English and Dutch*. Leiden. Leiden University Press. 1984). Вокалическим по составу фонем является французский

Напомним, что русская культура соответствует коллективному вектору развития с признаками фемининности, а «западные культуры» (со времен германских племен) развиваются в направлении индивидуального вектора и маскулинности. Если следовать этой тенденции, то получается, что в «маскулинных» культурах количество гласных возрастает, по сравнению с «фемининными» культурами, то есть, «вокализм» культур ассоциируется с решительностью, наступательностью, активностью и даже агрессивностью ее массового носителя (вспомним викингов). Подобная тенденция подтверждается тем, что в языке кхмеров (Камбоджа) при самом большом алфавите, состоящем из 74 букв, насчитывается всего 12 «независимых» гласных звуков, а культура кхмеров отличается выраженными признаками фемининности, то есть, образности, поэтичности, созерцательности, терпеливости и т.п. В одном из абхазских диалектов (абхазская культура отличается признаками «фемининности») функционируют только две гласные фонемы. (Hofstede, G. *Cultures Consequences*. California. Sage Publications. 2001. 311 p.)

Предположение о том, что вокализм языка свидетельствует о маскулинности культуры, подтверждается сопоставлением культур племен американских индейцев. Индейские языки функционируют в трех ареалах: на восточном атлантическом побережье США с чертами вокализма, на западном тихоокеанском побережье с чертами консонантизма, а также в центральном регионе со смешанными, промежуточными признаками. На востоке США, то есть, на атлантическом побережье, в лесных районах вокруг озера Онтарио, на территориях, прилегающих к современному Нью-Йорку, жило большое племя ирокезов, куда входили чероки и др. Члены этого племени были искусными охотниками, отличались воинственностью и агрессивно защищали свою

территорию от белого населения. То есть, они принадлежали маскулинной культуре.

На атлантическом западе США, в северной части жило племя Апачи, члены которого охотились, ловили рыбу, а также занимались сельским хозяйством. На южном западе размещались индейцы – пуэбло, которые занимались рыболовством, а также выращивали кукурузу, тыкву, бобовые и др. В отличие от ирокезов на западе, которые много воевали, Апачи и, особенно, пуэбло на востоке не отличались агрессивностью, хотя слово «апачи» означает «воин». Племя пуэбло практически не оказывало сопротивления американским поселенцам. Апачи и пуэбло характеризовались признаками фемининной культуры.

Сравнение вокализма ирокезов с консонантизмом Апачи и пуэбло позволяет полагать, консонантизм языка Апачи и пуэбло возможно символизирует фемининный вектор развития культуры, а вокализм ирокезов – маскулинность их культуры (Cipriano, J. Native Americans. N.Y. Benchmark Education Company. 2003).

Возможно, преобладание гласных фонем в маскулинных культурах в процессе эволюции объясняется обилием боевых кличей и прочих командных сигналов в маскулинных культурах..

Языковые ориентиры времени

Рассмотрим систему грамматических времен в языках, символизирующих культуру циклического и линейного времени.

Грамматическое время по-разному выражено в разных культурах, что подтверждается многочисленными лингвистическими данными. Общая тенденция состоит в том, что в культурах циклического времени (Китай, Таиланд, Вьетнам, Индия, Ближний Восток и др.) грамматическая категория времени и, особенно, будущее время выглядит значительно проще, чем в культурах линейного времени (Англия, Германия, США и др.) (Muson. R., M. Rathert. Tense Across Languages. Berlin. Walter de Gruyter. 2011). Более того, выражение грамматического времени в языках культур циклического времени

не обязательно, так как отнесенность высказывания к периоду времени интерпретируется с учетом контекста.

Показательным в этом смысле является иврит, где обнаруживается значительная разница между грамматическими временами современного иврита и языка Библии. В современном иврите есть три времени: прошедшее, настоящее и будущее. Казалось бы, такое четкое деление временной оси больше характерно для культур линейного времени. Противоречие разрешается просто в связи с тем, что современный (стандартный) иврит воссоздан искусственно на рубеже 19-го-20-го веков. Обращение к классическому ивриту открывает совсем иную картину. В текстах Библии используются все три морфологических времени (настоящее, прошедшее и будущее), однако во многих случаях эти грамматические времена соответствуют прошедшему времени. Именно так переведены тексты Ветхого завета на русский и английский язык. В оригинале на иврите встречаются морфологически выраженные аспекты глагола, которые формально относятся к прошлому, настоящему и будущему, однако могут относиться к прошедшему времени. В переводах на русский и английский язык эти глаголы даются в прошедшем времени. Переводчики исходили из культурной реальности. Подобное понимание грамматического времени обусловлено еще и тем, что в культурной традиции, символизируемой ивритом, понятие «время» нередко замещается понятием «пространство». Так в текстах Ветхого завета (ТаНаХ) бытует выражение «ле олям ва эд». В дословном переводе оно означает: «во всей вселенной и дальше». То есть, в оригинале Библии упоминается вечно и бесконечно продолжающееся пространство. Традиционный канонический перевод библейских текстов на русском и английском языке предлагает вариант «во веки веков». Идея безграничного пространства трансформируется в идею бесконечного времени. Бесконечное время больше соответствует его линейному восприятию с перспективой непостижимого и все удаляющегося будущего. Циклическое время «вращается» вокруг бесконечного пространства

и именно беспредельность этой территории оказывается в фокусе культуры циклического времени.

Будущее время отсутствует в арабском языке, где есть совершенный и несовершенный вид для обозначения прошедшего и будущего времени. Несовершенный вид может обозначать будущее, если он сопровождается соответствующим наречием или узнается по контексту (Khalil, I. *Grounding in English and Arabic News Discourse*. Amsterdam. John Benjamin. 2000).

Будущее время отсутствует также в корейском языке, символизирующем культуру циклического времени, где есть только прошедшее и не прошедшее время. Нет будущего времени и в японском языке. В китайском языке грамматическое время отсутствует, а для того, чтобы отнести содержание высказывание к периоду времени, существуют отдельные частицы (Po-Ching, Y. *Rimington. Chinese. A Comprehensive Grammar*. N.Y. Routledge. 2004. Lee. I., R. Ramsey. *The Korean Language*. N.Y. State University of New York. 2000. Muson. R., M. Rathert. *Tense Across Languages*. Berlin. Walter de Gruyter. 2011). Все эти языки объединяются не линейным (вперед, к будущему), а циклическим восприятием времени, где будущее, настоящее и прошедшее едины в вечном существовании.

Интересно, что некоторые языки, символизирующие культуру циклического времени, намного детальнее разрабатывают временную ретроспективу, чем перспективу. Например, в хинди различают три настоящих, два будущих и 6 морфологически маркированных форм прошедшего времени. В испанском языке есть два настоящих времени, два будущих времени и 9 прошедших времен (есть и другие, но реже употребляющиеся). Напомним, что испанская культура во многом формировалась под влиянием мусульманского мировоззрения.

Обращение грамматики языка к прошлому, вероятно, типично для культур циклического времени, символизируя вечность времени, где настоящее и будущее уходят в прошлое. Попутно заметим, что будущее время редко употреблялось в древнем русском языке, где совершенный вид настоящего

времени стал выполнять функцию выражения будущего (Потебня А.А. Из записок по русской грамматике. М., Академия наук СССР. 1941).

Для сравнения подчеркнем, что английское грамматическое время символизирует не циклическую, а линейную культуру. Для выражения, как ретроспективы, так и настоящего, а также футуристической перспективы есть немало языковых средств.

Для языка культур линейного времени характерно маркированное сослагательное наклонение, которое есть во всех основных европейских языках, включая английский, немецкий, голландский, французский, итальянский и др. Культурологическое сравнение показывает, что сослагательное наклонение есть, по всей видимости, только в культурах линейного времени. Например, в английском языке существует сложная система выражения предполагаемых действий и реальных или нереальных условий в отнесенности к прошлому, настоящему и будущему. Изучение этой системы предположительности и нереальности представляет собой непростую задачу для тех, кто изучает английский язык. Само наличие такой системы языковых средств показывает, что в рамках культуры линейного времени можно произвольно перемещаться по линии времени, в то время, как человек не властен над циклическим временем, которое фактически отождествляется с вечным и неизменным пространством.

Циклическость времени, характерная для коллективных культур, проявляется в отсутствии сослагательного наклонения. Действительно, сослагательное наклонение («Я бы мог бы, если бы ...») означает, что говорящий рассматривает более или менее реальную возможность изменить естественный ход событий. Подобное видение времени наблюдается в культурах линейного времени, где провозглашается идея «сказку сделать былью» и, меняя настоящее, изменить будущее. Даже прошлое можно пересмотреть и увидеть по-иному. «Сослагательная» философия бессмысленна в коллективных культурах циклического времени и, вероятно, этим можно

объяснить то, что в корейском, китайском, ирландском, финском, иврите и других языках аналогичных культур нет сослагательного наклонения.

В арабском языке «сослагательное наклонение» выражает желание, желательность или необходимость действий, никогда не затрагивая указание на время, которое неизменно. Подобные языковые особенности характеризуют коллективные культуры циклического времени, выступая их культурным символом. В иврите обращение учителя к ученику с фразой типа «Я бы хотел, чтобы ты вел себя иначе» звучит в дословном переводе следующим образом: «Я хочу ты ведешь себя иначе». Этот пример показывает, что грамматически оформленного сослагательного наклонения в иврите нет.

Морфологические и лексические ориентиры насыщенного и ненасыщенного контекста коммуникации

В культурах, где все окружающее пространство насыщено и пронизано глубинным смыслом и контекстом, план содержания обычно бывает значительно полнее плана выражения. В высказывании многое подразумевается, но не выражается.

Любопытным является тот факт, что языки культур с насыщенным контекстом коммуникации нередко игнорируют такую обязательную для европейских языков информацию, как различие единственного и множественного числа. Например, ни в китайском, ни в корейском языке, нет множественного числа существительных. Количество предметом определяется по контексту общения (Perkins, R. *Deixis, Grammar, and Culture*. Amsterdam. John Benjamins Publishing Company. 1992).

К культурам с насыщенным контекстом коммуникации относятся народы Азии (Япония, Вьетнам, Китай), арабского мира и некоторые другие.

Обращает на себя внимание наличие во вьетнамском языке слов, где обозначаемый объект не называется, а объясняется с помощью «классификаторов». Например, «что-то похожее на сочинение» - песня, «объекты, похожие на палку» - растения, «то, что приводится в движение людьми» - машины, «то, что носят люди» - одежда, «место, где находится

власть» - суд или парламент, «объекты круглой формы» - планета, фрукты, мяч, «тонкие объекты» - бумага, газета, книга... (Daley, K. *Vietnamese Classifiers in Narrative Texts*. Texas. University of Texas. 1998). Разумеется, для успешного понимания смысла сообщения с помощью классификаторов (classifiers) необходим насыщенный контекст коммуникации, типичный для вьетнамской и подобных ей культур.

Дейксис как ориентир для идентификации созерцательных культур

Культуры, пространство которых насыщено контекстом (high context cultures), нередко относятся к «созерцательным», предпочитающим отражать языковыми средствами реально наблюдаемые объекты, явления и процессы.

В «высоко контекстных» культурах встречается языковая символика, указывающая на местоположение предметов в пространстве с учетом наблюдаемой географической реальности. В языках американских индейцев для указания местоположения предмета на столе говорится, что он находится «к востоку от центра стола». Типичные китайские фразы в таких случаях следующие: «на востоке стола», «на юге стола», «на западе стола», «на севере стола» (Po-Ching, Y., D. Rimmington. *Chinese. A Comprehensive Grammar*. Routledge. N.Y. 2004).

По аналогии с китайской языковой традицией, в языках австралийских аборигенов с их созерцательной культурой восприятия мира, наблюдаются фразы, типа «Что это у тебя на северной стене комнаты?». Возможны даже выражения, типа, «твоя южная коленка». На Гавайях указывают расположение предметом следующим образом: «по направлению к горам», «по направлению к океану». Некоторые признаки созерцательной культуры можно обнаружить в дейксисе русского языка, символизирующего ментальность, в некоторой степени сформированную под влиянием восточных традиций : «южное окно», «северная комната», «западная сторона дома». «восточная часть храма» и др.

В отличие от созерцательных культур «востока», европейская языковая традиция в подобных ситуациях нередко определяет местоположение одного

предмета относительно другого, то есть, «посреди комнаты», «слева от тарелки», «позади здания», «вверх по улице». «вниз по течению».

Местоимения как ориентиры коллективных и индивидуальных культур

Языковым ориентиром для распознавания коллективных и индивидуальных культур является разное использование местоимений, указывающих на человека. В коллективных культурах (Китай, Корея, Вьетнам, Япония) личные местоимения обычно не употребляются, хотя и существуют (Miller, F. *The Japanese Language. Where have all the pronouns gone?* L., Ruthtrek. 2001. 24 p.)

В соответствии с правилами коллективных культур, лучше обходиться без местоимений. Европейская бабушка скажет своему внуку «Я люблю тебя». Вьетнамка построит предложение иначе: «Бабушка любит своего внука» (Perkins, R. *Deixis, Grammar, and Culture*. Amsterdam. John Benjamins Publishing Company. 1992). Учитывая особую важность межличностных отношений в коллективных культурах, интересным представляется то, что в корейском языке существуют разные местоимения второго лица. Местоимение «ты/вы» в прямом указании на человека корейцы стараются не употреблять. Более употребительны другие местоимения второго лица, в которых передается теплое отношение к близкому человеку. Помимо этого, существуют три местоимения второго лица с разной степенью вежливости. Есть местоимение (суффикс), употребляемое вместе с именем. Другое местоимение используется с фамилией. Есть также суффикс для неформального обращения к близкому человеку (Perkins, R. *Deixis, Grammar, and Culture*. Amsterdam. John Benjamins Publishing Company. 1992). Подобные языковые особенности символизируют коллективную культуру. Аналогично, в русском языке местоимение второго лица выражает не только единственное и множественное число, но и меру уважения к человеку. В ситуациях общения, невежливым считается, указывая на человека, говорить «он/она» вместо имени.

Языковые ориентиры доказательности высказываний

Доказательность высказываний, или «эвиденциальность» (evidentiality) представляет собой коммуникативную характеристику культур, в зависимости от терпимого или нетерпимого отношения к двусмысленности.

Обобщенно можно предположить, что в культурах с терпимым отношением к двусмысленности (восток) доказательность высказываний обеспечивается морфологическими средствами, в то время, как в культурах с нетерпимым отношением к двусмысленности (запад), доказательность высказываний обеспечивается лексическими средствами. Преобладание морфологических и лексических средств доказательности высказывания, предположительно, можно отнести к языковой символической культуре терпимых и нетерпимых к двусмысленности. Попытаемся проверить это предположение.

Доказательность высказывания обычно заключается в том, что говорящий уточняет источник и способ получения информации, указывая на то, что он сам лично видел, слышал или узнал от других, понял на основе рассуждений и т.п. (Aikhenvald, A. , R. Dixon. *Studies in Evidentiality*. Amsterdam. John Benjamins Publishing Company. 2003). В некоторых неевропейских языках доказательность есть обязательная морфологическая категория, с помощью которой говорящий может подчеркивать, например, от какого количества свидетелей он узнал о происшедшем событии. В европейских языках, как правило, доказательность высказываний передается лексическим, а не морфологическим путем. Значит ли это, что морфологические средства выражения доказательности высказывания символизируют то или иное измерение культуры?

В языках бассейна реки Амазонки глагол в фразе «Собака утащила рыбу» обязательно будет содержать морфологический компонент со следующими возможными значениями: «Я видел это», «Я слышал об этом», «Я догадываюсь об этом», «Мне сказали об этом».

В некоторых языках Перу (Ягуа) существует морфологическая система повышения надежности высказывания, указывая точно на время события, которое произошло за несколько часов до разговора, один день назад, одну

неделю или месяц назад, две недели или год назад, в отдаленном прошлом и, наконец, в легендарной древности.

Поскольку эти языки распространены в культурах с высоко насыщенным контекстом общения и терпимостью к двусмысленности, морфологическое выражение доказательности высказывания можно считать символом соответствующей культуры. Подобный предварительный вывод подтверждается примерами китайского языка и его диалектов, где также существует система морфологических суффиксов для выражения доказательности высказывания и где культура терпима к двусмысленности в высоко контекстном пространстве.

В отличие от наблюдаемых «на востоке» морфологических средств выражения доказательности высказывания, западноевропейские языки демонстрируют лексические средства «эвиденциальности», подчеркивая с помощью слов, что информация была получена зрительно, на слух, путем прикосновения или на вкус, в результате понимания, в восприятии от других людей или из средств массовой информации, со ссылкой на разные источники, с поправкой на возможную ошибку («За что купил, за то продал»). (Diewild, G., E. Smirnova (Eds). *Linguistic Realization of Evidentiality in European Languages*. N.Y. Walter de Gruyter. 2010).

Например, в английском языке наблюдаются следующие способы лексической эвиденциальности:

- свидетельство (He looked hungry),
- предположение (He seemed hungry),
- из «первых уст» (He said he was hungry),
- «своими глазами» (I saw he was hungry),
- «собственными ушами» (I heard he was hungry),
- косвенная речь (He was said to be hungry),
- логическое заключение (I guess he was hungry),
- предположение (He might be hungry),
- уверенность (Surely he was hungry).

Подобная тщательность, с которой английский язык подчеркивает надежность или ненадежность информации неслучайна. Поскольку европейские языки функционируют в культурах с ненасыщенным контекстом общения и нетерпимостью к двусмысленности, преобладание лексических средств выражения доказательности высказывания вероятно можно рассматривать, как культурный символ, свидетельствующий и ненасыщенном контексте общения носителей культуры (запад).

Языковые коды культуры

Языковые коды скрывает в себе глубинные особенности культуры ее носителей, то есть, концептуализацию реальности в соответствии с принятыми в культуре векторами и измерениями. Мировосприятие носителей культуры кодируется в текстах и гипертекстах. Именно тексты и, особенно, гипертексты с их безграничностью, нелинейностью и многоплановостью позволяют декодировать культуру с достаточной степенью надежности. При этом, предметом анализа может стать гипертекст метафор, где метафора функционирует, как средство выражения культурной ментальности и одна из форм концептуальной картины мира. Признанным результатом такого анализа является вывод о том, что разные культуры нередко имеют разные метафоры. (Lakoff, G., M. Johnson. *Metaphors We Live By*. Chicago. University of Chicago Press. 1996. P. 242.)

Метафора в декодировании культуры рассматривается, как средство языкового моделирования бытия человека по подобию окружающей природы (время летит, чувства переполняют, жизнь течет, талант расцветает, глаза искрятся, душа разрывается и т.п.) Предположение заключается в том, что разные культуры с помощью метафор по-разному кодируют присущие им векторы и измерения, то есть, коллективность и индивидуальность бытия, линейность и цикличность времени, насыщенность и не насыщенность пространства коммуникативным контекстом. Рассмотрим в качестве примера метафорическое выражение концептов «счастья» и «страдания», «жизни» и «смерти» в культурах с разными векторами и измерениями.

Рассмотрим примеры декодирования векторов и измерений культуры с помощью концептов «жизни», «счастья», «страдания» и «смерти» в гипертекстах метафор разных культур. Поясним, что под «гипертекстом» в рамках исследования понимается некоторое множество текстов метафор, связанных между собой лексико-семантическими «гиперссылками» и относящихся к одному из выбранных для анализа концептов. Метафоры как гипертекст удобны для анализа в силу их лаконичности. Метафоричными по своему языку являются пословицы.

Характерным и, по видимому, единым для различных культур является символическое кодирование ментальности на примере концепта «жизнь». Одной из типичных метафор по отношению к «жизни» является «дорога». Например, в советскую эпоху развития российской культуры были приняты метафоры типа «величественный пятилетний путь», «светлый путь», «верная дорога», «не свернуть с пути». Аналогичная метафора была принята в Китае в период правления председателя Мао, которого называли «великий кормчий».

В христианской культуре (православной, католической, протестантской) праведная жизнь также представлена, как «прямой и широкий путь», в то время, как греховное существование закодировано, как «извилистая и узкая дорога», на которой существуют «препятствия» в виде «искушений». Споткнуться на дороге, значит согрешить и не послушать пастуха, то есть, господина. (Kovascses, Z. *Metaphor in Culture*. Cambridge. Cambridge University Press. 2005. 314 p.)

Метафора «жизненного пути» вероятно кодирует в себе линейное измерение времени, характерное для многих культур.

В буддистской культуре также встречается «дорожная» метафора жизни, однако есть и другие метафорические способы выражения этого значения. Например, в японской культуре «жизнь» сравнивается не только с «путешествием», но и с «листочком на ветру», «тяжелым грузом», «цветущей вишней». Эти, казалось бы, разные метафоры объединяет единый смысл - жизнь есть преходящее испытание. В связи с конечностью земного бытия

человека, оно метафорически рассматривается не как протяженная линия, а как момент. Сколь продолжительной не была бы жизнь человека, она все равно есть мгновение относительно вечности. В мгновенной жизни удачи и неудачи теряют смысл (Brown J., J. Brown. *China, Japan, Korea. Culture and Customs*. North Charleston. Book Surge. 2006. 191 p.)

В отличие от понятия «жизнь» с похожими метафорами в разных культурах, концепт «счастья» имеет разное наполнение в отдельно взятых культурах. Например, для американской ментальности «счастье» - это личная заслуга каждого. Счастье можно получить в качестве трофея. Счастьем можно гордиться, как собственным достижением. Счастье можно удерживать в руках всю жизнь. Для российской ментальности добиться «счастья» непросто, оно зависит от везения, легко ускользает из рук и отличается хрупкостью, а также обманчивостью. Корейцы придерживаются убеждения в том, что каждый имеет свою заранее определенную судьбой меру «счастья» и меру «страданий». Имея счастье сегодня, следует обязательно готовиться к завтрашним испытаниям. Именно поэтому в корейской культуре нет такого стремления поскорее добиться счастья, как у носителей западной культуры (Diener, E. *International Differences in Well-Being*. Oxford. Oxford University Press. 2010. 350 p.) Сказанное позволяет сделать предварительный вывод о том, что в концепте «счастья», на примере корейского языка, закодировано циклическое, а не линейное измерение времени.

Анализ показывает, что метафоры «счастья» имеют, как общие, так и отличительные признаки в языках разных культур. В китайском языке нет английской идиоматической метафоры «отрывания от земли» или русской метафоры «седьмого неба» и «птицы счастья». Одновременно, в китайском языке от счастья «не сияют глаза», но есть своя типичная метафора: счастье – это «цветок, распускающийся в сердце». Подобная метафора свидетельствует о самосозерцании, типичном для китайской культуры и, вероятно, для других культур с традициями самонаблюдения и медитации. Подобный вывод

подтверждается также метафорой выражения чувств, связанной с описанием движения бровей в китайском языке.

Подчеркнем, что в культурах, где особое значение имеет уважение к другой личности и не принято прямо указывать на другого человека с помощью местоимений или рассматривать других людей (Корея), в описании природных и других явлений отсутствует метафора «лица». В корейском языке «небо не хмурится», «солнце не улыбается», «день не плачет дождем», «погода не шепчет», «звезды не подмигивают», у судьбы нет «гримас» и т.п.

В китайском, как и в японском языке, почти не встречаются метафоры, связанные со страданием. Подобное отсутствие метафор объясняется тем, что буддистская философия отрицает существование страдания, как жизненной реальности, а объясняет это тяжелое переживание неумностью человеческих желаний и неспособностью видеть красоту мира. Китайская мудрость заключается в том, что «страдание можно прекратить, если прекратить желания». (Roberts, J. Chinese Mythology. A to Z. New York. Chelsea House. 2010. 172 p.) Подобный аскетизм характерен для культур с коллективным вектором развития и циклическим восприятием времени, когда удовольствия и страдания в человеческой жизни распределены поровну и в любом случае проходят. Это служит еще одним подтверждением предположения о том, что метафоры «страдания» можно использовать для декодирования коллективного вектора развития культур со всеми присущими таким культурам измерениями, включая «циклическое время».

Дополним сделанные наблюдения тем, что в русском и английском языке «счастье наполняет», «гнев разрывает» (сравните: «лопнуть от злости»), «ревность сжигает». Метафоры «сосуда», «воды», «огня» известны лингвистической антропологии, как культурные универсалии. В некоторых языках (зулу) метафоры «сосуда», «воды» и «огня» нет. Например, от гнева человек «немеет», «болеет», «потеет», «плачет», «перестает дышать». А вот в китайском языке человек от гнева «пылает», то есть, метафора огня характерна для китайской ментальности. Более того, китайский язык в целом предпочитает

метафору «огня» и мало обращается к метафорам «сосуда» и «воды». (Kovecses, Z. *Metaphor and Emotion*. Cambridge. Cambridge University Press. 2000. 244 p.) Очевидно, это связано с тем, что культуры циклического измерения времени акцентируют внимание на огне, как символу судьбы, очищения, разрушения, силы и таинства вечной жизни. Предпочтение метафоры «огня» вероятно можно считать доказательством того, что с помощью этого языкового символа кодируется циклическое измерение времени китайской культуры и, вероятно, иных восточных культур.

Еще более характерным для разных культур является кодирование своих глубинных векторов и измерений на примере концепта «смерти». Анализ показывает, что для культур с линейным временем, смерть воспринимается, как «конец пути», а для культур с циклическим временем – как «переход к иному бытию», «начало вечности», «вечный сон», «этап существования», «избавление от страданий», «награда за страдания», «конечный путь», «встреча с вечностью», «возвращение домой», «освобождение от бесконечного вращения колеса жизни» и др. (Parkes, C., Loungani, P., B. Young. Eds. *Death and Bereavement across Cultures*. L., Routledge. 2003. 261 p.) Буддистские воззрения добавляют к этому пониманию «возрождение» «rebirth», подчеркивая, что переход настоящего в прошлое предполагает также превращение прошлого в будущее.

Подчеркнем, что идея смерти, как «освобождения» в индуистской культуре означает также нежелательность возрождения и возвращения в жизнь к новым испытаниям и страданиям. Возрождение после смерти, таким образом, не является наградой за праведную жизнь, хотя и дает шанс искупить прежние грехи и достигнуть более высокого уровня очищения. (Kubler-Ross. E. *Death. The Final Stage of Growth*. N.Y. Simon and Schuster Inc. 1986. 181 c.)

Для сравнения культур с линейным и циклическим временем подчеркнем, что культуры линейного измерения времени отрицательно относятся к смерти, в то время, как культуры циклического восприятия времени с готовностью включают это состояние в цикл вечного бытия, что выражается в метафоре

«колеса вечности». Такая метафора в культурах циклического времени исключает метафорическую интерпретацию смерти, как «переход в иное состояние». Становится понятно, почему в культурах циклического времени непопулярно долгосрочное планирование своих дел. Смерть, непредсказуемая и неожиданная, является главной перспективой жизни, что делает бессмысленным планирование событий, соблюдение сроков, завершение проектов, достижение целей и переживание триумфа в обрывающемся моменте времени.

Переходы в метафорическом гипертексте дают возможность полнее изучить разные измерения культуры и даже выйти на анализ ее векторов. Например, с помощью китайских метафор можно декодировать не только циклическое измерение времени, но и насыщенное контекстом культурное пространство. «Желтая река» понимается в китайской культуре как граница между формами бытия «здесь» и «там». Отсюда бытует выражение «Не останавливайся, пока не достигнешь Желтой реки». «Восточное море» в китайском контексте ассоциируется с мерой счастья: «Желаем счастья как Восточное море». Даже названия городов наполнены контекстом: «Беспечный может потерять Ханчжоу» (имеется в виду историческое событие).

Дальнейшие переходы в гипертексте метафор открывают другие особенности китайской культуры, требующие своего декодирования: «Тот, кто не соглашается со своими врагами, тот подчиняется им», «Мудрец принимает решение, глупец слушает других», «Если хочешь счастья на всю жизнь, сделай счастливым другого», «Для своего успеха спроси трех стариков», «Чтобы другие не узнали, не делай», «Самый лучший друг тот, кто возвращается издалека» и др. Аналогичные наблюдения можно сделать на примере пословиц других культур.

В целом, путешествие по гипертексту метафор позволяет декодировать векторы и измерения культуры, в частности, ее коллективность или индивидуальность, циклическое или линейное восприятие времени, насыщенное или ненасыщенное контекстом культурное пространство.

Глава 2.2

СИМВОЛЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ЯЗЫКОВ (на примере английского и русского языков)

Интерес к взаимодействию культур в мире глобального языка сопровождается преобразованием понятия «культура» в педагогическом процессе. Если раньше «культура» ассоциировалась с исторической перспективой развития науки и искусства в обществе, то постепенно «культура» стала интерпретироваться учителями и учащимися, как ценности, стереотипы и правила, разделяемые в сообществе, определяющие коллективный способ жизни и мировосприятия, а также позволяющий отличить «своих» от «чужих». Такое понимание культуры сделало актуальным и более понятным значение толерантности к межкультурным различиям в современном поликультурном мире, переместив акцент с культуры «для туристов» на культуру «для жизни».

Английский язык становится глобальным, а не национальным достоянием, коммуникативные процессы объединяют различные удаленные друг от друга регионы земного шара, а не только англоговорящие страны с остальным миром. Активно возникают региональные варианты английского языка с типичной для них фонетикой, лексикой, грамматикой, прагматикой и даже слэнгом, что, в свою очередь, оказывает влияние на английский язык в странах «узкого круга».

В условиях глобализации английского языка и появления «world Englishes» пересматриваются многие стереотипные утверждения о том, что

- распространение языка в мире – это «лингвистический империализм»,
- естественные носители языка могут служить единственной моделью для подражания в учебном процессе,
- учителя, для которых английский язык является родным, могут обучать своему родному языку лучше, чем учителя, сами выучившие английский язык как иностранный,

- аутентичным может считаться только английский язык «в исполнении» его естественных носителей (native speakers),

- культурное содержание обучения английскому языку ограничивается этнографией жизни в Великобритании, США и, реже, Канаде и, еще реже, Австралии и Новой Зеландии,

- представители методической науки естественных англоговорящих стран обладают более совершенной методикой обучения английскому языку, чем методисты стран остального мира.

Во многих странах трансформируется отношение к учителю, для которого преподаваемый язык не является родным. В частности, естественные носители английского языка как учителя уже не рассматриваются как безусловные победители в профессиональной конкуренции с их коллегами «не англосаксонского происхождения». Отмечаются многие преимущества, которые отличают местного учителя от его «конкурентов», рожденных с английским языком.

Исследования подтверждают, что учителя, которые сами выучили английский язык как иностранный, лучше обучают своих учащихся учебным стратегиям; они способны видеть отличия родного языка учащихся от иностранного; учащимся легче подражать произношению таких учителей; учителя с неродным английским языком дают учащимся больше полезной информации о том, как функционирует английский язык и его грамматика; такие учителя обращают больше внимания на значения и культурные ассоциации английских слов; эти учителя значительно лучше носителей языка предвидят трудности своих учащихся в овладении английским языком; учителя с неродным для них английским языком устанавливают со своими учащимися более тесный эмоциональный контакт и активнее сопереживают с ними успехи и неудачи; учителя, которые являются носителями родного языка учащихся, эффективнее доносят до учащихся подробности преподаваемого материала; «свои» учителя намного успешнее своих зарубежных коллег распознают особенности родной для учащихся и иностранной культуры, ориентируя их в

межкультурных различиях и предупреждая «культурный шок»; «свои» учителя эффективнее, чем их зарубежные коллеги, используют достижения своей отечественной методики, предлагая учащимся такие приемы обучения, к которым они привыкли в изучении не только языка, но и других предметов.

Культурные преимущества «своих» учителей заключаются в том, что китайские учителя, например, знают: их учащиеся, молчаливо слушают своего учителя на уроке, так как считают неприличным демонстрировать свои знания в присутствии остальных учащихся, а также, чтобы дать возможность говорить учителю и не перебивать его. Приехавший из-за границы «носитель языка» может воспринять отсутствие инициативы на уроке со стороны китайских учащихся, как проявление их нежелания учиться, как отсутствие знаний и даже как негативное отношение к учителю-иностранцу.

Естественные языковые процессы в условиях глобализации, «столкнули» английский язык с языками иных культур, что раньше не наблюдалось (правильные грамматические структуры были лишены своего культурного содержания). Культурные особенности России обуславливают трудности в обучении русских учащихся некоторым английским лексическим средствам. Толкование культурных импликаций слов все больше становится частью методической культуры преподавания английского языка в России.

Например, слово «каша» в целом соответствует английским словам *porridge*, *cereal*, *oatmeal*, каждое из которых не полностью соответствует русскому эквиваленту и требует пояснений. Русское словосочетание «гречневая каша» формально соответствует английскому значению *buckwheat*, однако это слово мало информативно для англичан и американцев, где гречневая крупа ограничено распространена среди потребителей. Еще более трудно найти соответствие в английском языке русскому идиоматическому выражению «каша в голове» (*confusion*).

Подобные затруднения стали очевидными лишь в недавний период развития российской методики обучения английскому языку, поскольку в советскую эпоху, учащиеся овладевали формальным английским языком,

который был рафинированным не только в лексико-грамматическом, но и культурно-идеологическом смысле.

Главным достоинством считалась формальная правильность предложения, а не культурные импликации, которые всегда редуцировались до различий между «советским» (советское значит отличное) и «буржуазным» (буржуазное значит плохое и враждебное). В результате, многие учителя и учащиеся, впервые побывавшие в Великобритании или США, с удивлением открыли для себя, что «они» кашу не варят, а заливают овсяные хлопья холодным молоком. Всего 20 лет назад, российским учителям и школьникам мало что говорили слова типа *yoghurt*, *kiwi*, *ketchup*, *Indian curry* и др. Эти слова встречались в художественных и публицистических текстах, но их словарные определения не восполняли пробелов в культурных знаниях участников педагогического процесса. Значение слова *yoghurt* объяснялось в письме российского студента домой из Великобритании, как «кефир с цукатами».

Современная наука отреагировала тем, что во всем мире учащиеся стали открывать для себя английский язык со всеми его лингвистическими и культурными особенностями, а интерес к межкультурным лексическим соответствиям значительно вырос и превратился в отдельный объект изучения.

Межъязыковые коллизии значительно расширили для российских учителей представления о «правильном» и «неправильном» в английском языке. Однако, несмотря на широкий доступ к доказательствам разнообразия английского языка в современном мире, российские учителя до сих пор с недоверием воспринимают информацию о том, что в некоторых английских диалектах, говорящие не используют правило «третьего лица единственного числа». Не менее актуальными становятся различия между британским и американским вариантом языка. У российских учителей вызывает непонимание практика учителей английского языка в некоторых западноевропейских странах, которые не исправляют ошибки в употреблении третьего лица единственного числа у своих учащихся. Британские учителя английского языка не понимают, почему российские учителя так много

внимания уделяют постановке у своих учащихся «правильного английского произношения» или настаивают на строгом соблюдении правила «согласования времен» в косвенной речи.

Более новой проблемой становится зависимость представлений об английском языке в России от географической близости к различным регионам, где английский язык используется как *lingua franca*. Например, методическая культура учителей европейской части России более ориентирована на британский и американский варианты языка, в то время, как учителя Дальнего Востока имеют больше контактов с методическими школами США и обладают реальным представлением об английском языке в Японии и Северной/Южной Корее. В отличие от Дальнего Востока, учителя и учащиеся южной Сибири имеют больше шансов общения по-английски с китайцами и узнать английский язык в его «китайском варианте».

Можно сделать вывод о том, что естественные языковые процессы, проходящие в мире в условиях глобализации английского языка, оказывают свое влияние на межкультурное общение, отражая направления взаимодействия, способствуя языковому общению, многообразию английского языка в мире, культурной обусловленности языковых явлений и важным для межкультурного общения смысловым импликациям.

Символическим для нашего времени является то, коренным образом поменялось отношение к преподавателям языка, для которых этот язык не является родным (*non-native English-speaking teachers*). В условиях повсеместного распространения глобального языка, в деятельности этих преподавателей отмечается ряд преимуществ, по сравнению с учителями – естественными носителями языка, Преподаватели, овладевшие английским языком как иностранным

- демонстрируют речь, которой легче подражать,
- лучше владеют стратегиями изучения языка,
- лучше других замечают особенности языка,
- лучше других предвидят трудности учащихся,

- больше сопереживают учащимся в их успехах и неудачах,
- могут использовать родной язык в учебных целях,
- стимулируют учащихся своим собственным примером успеха.

Глобализация языка приводит к тому, что у учащихся появляется больше возможностей пользоваться английским языком как средством ежедневного общения. Меняется содержание понятия «аутентичный текст», поскольку любой текст, создаваемый в среде глобального языка, рассматривается как аутентичный.

В условиях глобального межкультурного общения, ассимиляция языков взаимодействующих культур представляет большой интерес и позволяет предсказать взаимодействие таких «языков-гигантов», как китайский (1. 3 миллиарда), английский (363 миллиона, по некоторым данным – до 500 миллионов), хинди-урду (272 миллионов), русский (240 миллионов), испанский (219 миллионов). В настоящее время, наиболее активно проникающим в другие языки, включая русский, остается английский язык.

Проникновение английского языка в иную культуру ведет к его ассимиляции и преобразованию, что влияет на методическую культуру. Ассимиляция иностранного языка означает следующее: английский язык принят в иной социальной среде и есть благоприятная установка на его изучение. Процессы межъязыковой ассимиляции, как правило, являются взаимными и в то время, как английские слова ассимилируются в русском языке, русские слова проникают в английский язык.

Первые заимствования русских слов в английском языке произошли еще в 16 веке, когда англичане познакомились с русскими культурными реалиями, типа *rud*, *rouble*, *csar*, *Cossack* и др. Позже в английскую ментальность пришли такие понятия, как *Siberia*, *blini*, *pelmini*, *izba*, а в новейший период в английском языке активно формировался кросскультурный слой советской эпохи - *Soviet English* (*hammer and sickle*, *commissar*, *dialectical materialism*, *sputnik*, *Bolshoi*). Интересно, что в англоговорящем мире известны русские названия популярных романсов, например, *Ochi Cherniye*.

Перестроечный период в России дал англоязычному миру слово *perestroika*, которое сегодня употребляется и понимается реже. Сегодня, получает «хождение» в английском языке слово «*siloviki*», что обусловлено интересом к расстановке сил в современном российском обществе. Естественные носители языка в ряде случаев употребляют такие русские слова, как *privet*, *nyet*, *kharasho*, *Kalashnikov* и др.

Английский язык в России пока еще находится на периферии «расширяющегося круга» (*expanding circle*) государств с английским языком. Россия, пока еще, не входит во «внешний круг» (*outer circle*) функционирования английского языка, куда относятся страны Европы, Азии и Африки, где английский язык интенсивно функционирует в разных сферах общественной жизни и даже превращается в *lingua franca*. Показательно, что этот процесс ни в коей мере не сдерживает развитие науки и культуры в странах «внешнего круга». Например, в Германии, где английский язык и ассоциирующаяся с ним культура циркулирует беспрепятственно, огромное научно-техническое и культурное наследие накапливается на немецком языке.

Проникновение английского языка в русский, служит подтверждением не столько языковой экспансии, сколько межъязыкового взаимодействия и обмена. Русский язык пополнился словами «файл», «сервер», «браузер», «сканнер», «смайлик». Появились средства профессионального жаргона «риэлтор», «ваучер», «оффшор», «фьючерсы», «рейтинг». Академические степени «бакалавр» и «магистр» перестали быть заморской экзотикой и стали реальностью российских университетов.

В России, английский язык все больше ассимилируется, начиная функционировать как средство выражения особенностей не только иностранной, но и русской культуры. Иными словами, ассимилированные в России английские слова начинают включать в себя приобретаемые русские значения или оттенки смысла. Например, английское слово *shoes* (туфли, ботинки, обувь) ассимилировалось в русском языке, как «шুзы», выражая не только исходное значение, но и отношение к вещам. Об этом свидетельствуют

примеры из языкового корпуса: «Шузы – это вещь!», «Клевые шузы», «Крутые шузы», «Моднючие шузы», «Шузы - отстой!». Обобщенное значение «шузы» - модная, дорогая, престижная спортивная обувь популярных фирм-производителей, обычно на толстой подошве. Точно также ассимилировалось в русском языке слово «экшн», которое употребляется в контексте жанра искусства, где средством выражения является физическое действие (ср. action painting).

Современный русский язык заимствует в английском языке не только слова, но и некоторые модели словообразования: *мейкер, бейкер, мерчендайзер, киллер, фрилансер*.

В русском языке все чаще наблюдаются аналитические конструкции, например, хит-парад, шоп-тур, реалити-шоу, фейс-контроль, ИКТ-технологии, Александр Маслюков шоу, Малахов-шоу. Ранее такие конструкции имели ограниченное распространение (царь-пушка, царь-колокол, царь-девица). Все это подтверждает предположение о том, что английский язык проникает в русскоязычную среду и общество.

Всем понятными стали слова ноу-хау, кофе-брейк, фреш, чипсы, сникерс. Появился даже искусственно сделанный императив «Сникерсни!».

В русскоязычный обиход проникают слова, которые пишутся по-английски: MP3-плеер, CD-плеер, DVD, CD-ROM, SMS, DJ, GPS и др.

В русскоязычной среде нередко наблюдается pidgin English, когда, например, в ситуациях уличной торговли, продавцы пытаются объяснить иностранцам преимущества своего товара: ноу ноу ... гуд... ушанка гуд ... уан таузанд рублей... уорм ... трай ... гуд... чип.

В России постепенно формируется «русский английский», имеющий свои характерные особенности – Runglish. Одной из таких особенностей является предпочитаемый в России «редуцированный английский» (reduced English), где нормативные правила предпочтительнее разговорных исключений, формальные словосочетания предпочтительнее идиом, простые глаголы предпочтительнее

фразовых, слова для запоминания предпочтительнее словосочетаний и проч. Все это существенно характеризует английскую речь русских учащихся.

В результате, российские учащиеся воспринимают слово, как основную единицу запоминания, нередко игнорируя роль словосочетаний (collocations), аутентичных идиоматических выражений, фразовых глаголов и проч. Недостаточное знание фразовых глаголов и высоко предсказуемых словосочетаний до сих пор ощущается не только у учащихся, но и у учителей. Это нередко является причиной снижения результатов языкового тестирования с типичными ошибками, вызываемыми межъязыковыми несоответствиями. Например, смешные цены в русском языке - низкие цены, в то время, как *ridiculous prices* - высокие цены.

Runglish несет миру информацию не только лингвистического, но и культурного характера о российской действительности представителям иных культур, причем лексические значения нередко ошибочно интерпретируются иностранцами. В ряде случаев возникают проблемы неполного понимания иностранцами русского варианта английского языка. Например, распространенные в России (СССР) «санатории» рассматривались носителями «коммунистической культуры» советского периода, как «островки коммунизма», возможность полноценного здорового отдыха с лечебными процедурами, форма проведения ежегодного отпуска в пансионатах, расположенных в курортной зоне за счет денег профсоюзов. В нерусской ментальности, «sanatorium» прочно ассоциируется с лечебницей для туберкулезных больных, расположенной в горах или у моря.

Аналогично, термин *socialism* был безусловно положительным в СССР, но «серым» понятием на Западе, где социализм мог быть как положительным (Швеция), так и отрицательным (СССР сталинской эпохи). Термин *Marxism* не имеет четкой интерпретации среди естественных носителей языка (англичан, американцев и др.), не знакомых с советской идеологией и российской действительностью.

Слово «область» как единица административного деления переводится в русском варианте английского языка, как region, в то время как region обычно понимается иностранцами, как «регион». Именно поэтому, англичане и американцы охотно перенимают слово «oblast» для того, чтобы обеспечить взаимопонимание в общении с русскими.

Помимо Russian English, активно формируется также International English, проникающий в российский речевой обиход из других культур – yoga, peso, taiga, khan и другие. Эти слова адекватно понимаются в условиях межкультурного общения россиян с иностранцами по-английски, так как Россия является сферой распространения глобального английского языка.

Процесс ассимиляции английских слов и словоформ в русском языке очевидно необратим в условиях развития межкультурных связей России с остальным миром при посредничестве английского языка. В таком взаимодействии актуальным становится движение языка от «исходной» (русской) культуры к остальному поликультурному миру, как «целевой» культуре. В этом движении реализуется *кросскультурный аспект* диалога языков и культур. Он отличается от *социокультурного аспекта* диалога культур (движение от «целевой культуры» к «исходной» в виде культурной ассимиляции английских культурных реалий и языковых форм). Существует также *межкультурный аспект диалога* (выполнение русским языком своей посреднической роли между культурой России и остального мира в форме появления слов понятных для всех народов).

Взаимодействие русского и английского языка, привело к тому, что среди русскоязычного населения наблюдается явление «переключения языкового кода» (code switching). Феномен «переключения кодов» при общении на родном языке весьма знаменателен и означает, что в современных условиях реально сближаются и взаимодействуют некогда удаленные друг от друга языки и культуры.

Переключение языковых кодов представляет собой переход с русского языка на английский в виде отдельных слов и словообразовательных

конструкций с возвращением на родной язык. Переключение языковых кодов отличается от использования в русской речи английских заимствований, русифицированных в соответствии с грамматическими нормами родного языка. Так, в речи учителя языка, вернувшегося в Россию после длительной командировки в Канаду, наблюдались следующие случаи переключения кодов: «Там как раз был black out а у меня dead line 30 июня». В подобных случаях, английский язык дает говорящему возможность более точно выразить мысль, поскольку иное языковое решение в момент говорения оказывается недоступным.

Для того, чтобы в русский язык проникали английские слова или модели словообразования, недостаточно доступа к английскому языку. Например, российская молодежь всегда, даже в советский период, проявляла интерес к западной музыке, но явления «code switching» не было. Сегодня, когда широко доступны каналы коммуникации через интернет, а российская культура реально взаимодействует с Западом в области науки, искусства, политики, идеологии, образования, литературы, обеспечения безопасности, английский язык проникает в российское массовое сознание, что и проявляется в феномене «переключения кодов». Иными словами, переключение кодов обычно свидетельствует о проникновении «языка-отправителя» (английского) в массовое сознание носителей «языка получателя» (русского) в условиях взаимодействия людей как носителей своих культур.

Особенно часто подобное явление проявляется среди русскоязычных эмигрантов, постоянно проживающих за границей в англоязычной языковой среде. В этих случаях, «местные слова» регулярно наблюдаются в их русской речи (На будущий год сын пойдет в «калидж»).

Для переключения кода, необязательно проживание за границей. Переключение кода наблюдается в среде пользователей компьютеров: «Зашел на сайт, хотел в сайте посидеть, а комп глючит, трафика мало осталось». Интересно, что слово traffic в англоговорящей среде употребляется в значении «движение на дороге (количество автомобилей)». Для обозначения остатка

оплаченного объема информации в интернете, используется слово банковской терминологии «balance», а в связи с переходом на «безлимитный интернет» такое значение слова вообще теряет смысл.

Английские речевые средства в виде переключения кодов нередко наблюдаются в речи учителей: «Где можно взять вопросы к ЕГЭ по speaking?» Этот процесс сопровождается проникновением русских слов в английский язык, причем, значения русских слов могут значительно меняться. Например, русское слово «бабушка» - «babushka», означает не просто «пожилая женщина», но «русская пожилая женщина», а также «платок, который носят на плечах и завязывают узлом на груди». Все подобные особенности учитываются в условиях российской методической культуры и включаются в содержание обучения английскому языку русских учащихся.

Отметим, что переключение кодов больше всего характерно для билингвов, то есть, для тех, кто владеет одновременно родным и иностранным языком. Переключение кодов с возвращением к родному языку, отличается от процессов ассимиляции англоязычных слов в родной речи, что является механизмом появления в русском языке заимствований из английского языка.

В связи с активным соприкосновением русского и английского языков, переключение кодов наблюдается в форме ассимиляции английских слов в русской речи, когда английские слова начинают изменяться по правилам русской морфологии. Например, в репортаже на одном из федеральных телевизионных каналов в России прозвучала следующая фраза: «На первом и третьем энергоблоках АЭС началось частичное расплавление ядра реактора. Можно говорить о частичном мелтдауне».

Английские слова проникают в современную русскую речь в виде заимствованных речевых средств: «топ менеджер», «кликнуть» (щелкнуть мышкой для управления компьютером).

Многие английские слова становятся известными российским учащимся, студентам и специалистам, которые узнают их без словаря. Английские слова особенно активно проникают в русский язык в следующих сферах:

информационные технологии (file, server, browser, multimedia, scanner, printer, CD, Windows, smiley); экономика и бизнес (leasing, investor, realtor, consulting, voucher, off-shore, leasing, broker, clearing); обществознания и политология (electorate, security, establishment, impeachment, monitoring, briefing, rating); педагогика и образование (campus, credit, bachelor, master); шоу бизнес и средства массовой информации (thriller, casting, bestseller, hit, talk show, star galaxy); сервис и торговля (popcorn, cheeseburger, label, second-hand) и многие другие. При этом происходит фонетическая ассимиляция английских слов в русском языке. Например, welfare ассимилировалось в русском языке как «велфер» - «Для того, чтобы получить велфер, тебе нужно показать государству, что ты ищешь работу, пытаешься переучиться...». Происходит также грамматическая ассимиляция. Например, «Много баксов нужно на такие шузы». Пока подобная ассимиляция наблюдается в молодежном жаргоне.

Влияние ассимиляции и переключения кодов проявляется в том, что появляются русские слова, образуемые по принципу английских словоформ. Иными словами, в русском языке появляются новые словообразовательные модели под влиянием английской морфологии. Например, зацепер – зацеперы – зацепинг означают экстремальный и незаконный вид спортивного увлечения, заключающийся в том, что молодые люди цепляются между вагонами и в нарушение всех существующих правил, здравого смысла и самосохранения путешествуют с риском для жизни из одного города в другой.

Процесс ассимиляции английских слов и шаблонов словообразования называется *naturization of English* и является феноменом социальной среды, влияющей на методическую культуру обучения английскому в России. Одним из следствий этого процесса является «приближение» языка к русскоговорящим учащимся.

Соприкосновение русского и языка осуществляется не только в «языковой», но и «концептуальной» сфере, то есть, посредством языка осуществляется обмен не только речевыми средствами, но и языковыми формами мировосприятия. Например, недавнее распространение в русском

языке слова «вызов» (challenge) трансформировало пассивное восприятие окружающей действительности сквозь призму «проблем» или «препятствий» и активизировало понимание стимулирующей роли природной и социальной среды в активном взаимодействии с ней через опережающую активность, самоутверждение, достижение личного успеха, конкурирующие отношения, здоровый авантюризм. Трансформировались ценности ассоциации, вызываемые словом «вызов» - «глобальные угрозы и вызовы».

Аналогичные изменения коснулись таких русских слов, как «контролировать», то есть, не только «проверять», но и «управлять» и даже «извлекать прибыль» (контролировать игорный бизнес). Слово «агрессивный» приобрело, помимо традиционного значения «озлобленно наступательный»), дополнительные значения «амбициозный», «активный», «провоцирующий» (aggressive business – агрессивный бизнес) и приобрело положительный ценностный смысл.

В молодежной субкультуре носителей русского языка отмечается семантическое копирование значение типа «cool» - «круто» (крутая музыка, крутой парень». Некоторые семантические параллели с трудом преодолевают межкультурные барьеры. Например, в системе существующих ценностных координат, непросто идет утверждение культурно окрашенных словосочетаний «fair play» и «foul play», которые являясь частотными словосочетаниями в западном бизнесе, пока еще редко употребляются в их русских параллелях «честная игра» и «грязная игра». Более частотным словосочетанием стали «грязные технологии» в контексте предвыборной борьбы.

Анализ ассимиляции английского языка в России показывает, что этот процесс осуществляется достаточно активно и может влиять на методическую культуру, способствуя преодолению межъязыковых и межкультурных барьеров, создавая элементы иноязычной языковой среды для учащихся, ориентируя учителей на использование таких явлений, как «переключение кодов», «грамматические ассимиляции» и «межъязыковые заимствования» в учебном процессе, определяя частотность и узнаваемость английских слов в

ученической среде. Во всяком случае, грамматическое окончание –ing и герундий уже не столь новы для российских учащихся, знакомых со словами серфинг, клиринг, шейпинг, чейсинг, боди-билдинг, прессинг, шопинг, тьюнинг, пирсинг, гемблинг, боулинг, лифтинг, кастинг, лизинг, брифинг, кик-боксинг и др.

Использование подобных языковых явлений в учебных целях постепенно становится частью методической культуры обучения английскому языку в России. Например, появившиеся в русской речи слова с окончанием –инг (-ing) делают российским учащимся более понятной такую часть английской речи, как «герундий», аналогов которой нет в русском языке. Следовательно, создаются условия для положительного переноса опыта использования слов с окончанием –инг при обучении английским словам с окончанием –ing. Раньше такой положительный перенос был невозможен. В результате, впервые в российской методической культуре появляется возможность обращаться к случаям языковых заимствований и грамматических ассимиляций для объяснения и преподавания явлений английского языка российским учащимся.

Вместе с тем, русский язык, как и любой другой, сопротивляется проникновению чужого языка в свою среду и одним из характерных явлений можно считать варьирование языковой семантики в «неродных условиях»: accurate – аккуратный, expertise – экспертиза, academic – академик, herb – герб, actual – актуальный, monitor – монитор, babushka – бабушка, controller – контролер, magazine – магазин и многие другие.

Для сравнения, обратимся к языковым процессам в монгольской методической культуре обучения английскому языку.

В монгольской культуре известна пословица «Если знаешь язык, имеешь ноги», которая приобрела особую значимость, начиная с 90-х годов, когда в Монголии произошли демократические преобразования. Росту популярности языка способствовали изменения в экономической инфраструктуре и ориентация национальной экономики на экспорт своей продукции. Это потребовало глубокого изучения запросов западного рынка, активного обмена

информацией и, как следствие, хорошего владения английским языком (вместе с некоторыми другими языками стран-лидеров). Если до 90-х годов 20 века, наиболее распространенным иностранным языком в Монголии был русский язык, то в современных условиях бесспорным фаворитом монгольского населения (особенно, молодежи), является английский язык. Одной из причин стала перспектива отъезда из Монголии с целью найти себе работу в Западной Европе и США. Интересно, что такие мотивы как «стать учителем языка или переводчиком», а также «заниматься наукой с использованием языка» занимают последнее место в перечне мотивов. Предпочтение английскому языку означает также усиление влияния западной культуры на монгольское население. В советский период, традиционный монгольский алфавит был заменен на кириллицу. Эта графическая система сохраняется в современной Монголии.

В монгольском обществе английский язык выполняет прежде всего «инструментальную» функцию, то есть, служит инструментом в образовании, межличностном, межкультурном и межгосударственном общении. Большую роль в этом процессе играет интернет. Отметим, что в общении с китайским населением (Китай является южным соседом Монголии), монголы предпочитают использовать английский, а не китайский язык, так как в истории Монголии и Китая были периоды сложных межнациональных отношений. Аналогично, население современной Польши выражает предпочтение английскому языку не только потому, что это – язык глобального международного и межкультурного общения, но еще и потому, что русский и немецкий языки имеют для многих поляков негативные историко-политические ассоциации.

В целом, 42% монгольского населения используют английский язык «очень часто», а 32% - «постоянно». Это объясняется тем, что многие монголы работают в иностранных компаниях или сотрудничают с иностранными коллегами на своих предприятиях. Многие монголы (41%), владеющие английским языком, получили знания языка на курсах продолжительностью 6-

12 месяцев. За границей, в странах «малого круга», обучалось примерно 18% монголов, владеющих английским языком.

Английский язык не выполняет в монгольском обществе регулирующую функцию и не используется монгольским правительством, судебной или правоохранительной системой для регуляции социальных процессов.

Проникновение языка в Монголию сопровождается его ассимиляцией и трансформацией под влиянием местных культурно-лингвистических условий (language nativization). Некоторые английские слова получают в «монгольском английском» свои специфические значения: smart – неискренний, original – высококачественный, help – денежный заем, free – свободный (о владении языком), serious – сильный (о боли), introduce – познакомиться (I would like to introduce with him). В английский язык монголов проникают непередаваемые монгольские слова: airag (кислое молоко лошади), aarul (вяленый на солнце творог), deel (традиционное для монгольских женщин, длинное, цветное, украшенное орнаментами платье, а также мужская одежда длиной до колен с поясом), cairn – ритуальная пирамида из камней, используемая шаманами).

В грамматике монгольского языка наблюдаются некоторые типичные для Монголии случаи, например, “Ask from him”, “Where did you buy this from?” В монгольском английском часто пропускаются дополнения, так как в монгольском языке нет разницы между переходными и непереходными глаголами: “Are you enjoying?”, “Are you building?”, “I will repair tomorrow”.

В монгольской речи нередко наблюдается «переключение кодов». Например, в английскую речь монголы периодически вставляют словосочетание baikhgui уу (isn't it, you know). Например, ... and finally we were out of gas, baikhgui уу... Подобные примеры являются дополнительным подтверждением того, что феномен «переключения кодов» наблюдается в родном языке в тех случаях, когда активизируются процессы межкультурного, межгосударственного и межкультурного взаимодействия и два языка уравниваются по своей коммуникативной значимости в индивидуальном и массовом сознании.

В межкультурном взаимодействии языков выявляется тенденция не только их влияния друг на друга, но и обособления, когда каждый язык сохраняет свою идентичность и подчеркивает собственную суверенность, обращаясь с языковыми средствами «по своему усмотрению». Так, *accurate* не соответствует русскому слову «аккуратный», *actual* – это не «актуальный», *monitor* – не «монитор», *magazine* – не «магазин», *babushka* – это не только «бабушка», но и «платок». Подобные несоответствия наблюдаются даже между близкородственными славянскими языками, например, русским и македонским языком. Слово «овощи» означает в македонском языке «фрукты», а для значения «овощи» существует иное слово (зеленцы). «Доклад» на конференции в македонском языке – это «реферат», «секция» на конференции – это «комиссия», «чеснок» - это «лук», «ценности» - «вредности» и т.д. Подобные языковые примеры символизируют тенденцию любой культуры сохранять себя.

В целом, можно сказать, что межъязыковые заимствования, калькирование лексических средств, перенос словообразовательных моделей, трансформация лексических значений и переключение кодов выполняют свою символическую функцию, сигнализируя о том, что язык выполняет свою посредническую функцию в межкультурном пространстве.

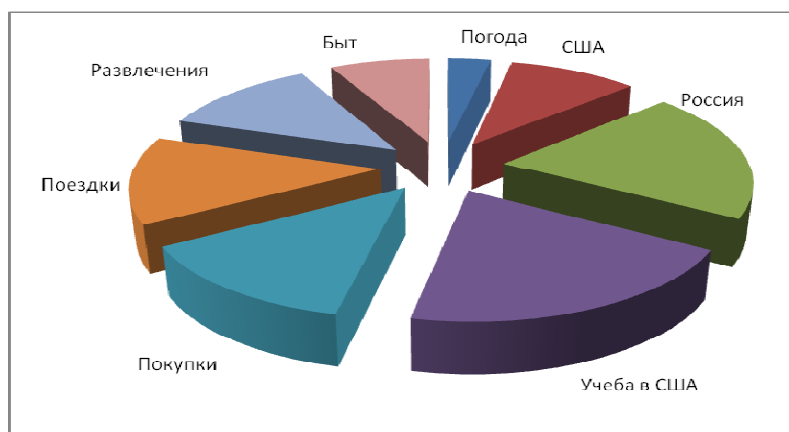
Глава 2.3

СИМВОЛЫ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ

(культурный компонент)

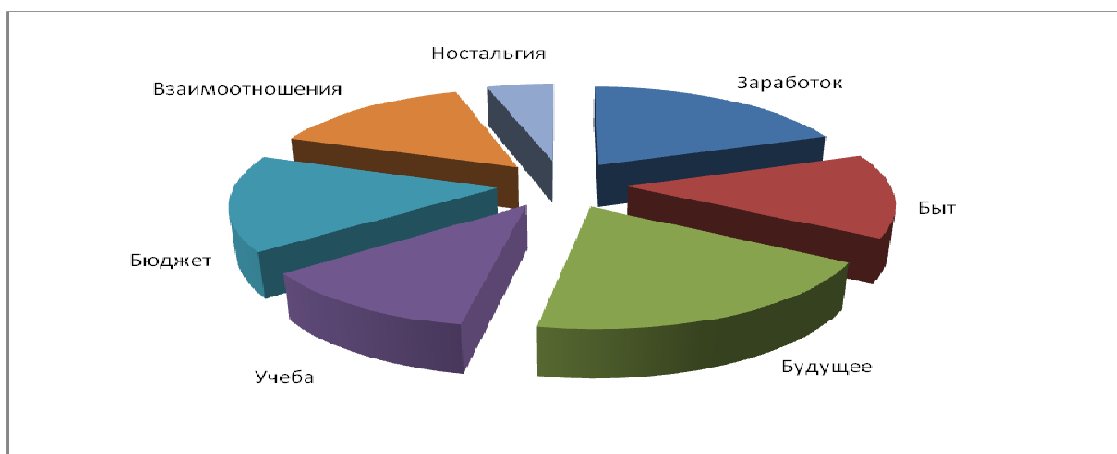
В условиях повсеместного распространения глобального английского языка и диверсификации культуры стран с общением по-английски, повышается значение исследований культурного компонента коммуникативной компетенции и использования английского языка инструмента межкультурного диалога в поликультурном пространстве.

Культурная среда влияет на то, как и для чего используется язык в общении людей. Культурная среда влияет на то, как используется иностранный язык в коммуникативном процессе. Например, обнаружено, что российские студенты, обучавшиеся в США, говорят по-английски на разные темы, в зависимости от того, общаются ли они между собой или с американскими сверстниками, поскольку между ними складывается разная культурная среда. Тематика общения российских студентов с американцами показана на диаграмме:

Большое место в тематике общения занимают разговоры о России и ее достопримечательностях, учебе в США и особенностях американского образования, удачных покупках, интересных поездках, любимых развлечениях. Успешность общения во многом зависит от владения культурным компонентом коммуникативной компетенции, то есть, от знания того, что является «ценным», «нормальным» и «правильным» в общении между российской и американской молодежью.

Совершенно иной является тематика общения российских учащихся в США между собой (некоторые предпочитали общаться по-английски):

Между российскими студентами, обучающимися в США, складывается иная культурная среда, в которой ценным для общения оказывается поиск дополнительной работы, бытовые проблемы, планы и перспективы, текущие учебные проблемы, планирование бюджета, выяснение отношения и ностальгические переживания. В соответствии с измененной тематикой общения меняется и культурный компонент коммуникативной компетенции участников общения. Общение осуществляется по правилам российской культуры межличностной коммуникации и не все темы общения будут уместными в американской среде. Например, вряд ли американские студенты поддержат разговор о проблемах бюджета их российских сверстников или будут обсуждать их денежные доходы.

Можно сказать, что культурный компонент коммуникативной компетенции учащихся в современных условиях становится «второй грамматикой», причем, в ситуации реального взаимодействия с иными культурами, знание «грамматики культуры» становится не менее, а даже более важным, чем знание грамматики правильного предложения.

Культурный компонент коммуникативной компетенции учащихся - практические знания речевого и неречевого поведения в соответствии с нормами, ценностями и стереотипами культурной среды, в которой происходит общение.

Культура не просто ассоциируется с определенным языком и не только интегрирует его. Культура пронизывает собой языковую ткань, наполняя своей спецификой такие аспекты языка, как *означающее, означаемое и подразумеваемое (денотат, сигнификат и референт), стиль и регистр речи, коннотации и метафоры, фразеологизмы и идиомы, дейксис (указания на пространство и время), употребление местоимений, императивы и комплименты, проклятия и угрозы, шутки и юмор, речевые ритуалы и украшения высказывания.*

Например, в английском языке есть слово *meal*, которое имеет значение «еда» и «прием пищи» в выражениях типа *Enjoy your meal!* При этом может подразумеваться и обильное угощение (*big meal*) и легкая закуска (*light meal*), и простая еда (*simple meal*), и основной прием пищи в течение дня (*main meal*), и процесс еды (*have a meal*) и др. В русской и немецкой культурах существует слово «злорадство», однако такого слова нет в английском языке и его значение приходится передавать словосочетанием *malicious joy* или *gloating delight*. Еще более разительны различия в системе денотатов (обозначающих слов) в сфере обозначения цветов. В английском языке нет различия между словами «синий» и «голубой», а в языке племени Дани в Новой Гвинее обозначаются словами всего два цвета – светлый теплый (белый, красный желтый) и темный холодный (черный, зеленый, голубой). Подобные случаи соответствуют теории лингвистической относительности (Сепир-Уорф).

Английский язык в его британском варианте заметно чаще характеризуется официальным стилем общения, чем американский вариант в аналогичных ситуациях. В русском языке слово «лиса» по отношению к девушке означает «хитрость», в то время, как в сленге английской молодежи – сексуальность.

Дейксис, то есть, указание на пространство и время, предполагает выделение в английском языке действия, «имеющего результат к настоящему или прошлому моменту». Русский язык игнорирует подобную семантику. В русском языке вполне можно использовать местоимения и сказать «Я тебя

люблю» при любых обстоятельствах. Во вьетнамском языке, бабушка, обращаясь к внуку, скажет: «Бабушка любит своего внука», так как использование местоимений в подобных ситуациях считается неприличным. Во многих языках допускаются ругательства и проклятия с упоминанием разных представителей «нечистой силы». В северных европейских странах слова типа «черт» запрещены культурными традициями.

В разных языках существуют неодинаковые речевые ритуалы приветствия и прощания, поздравления и соболезнования, начала и окончания разговора по телефону и проч. Наблюдаются разные способы шутить и смешить. Выявляются различная степень украшения речи эпитетами и эмфатическими конструкциями. Например, арабская культура предпочитает более украшенную речь, чем англосаксы (например, «Oh, my best beloved!»)

Интересным культурным признаком является порядок слов в языке. Так, в разных языках существуют различные культурно обусловленные традиции выстраивать слова в предложении в определенном порядке (S – подлежащее, V – сказуемое, O – дополнение):

<i>SVO</i>	<i>I see him</i>	<i>Английский</i>
<i>SOV</i>	<i>I him see</i>	<i>Хинди</i>
<i>VSO</i>	<i>See I him</i>	<i>Арабский</i>
<i>VOS</i>	<i>See him I</i>	<i>Фиджи</i>
<i>OSV</i>	<i>Him I see</i>	<i>Кабардинский</i>
<i>OVS</i>	<i>Him see I</i>	<i>Карибский регион</i>

Нетрудно заметить, что различный порядок слов характерен для наций, которые заметно отличаются друг от друга своей культурой. Можно предположить, что культурная среда со свойственным ей порядком слов очевидно влияет на порядок слов в английском предложении носителей «неанглийской» культуры. Так оно и бывает.

В традициях прикладной лингвистики, исходным объектом культурологического языкового анализа была вариативность английского языка в мире. В связи с этим, первоначально, компонент коммуникативной компетенции учащихся, связанный с культурой, назывался

«социолингвистическим». Этот компонент предполагал знания учащихся об основных региональных вариантах английского языка.

Культура всегда отражается в языке, например, в характерных пословицах:

<i>Национальные пословицы</i>	<i>Культурный смысл</i>
<p><i>США</i> <i>Strike while the iron is hot.</i> <i>We must make do with what we have.</i> <i>Actions speak louder than words.</i> <i>God helps those who help themselves.</i> <i>The squeaky wheel gets the grease.</i> <i>Variety is the spice of life.</i></p>	<p><i>Береги время.</i> <i>Не жалуйся на обстоятельства.</i> <i>Действуй, а не болтай.</i> <i>Надейся на себя.</i> <i>Не бойся просить.</i> <i>Люби новое.</i></p>
<p><i>Китай</i> <i>To know the road ahead, ask those who come back.</i> <i>You must persevere to accomplish the impossible.</i> <i>When the trees fall, the monkeys scatter.</i> <i>Wealth does not pass three generations.</i> <i>Be careful with others.</i></p>	<p><i>Цени опыт стариков.</i> <i>Проявляй старание, даже если цели достичь невозможно.</i> <i>Цели и береги своего руководителя.</i> <i>Каждое поколение должно создавать свое богатство своим трудом.</i> <i>Не будь доверчивым.</i></p>

Анализ языкового материала показывает, что в нем отражаются особенности национальной ментальности, свойственной культуре того или иного народа.

По мере возрастания интереса к культуре и ее растущего понимания ее влияния на успешность коммуникативного процесса, все более активно стали разрабатываться идеи интеграции культурных знаний в обучение английскому языку. В обучение коммуникативной компетенции носителей неанглийской культуры стали включать практические знания не только *речевого*, но и *неречевого* поведения, например, язык жестов, телодвижения, мимика, контакт глаз, допустимое физическое расстояние между участниками общения, одежда, макияж, допустимость прикосновения друг к другу во время общения. В разных культурах наблюдается разное отношение к иерархии власти (*power distance*), двусмысленности высказываний (*uncertainty avoidance*), индивидуализму и коллективизму (*individual and collective culture*),

женственности и мужественности в коллективном поведении (masculinity and femininity cultures) (Hofstede).

Наблюдается также монохромное (моноактивное – только одно дело здесь и теперь) и полихромное (полиактивное – много дел одновременно) восприятие времени. Первое характерно для культур с линейным измерением времени и ориентацией на будущее (linear time cultures). Второе типично для культур с циклическим восприятием времени и ориентацией на прошлое, единство времен и вечный временной цикл (cyclical time cultures).

Есть культуры с целостным или сегментированным восприятием пространства («все вокруг общее» или «это мое и только мое»).

Знание культурных особенностей языкового сообщества с полным основанием считается важной частью культурного компонента коммуникативной компетенции учащихся. Без этих знаний затрудняется адекватное выражение эмоций и межличностных отношений в иной культуре. Сопровождающая речь жестикуляция может вызывать негативную реакцию других участников коммуникации. Некомпетентный в культурном отношении участник рискует создать о себе и своих намерениях ложное и неблагоприятное впечатление. Это означает, что недостаточно развитый культурный компонент коммуникативной компетенции учащихся может осложнить процесс общения и стать причиной коммуникативной неудачи.

Культурный аспект *речевого поведения* в коммуникативной компетенции носителей неанглийской культуры определяется тем, что природа языка с одной стороны определяется биологической «языковой способностью» (language faculty) человека, а с другой – социальной средой. Если языковая способность делает язык универсальным инструментом коммуникации (и в этом английский язык похож на другие языки), то социальная среда обуславливает значительную диверсификацию английского языка в мире. Культурные отличия языка объясняются тем, что это - не только биологическим, но и социальный феномен. Несмотря на то, что у каждого человека есть врожденный механизм усвоения языка, для обретения

коммуникативной компетенции, язык необходимо усвоить в социальной среде и среда обязательно влияют на языковые особенности. Учитывая разнообразие глобального английского языка, в учебном процессе возникает необходимость осознанного выбора того или иного его варианта. Обычно выбираемым вариантом становится так называемая «академическая норма», в основе которой лежит британский или американский вариант английского языка. Вместе с тем, культурное разнообразие социальной среды, где распространен английский язык, делает необходимым целенаправленное изучение особенностей речевого и неречевого поведения той среды, где предположительно возникнет необходимость межкультурного взаимодействия. Именно поэтому, в центре внимания исследователей оказываются не только традиционные культуры «внутреннего круга» (Великобритания, США и др.), но и культуры «внешнего круга» обращения английского языка (некоторые страны Азии и Африки с колониальным прошлым), а также культуры «расширяющегося круга» (развивающиеся государства с возрастающей долей внутреннего и внешнего общения на английском языке). Обучение культурным особенностям английского языка в этих сообществах необходимо потому, что общение с их представителями на английском языке весьма вероятно в условиях экономического, культурного, политического, академического и личного взаимодействия. Во всех этих случаях сам английский язык тоже принимает на себя культурный отпечаток, если он функционирует в иной культуре или испытывает на себе ее влияние.

Английский язык за почти двухтысячную историю своего развития впитал в себя немало культурного разнообразия, начиная с культуры германских племен пятого века нашей эры. Далее на историю английской культуры и языка оказало влияние христианство, которое распространилось на британских островах с шестого века нашей эры. В дальнейшем, 1066 год ознаменовался активным проникновением французской культуры в английские традиции, а английский язык пополнился словами типа *arrive, carry, certain, doubt, face, level, move, quarter, stomach, turn, value, voice*, которые вытеснили исконно

английские слова. Вместе со словами к англичанам пришли французские нормы и ценности, стереотипы и правила, практики и реалии в политике, образовании, религии, искусстве и быту. Произошло культурное расслоение английского общества, где жизни «по-французски» была характерна для культуры высших слоев общества, а низы жили «по-английски».

К 14 веку английский язык стал национальным языком Англии. Появились важные для культуры литературные памятники, например, Кентерберийские рассказы Г.Чосера. Утверждению английской культуры способствовал перевод Библии на английский язык, который выполнил Дж.Уайклифф, причисленный за это римской католической церковью к еретикам. В конце 16-го, начале 17-го века английский язык стал официально использоваться в образовании, религии, политике, администрировании и торговле. Важным событием для культурного самоопределения английской нации стало отделение англиканской церкви от папского престола в Риме. Символической фигурой для английской культуры стал У.Шекспир с его поэтическим и драматическим творчеством.

Наметилась тенденция к экспансии Англии и проникновению английской культуры на другие территории. К Англии были присоединены вначале Уэльс, а затем и Шотландия. Была образована первая компания международного бизнеса – «Восточная индийская компания» (West Indian Company). Экономический рост способствовал дальнейшему утверждению и распространению английской культуры в мире. В 18-19 веках количество добываемого в Англии угля выросло в четыре раза, а производство шерстяного текстиля выросло в 12 раз. Изобретение парового двигателя и промышленная революция превратили Англию в «мастерскую мира» и, вместе с военно-морским могуществом это было решающим условием мировой экспансии английской культуры и языка далеко за пределами английских островов. Эти процессы существенно повлияли не только на окружающий мир, но и на английскую культуру и ее национальный язык.

Развитие национального английского языка сопровождалось сохранением некоторых региональных языковых традиций и на британских островах до сих

пор существует Уэльский, Корнуоллский, Ирландский Гельский, Шотландский Гэльский, диалект острова Мэн (Manx) и др. Сохранение языка означает сохранение культуры.

Английская культура на британских островах характеризуется немалым количеством стереотипов, которые, тем не менее, отражают некоторые наиболее обобщенные характеристики социума. Например, в британской культуре сохраняется любовь к разнообразным званиям и титулам. Британцы стараются избегать конфликтов, и это проявляется в языковых традициях, формулах вежливости и «осторожных» выражениях. Частотными являются выражения *Excuse me!* и *Sorry!* и люди стремятся извиниться первыми. Британцы предпочитают признать свою несуществующую вину и, тем самым, избежать скандала. Важным принципом является ненавязчивость просьб. Например, объявление о том, что данные места в общественном транспорте принадлежат пожилым людям и инвалидам выглядит так: «*These seats are particularly appreciated by the elderly and infirm*».

Представители традиционной британской культуры всегда пытаются показать свои добрые намерения и делают это с помощью улыбки и прямого взгляда в глаза собеседника. «Крепкие выражения» получают распространение в молодежной среде, однако старшее поколение их избегает и иностранцам рекомендуется воздерживаться от ругательств (в скандинавской культуре грубые выражения являются абсолютным табу).

Традиционно воспитанные англичане обычно не начинают знакомиться первыми и ждут, когда их официально представят. Подобающей речевой формулой для инициативы является *I don't think we have met. I am ...* В отличие от английских традиций, американцы без колебаний представляют себя сами и протягивают руку для знакомства. В пабе англичане обычно платят за всех по очереди. Платить только за себя считается недружелюбным жестом. Используются фразы *What are you having? What's yours? This one's on me! My round!*

Традиционная английская культура предполагает, что человек не навязывает себя другим и не предлагает свою назойливую дружбу. Поэтому уместными бывают осторожные фразы в случае необходимости обратиться за помощью: *I wonder if you could possibly do me a favor, please?* Приветствует внимательное слушание собеседника и, как правило, согласие с тем, что говорится. Всегда уважается право на уединение (*privacy*) и личное пространство (*personal space*), даже если это – место в общей очереди. Разумеется, современная английская культура на британских островах, включая язык, представляет собой пеструю картину в связи с активными иммиграционными процессами и появлением в Великобритании большого количества выходцев из стран Азии, Африки и других регионов мира.

Разнообразие английского языка и культуры началось в начале 17 века, точнее, в 1607 году, когда были образованы первые английские колонии в северной Америке, положившие начало США. В те времена колонисты из Англии привезли с собой северный английский диалект, характерные признаки которого сохранились до сих пор, например, отсутствие различия между долгими и краткими гласными, характерные замены гласных звуков, некоторые типичные согласные звуки.

Различия в написании английских слов являются одним из характерных признаков, доказывающих существование вариантов английского языка, например, английского и американского. Наиболее известны следующие различительные правила орфографии:

<i>Британская орфография</i>	<i>Американская орфография</i>
<i>Behaviour</i>	<i>Behavior</i>
<i>Colour</i>	<i>Color</i>
<i>Humour</i>	<i>Humor</i>
<i>Centre</i>	<i>Center</i>
<i>Jeweller</i>	<i>Jeweler</i>
<i>Woollen</i>	<i>Woolen</i>
<i>Apologise</i>	<i>Apologize</i>
<i>Organise</i>	<i>Organize</i>
<i>Aesthetic</i>	<i>Esthetic</i>
<i>Analogue</i>	<i>Analog</i>

<i>Axe</i>	<i>Ax</i>
<i>Defence</i>	<i>Defense</i>
<i>Disc</i>	<i>Disk</i>
<i>Draught</i>	<i>Draft</i>
<i>Grey</i>	<i>Gray</i>
<i>Plough</i>	<i>Plow</i>
<i>Sceptical</i>	<i>Skeptical</i>

Отмеченные различия служат надежным признаком приверженности пишущего человека британским или американским орфографическим традициям, а значит и британской или американской культуре.

Имеются также некоторые грамматические особенности оформления речи «по-британски» и «по-американски». Например, в американском варианте английского языка есть тенденция заменять прошедшее время совершенного вида (Past Perfect) на простое прошедшее время (Past Simple). Если англичане предпочитают говорить «write to someone», то американцы упрощают фразу и говорят «write someone». В выражениях типа at the weekend американцы предпочитают предлог on и говорят on the weekend. Британская грамматика предпочитает согласование типа The class are going on a tour. Американский синтаксис в подобных случаях предпочитает согласование в единственном числе: The class is going on a tour. Существуют и другие грамматические различия.

В 1788 году появились первые английские поселения в Австралии, распространившиеся впоследствии на Океанию. «Австралийский английский» обладает своей характерной фонетической системой, отличается специфической лексикой и имеет некоторые грамматические особенности. Типичными словами австралийского английского языка являются bush – пригород или сельская местность, bushranger – бродяга или преступник, swag – пожитки, bottle shop – винный магазин, cut lunch – бутерброд, pavlova – легкое пирожное «безе», kurrajongs – бутылочное дерево, meet – деловая встреча, put wise – быть информированным о чем-то, sinker – пьяница, Vaseline – масло, whip the cat – «кусать локти», yacker – тяжелая работа, chish fips (игра с английским словосочетанием fish and chips), boomerang – бумеранг (слово не

австралийского происхождения) и др. В австралийском английском языке сохраняются некоторые выражения, которые устарели в британском и американском варианте, например, Good day! (приветствие). Интересно, что слово kangaroo – аборигенного происхождения, однако существует легенда, что когда Джеймс Кук спросил туземцев, как называется животное, ему ответили – Kangaroo и англичане поняли это слово, как «Я тебя не понимаю». Лингвисты в дальнейшем опровергли эту легенду.

В 19-м веке английский язык проникает в Африку и Азию и, примерно в это же время, появляется «индийский английский», а также pidgin English в ряде регионов. Колониальная политика Великобритании способствовала проникновению английского языка в иные культуры. Дальнейшее распространение английского языка по странам и континентам, включая Европу, было связано с участием США во второй мировой войне и ее итогами. Американская экономика превратилась в ведущую экономическую систему мира. Американский доллар стал использоваться в качестве главной накопительной валюты для государств, компаний и частных лиц. Именно в период после второй мировой войны наметилась тенденция к глобализации английского языка и ведущей в мире английского языка американской культуры. Эта тенденция окончательно закрепилась в конце 20-го века и, особенно, после распада СССР. В ряде стран, например, на Кубе, русский язык как иностранный преподавался в 30% средних школ. Сейчас русский язык не преподается в кубинских школах и его место занял английский язык (американский вариант).

Исследования показывают, что глобализация любого языка (история знает судьбу глобальных языков, например, греческого, латинского, арабского, испанского, португальского, французского) не зависит от его структурных особенностей, выразительных средств, объема словаря или грамматической системы. Глобализация также не зависит от накопленного на этом языке литературного богатства, иных духовных ценностей или связей с великой культурой. Глобализация не зависит ни от количества людей, говорящих на

этом языке, ни от количества зарубежных диаспор. Например, на китайском языке говорит миллиардное население не только в Китае, но и за его пределами, тем не менее, этот язык не является языком глобального общения.

Глобальный язык, как показывает история, всегда ассоциируется с нацией, обладающей военной, политической и экономической мощью, активной культурной экспансией и непрерывным расширением сферы своего влияния. Остановка или замедление этого процесса является сигналом, что эпоха глобализации данного языка подходит к концу. Глобальный язык может либо расширяться в мировом пространстве, либо умирать как глобальное средство общения.

Новейшая история показывает, что глобализация производственных и экономических мощностей сопровождалась централизованной координацией не только экономической, но и политической, а также культурной жизни государств, в рамках ООН, расположенной на территории США. Это еще более укрепляло посредническую роль английского языка в международном взаимодействии государств, организаций и индивидов. Английский язык является обязательным рабочим языком на всех международных форумах. Деловая переписка между иностранными компаниями осуществляется на английском языке. Личные контакты с представителями иных культур, включая интернет-общение, осуществляются по-английски. Наиболее значительным признаком внедрения английского языка в чужую культурную среду является его использование в качестве средства обучения в средних и высших учебных заведениях, что уже имеет место во многих странах, включая Европу, Азию, Африку и Южную Америку (некоторые учебные дисциплины давно уже читаются в университетах этих стран на английском языке с использованием учебников британских, американских, австралийских авторов). Например, английский язык является средством обучения в университетах Малайзии, начиная с 1993 года, а в средней школе – с 2003 года. В учебных заведениях Камбоджи традиционный французский язык уступает место английскому. В

школах Бангладеш английский язык изучается с первого класса начальной школы и все больше используется в образовании.

В современной Японии и Южной Корее идут дебаты по поводу признания английского языка вторым официальным языком в государстве.

Если неродной английский язык используется в «неанглийской» культуре для повседневного общения, он превращается в *lingua franca*. Изначально *lingua franca* представлял собой язык, состоявший из смешанных элементов французского, испанского, греческого и восточных языков, для общения между представителями разных культур в восточном Средиземноморье. В наши дни, в условиях глобализации английского языка, он все чаще используется в разных культурах для повседневного общения, особенно в деловой сфере, и именуется *lingua franca*. Его роль в развитии английского языка возросла настолько, что даже некоторые представители британской молодежи отказываются от естественного британского акцента в пользу международного языка *English as lingua franca*. В Сингапуре появился особый английский язык – *Stingish*, который является отличительным признаком местных жителей и частью их идентичности.

Наблюдается разделение предпочтений между британским и американским вариантом английского языка. Так, в Южной Корее предпочитают британский вариант английского языка, а в Японии – американский.

Общепринятое английское произношение превратилось в акцент меньшинства, который во многом искусственно поддерживается учебниками английского языка. Эти учебники, таким образом, предлагают учащимся английский акцент, который с наименьшей вероятностью встречаются в повседневном общении.

В языковой реальности, на произношение в *English Lingua Franca* – ELF оказывает заметное влияние артикуляционный уклад языка страны распространения английского языка. Например, в Японии слово *product* произносится в традициях японской фонетики [peroducuto], а в Корее слово

luggage принимает фонетическую форму [lagidʒi]. В Японии в коммуникативный обиход вошло слово *suupaamaaketto* – supermarket. На Гаити, в связи с природными особенностями, в обращении отмечаются слова, ассоциативно связанные со словом *smog*, но конкретизирующие это значение: *smaze* – smoke+haze, *smurk* – smoke+murk, *vog* – volcano+fog. Эти лексические знаки могут оказаться непонятными даже для англичанина или американца. Это означает, что английский язык как *lingua franca* отличается разнообразием в разных культурах.

В Великобритании большинство образованных англичан одобрительно высказываются об общепринятом английском произношении (Received Pronunciation). Американцы в целом поддерживают стандартное американское произношение (General American Pronunciation). Для сравнения отметим, что количество сторонников стандартного произношения в Австралии и Канаде значительно меньше, а в таких странах, как Швеция, Франция, Япония и Индия, лишь единицы считают язык BBC или Voice of America образцом для подражания.

При всем разнообразии английского языка как *lingua franca*, он характеризуется в мире некоторыми общими тенденциями:

- в предложениях игнорируется правило «третьего лица, единственного числа»: He don't ...,
- в высказываниях отсутствует различие в употреблении *who* и *which*: This is the guy. which/who I saw ...,
- перед существительными пропускаются артикли: I want newspaper...,
- в расчлененных вопросах используются лексические добавления вместо грамматически согласованных вопросительных приставок You like beer. No? You don't want to go. Say Yes?
- в вопросах встречаются лишние предлоги: Explain to me about the computer...,
- в утверждениях применяются грамматически неправомерные местоимения: I want that ...

Анализ показывает, что глобальный английский язык, функционирующий как *lingua franca*, постепенно начинает предлагать свои грамматические формы, которые уже вступают в противоречие с языковой традицией и академической нормой. Нетрудно заметить, что ребенок, усвоивший английский язык в среде *lingua franca*, может допустить в языковом тестировании вполне предсказуемые и культурно обусловленные ошибки. Вместе с тем, процессы развития глобального английского языка, как *lingua franca*, невозможно остановить.

Еще более разительными являются особенности глобального английского языка, представленные в так называемых вариантах *Pidgin and Creole English*. Эти примитивные варианты повседневного английского языка существуют на Гавайях, в Папуа Новая Гвинея, на Сейшельских островах, на Гаити и Ямайке. В этом варианте можно услышать такие конструкции, как *Be more better... = He'd better... Man here no good = He is a bad man*. Встречаются также значительные фонетические искажения фраз: *ol bibul = old people*. Подобные варианты английского языка являются сегодня лингвистической реальностью и наблюдаются в общении. В силу их социальной обособленности, маркированности и даже маргинальности, *Pidgin and Creole English* пока не оказывает значительного влияния на развитие глобального английского языка.

Некоторые тенденции в развитии современного глобального английского языка вызывают негативное отношение и сопротивление в языковом сообществе. Следует заметить, что любые тенденции обновления языка, включая проникновение в речевой обиход «неграмотных» конструкций, всегда вызывало и вызывает критику и «голоса возмущения» общественности. Например, в 19 веке к случаям «варварского обращения с английским языком» причислили новое для того времени слово «*handbook*». В начале 20-го века образованные англичане с негодованием встретили искусственно придуманное слово «*aviation*», образованное от слова *avi* (латинское – *avis*), то есть, *bird*.

Многие английские слова пришли в коммуникативный обиход из других культур: слово *jeans* образовалось от названия города Генуя, *riano* пришло из Италии, *croissant* – из Франции, *sofa* – из арабской культуры, *tattoo* – из

Пакистана, *tusoon* – из Японии, *yoghurt* – из Турции, *zebra* – из языков группы Банту (африканская группы языков, распространенная южнее Сахары от Нигерии до Кении). Это означает, что слова-«чужаки», появляющиеся в современном глобальном английском языке, могут достаточно быстро войти в коммуникативный обиход и стать частью языковой культуры общения по-английски. Для иллюстрации этого явления отметим, что для современной культуры английского языка характерно появление новых слов, таких, как *Google* (*googol* означает огромное число, состоящее из единицы и сотни нулей). Другим характерным словом является *e-bay*, которое уже включает такие словоформы, как *to e-bay* и *e-baying* (делать покупки в интернете – *Have you tried e-baying it?*) В правомерности употребления этих слов на любом социальном уровне уже никто не сомневается.

Лингвистические исследования обнаружили особые социолингвистические механизмы проникновения языков иных культур в английский язык: *лексические заимствования, калькирования, ассимиляцию чужих слов по правилам английских словообразовательных и морфологических моделей, адаптацию чужих синтаксических моделей в английский язык, а также «переключение кодов» (включение слов страны пребывания в спонтанную английскую речь).*

Например, в китайском языке существует слово *kowtow* – низко кланяться в почтении, касаясь лбом земли. Это китайское слово ассимилировалось в английском языке, причем, теперь оно подчиняется всем морфологическим и синтаксическим нормам английской грамматики: *I don't like to kowtow. I hate kowtowing. Having kowtowed, I won full attention at last.*

Аналогично в английскую речь проникли французские слова и выражения: *The serving was **comme il faut**. Then at last final **adieux** came. Shall we **hors d'oeuvre** now? Dinner went from **hors** to **pud** (pudding). All of a sudden I saw her **tete-a-teting** with a colleague. It was a situation of **c'est la vie**. The boss gave me **cart blanche**. It was a case **terrible** (*terrible* произносится в данном случае по-*

французски и ставится после определяемого существительного по правилам французского синтаксического порядка слов).

Глобальный английский язык включает значительное количество слов, активно циркулирующих в коммуникативных обменах внутри стран «внутреннего круга». Эти слова обычно адекватно понимаются в различных культурах, охваченных глобализацией английского языка, например, *high street* – торговая улица в городе, *caravan* – передвижной дом на колесах, *lay-by* – «карман» на дороге для временной остановки автомобиля, *central reservation* – полоса бетона или зеленых насаждений, разделяющая встречные потоки транспорта на шоссе. Для адекватного общения важно знать, например, что *live en suite* означает жить в гостинице, в номере со всеми удобствами. Необходимо понимать, что *lollipop lady/man* – это не продавец леденцов на палочке, а женщина или мужчина с дорожным знаком *Stop* на длинной ручке, с помощью которого эти дежурящие у школы взрослые останавливают транспорт, чтобы дать детям безопасно перейти улицу после уроков. Культурно компетентные участники общения знают, что объявление *No soliciting!* можно встретить в американских студенческих общежитиях, в учреждениях и жилых кварталах, и оно означает, что жители не хотят общаться с распространителями рекламной продукции. Для того, чтобы понять смысл выражения *No standing on upper deck*, нужно иметь опыт поездок на двухэтажном автобусе, где на «верхней палубе» разрешается только сидеть.

Английский язык стран «внутреннего круга», включая Англию, всегда отличался разнообразием и мало похожие друг на друга диалекты нередко существуют друг от друга на расстоянии всего в несколько миль. Отдельные диалекты сложны для понимания даже для жителей британских островов, например, *Geordie English* – диалект северной части Англии недалеко от границы с Шотландией (*Northumberland*).

Развитие диалектов в Англии продолжается и сегодня. В частности, во второй половине 20-го века в южной части Англии, в устье Темзы сформировался диалект под названием *Estuary English*. Его особенности

следующие: <milk> произносится, как [miwk], <Pull>, <Pool> and <Paul> звучат, как [paw]. <All right> превращается в [awright]. Звук [t] заменяется гортанные «взрывом» ['] - Wha' a bo'le of wa'er on tha' tabew. Звук [s] переходит в [sh] перед [t], например, [shtation] - <station>. Известно, что этому акценту, популярному за его демократизм, следовала принцесса Диана, которая произносила <Tuesday> как [Tueshday], несмотря на свою принадлежность к королевской семье. Общей тенденцией является также произношение нейтрального звука в конце слов, например, [beiba] - <baby>.

Английский язык стран «внутреннего круга», таким образом, отличается многообразием и бывает труден для понимания теми, чей культурный компонент коммуникативной компетенции сформирован недостаточно. Проблема осложняется тем, что несмотря на сохраняющееся влияние английского языка в странах «внутреннего круга» на английский язык в мире, отдельные слова и фразы британского или американского английского языка могут неадекватно восприниматься в иных культурах. Так, chicken имеет в американской культуре сленговое значение «трус», в то время как российские студенты ассоциируют это слово с «молодой и хрупкой девушкой» (chick). Слово dog для русских студентов ассоциируется с отрицательной характеристикой человека (Собака! Пес!). Для российского, британского или американского ребенка «собачка» означает «домашнего любимца». В американском молодежном сленге это слово может означать «некрасивую девушку». Fox для российской культуры вызывает ассоциации с хитрым и льстивым персонажем из народных сказок («хитрая лиса»). Американский сленг, продолжая ряд гендерных ассоциаций, наделяет это слово значением «сексуально привлекательная девушка». «Крыса» для российской речевой культуры вызывает ассоциации «некрасивой девушки» (Ну и крыса!). В американских разговорных традициях это слово означает «ненадежного человека, способного предать друга». Анализ показывает, что подобные слова могут вызывать непохожие друг на друга ассоциации в разных регионах распространения глобального английского языка. Это обстоятельство важно

учитывать для формирования культурного компонента коммуникативной компетенции учащихся.

Культурный компонент коммуникативной компетенции учащихся предполагает формирование у них представлений о разнообразии английского языка в мире, включая особенности грамматического строя. Например, в английском языке американцев африканского происхождения широко используется местоимение *it* вместе оборота *there is* (*It's some coffee in the kitchen*). В этом варианте английского языка почти не употребляется множественное число (*Four girl*), опускается притяжательный падеж (*My mama house*), игнорируется третье лицо, единственное число (*It seem that ...*), пропускается глагол-связка (*They in same grade*), отсутствует *have been* (*I been playin*), *Past Simple* заменяется на *been* (*She been tell me tha*), присутствует двойное отрицание (*I don't want nothing*). Для этого варианта английского языка характерно свое узнаваемое произношение, например, *ma ta:m – my time*. Подобные языковые особенности сопровождаются характерной немногословностью, обращением к пословицам и поговоркам, неторопливостью, внимательным слушанием собеседника, скромностью и сдержанностью в высказываниях, прямоотой и категоричностью в суждениях. Подобная информация о культурных особенностях языка и поведения необходима учащимся для расширения их коммуникативной компетенции и предупреждении коммуникативных неудач в мире глобального английского языка.

Высокий порог в межкультурном общении на английском языке, препятствующий взаимному пониманию, возможен также в связи с особенностями английского языка в странах «внешнего круга». Например, в «индийском» английском языке существуют свои специфические слова, которые могут быть непонятными для иностранцев, включая жителей британских островов или США. Для банковского чека существует англо-индийское слово *challan*. *Porter* в индийском английском языке называется *coolie*. Местное слово *goonda* обозначает хулигана. Допускаются «вольности» в

вопросительном добавлении к расчлененным вопросам (He has left, isn't it?), используются избыточные предлоги (Let's discuss about it). Межзубные звуки обычно заменяются на альвеолярные (tink = think).

Недостаточно развитый культурный компонент коммуникативной компетенции изучающих английский язык может проявиться в ошибочной интерпретации языкового выражения времени и пространства, принятого в разных культурах. Например, для западной и восточной культуры характерно разное восприятие и, соответственно, разное языковое выражение пространства и времени. Западная ментальность требует разграничить пространство на «свое» и «чужое», на «личное» и «коллективное», на «собственное» и «общее». Восточные, а также азиатские традиции рассматривают пространство как целостную территорию. Отсюда, представителям «ориентальной» (восточной и азиатской) среды нелегко интерпретировать термин «privacy», которое означает «уединение индивида в своем жизненном пространстве, недоступном для чужих» и не имеет языковых параллелей в восточной и южной Азии, в арабском мире, в восточной Европе, включая Россию.

Различие в восприятии и языковой репрезентации времени проявляется в том, что в западных традициях, время четко делится на прошлое, настоящее и будущее, носит линейный характер, устремлено вперед, отличается стремительным движением и требует спешки. Такое восприятие времени выражается в пословицах Time is money. Time flies. A stitch in time saves nine. Lost time is never found again. Procrastination is the thief of time. Time and tide wait for no man. В Индии пословицы, упоминающие движение времени, встречаются в единичных случаях. Смысловой доминантой в восприятии «индийского» времени является выражение «Каждый день – самый лучший». Отметим, что в азиатской культуре, представляющей собой один из активных регионов в распространении глобального английского языка, время не имеет выраженной направленности в прошлое или будущее. Буддистские традиции предпочитают рассматривать время, как постоянно вечную категорию. Не

случайно, тайское восприятие «западного времени» выражается фразой «foreigner time», а на Филиппинах говорят «Being late is a way of life».

Даже компетентные в культурном отношении участники общения могут не заметить существенные различия, которые существуют между западной и восточной культурой в организации дискурса. Подчеркнем, что в жанре науки существует своя, особая субкультура «развертывания мысли в текст» и научные тексты во многом похожи друг на друга в разных странах. В жанре публицистики, личных писем, формального и неформального общения, представители разных культур демонстрируют специфические особенности. Например, в российской традиции начала разговора по телефону, как и в арабской культуре, почти всегда присутствует приветствие, представление себя и, далее, установление контакта в форме короткой беседы на отвлеченные темы на тему «как дела». Аналогичная традиция наблюдается в США. В азиатском дискурсе (Китай) приветствие и представление себя по телефону немедленно сопровождается обсуждением предмета телефонного звонка.

Одним из культурных правил диалогического общения является очередность высказываний всех участников (turn taking). В западной культуре сигналом для собеседника, что наступает его очередь высказаться, является относительно долгая пауза. Интересно, что в азиатской культуре (Япония) пауза не является сигналом, что настала очередь другого участника. Пауза нужна для обдумывания дальнейшей мысли. Сигналом смены очередности высказываний служит «накладывание» молчащим до этого собеседником своей фразы на речь говорящего участника общения. «Наложённой» фразой может быть повторение фрагмента услышанного высказывания в знак согласия. Для арабской культуры бывает характерно одновременное говорение участников диалога, что в западной культуре возможно лишь в ситуации острого спора.

Культурный опыт может влиять на структуру предложения. Так, западная культура предполагает, что предложение во многих случаях начинается с подлежащего и именно в начале английского предложения сообщается ключ к пониманию всего смысла высказывания (The master severely beat Ali the next

morning). В русском языке ключ к пониманию предложения может находиться в конце предложения (На следующее утро Али избил хозяина). Смысл предложения заключается в том, что против хозяина, избившего слугу, возбуждается уголовное дело. Представитель арабской культуры может построить аналогичное предложение следующим образом: «Ali the master beat him the next morning». Человек, не знакомый с арабской культурой построения высказывания, прочитав это предложение, может решить, что Али, являющийся хозяином, кого-то избил на следующее утро. По традициям китайского дискурса, порядок слов может быть следующим: The next morning Ali him the master beat.

Для понимания английских фраз в разных культурных контекстах необходим достаточный уровень развития культурного компонента коммуникативной компетенции.

Важной культурной особенностью дискурса, без которой коммуникативная компетенция будет неполной, служит развитие тезиса в собственном рассуждении. Привычной западной логикой является формулирование с самого начала общего тезиса, подкрепление этого тезиса аргументированными фактами и завершение рассуждения перефразированным исходным тезисом (от чего ушли, к тому пришли). В китайской традиции принято «добираться» до конечной мысли постепенно, через противоречивые рассуждения. Метафорически процесс «китайского рассуждения» можно сравнить с тем, как постепенно, с кочана капусты снимается лист за листом, чтобы в результате добраться до сердцевины, которой внутри может не оказаться. Например, китайский студент в своем эссе на тему «Should university students earn money?» построил следующее рассуждение:

Many students work to earn money in order to reduce the burden on their family because their family has not enough money to support them. So earning money is reasonable. We can't say they are not right. As for those students whose families are not very poor, some of them earn money just to gain some experience. Earning money

is not their main purpose. We can't say it is not right either. But on the other hand, earning money is wrong...

В подобном письменном высказывании с рассуждением китайский студент, в соответствии с усвоенной культурной традицией, не формулирует в самом начале исходный тезис, избегает прямого ответа на вопрос, считает уместными противоречивые и уклончивые высказывания, обходится без прямого ответа на поставленный вопрос. В западной академической традиции подобный письменный ответ оценивается низкими баллами как «несоответствующий вопросу», «неорганизованный в абзацы», «логически не построенный».

Для сравнения, китайский студент, прошедший обучение письменной речи в английском университете, начал свое эссе следующим образом:

«University students, especially if they study abroad, should earn money, even though they might prefer to give more time to their studies. There are several reasons for this.

First of all, ...»

В целом, китайская культура письменного высказывания с рассуждением (эссе) характеризуется следующими типичными чертами, что делает ее непохожей на европейскую культуру:

- мнение высказывается некатегорично,
- автор уклоняется от прямого ответа на вопрос,
- высказывание никогда не строится от первого лица (I think ...),
- запрещается выражение несогласия с другими,
- подавляется выражение собственных эмоций,
- поощряется цитирование образцов чужой мудрости,
- предпочитается выражение социально одобряемых идей.

Нетрудно заметить, что культурные особенности китайского дискурса вступают в противоречие с западными традициями организации письменного высказывания. Аналогичная ситуация в ряде случаев возникает в российской образовательной среде. Учащиеся, воспитанные на традициях «русского

сочинения», вынуждены следовать западным культурным нормам организации своего письменного высказывания с элементами рассуждения (эссе) на Едином Государственном Экзамене по английскому языку.

В мире существует культурное многообразие способов письменного формулирования мысли. Особенностью арабского дискурса является многократное повторение ключевой мысли с целью придать тексту высказывания целостность. Написание эссе турецкими школьниками можно сравнить с тем, как босоногие дети свободно бегают в любом направлении по зеленому лугу, не выбирая дороги. Индийский письменный дискурс с элементами рассуждения напоминает длительный полет на воздушном шаре. Письменный стиль арабского рассуждения похож на прогулку по цветущему и благоухающему саду. Для сравнения, западное эссе вызывает ассоциации с тем, как густой сироп разливают в заранее приготовленные формы, чтобы получилось застывшее желе.

Культурные особенности письменной речи, принятые в Японии, Китае, Индии, Турции, России, арабских и других странах может создавать у преподавателей и экзаменаторов, воспитанных в западных традициях, ложное впечатление о коммуникативной некомпетентности учащихся и снижать их учебные результаты на письменном экзамене.

Культурное многообразие глобального английского языка показывает, что новым смыслом наполняется понятие «*аутентичный английский язык*». Поскольку английский язык сегодня вполне естественно (не искусственно) существует в глобальном межкультурном пространстве, характеристиками аутентичности обладают все его региональные варианты, функционирующие в естественной коммуникативной среде. Понятие «аутентичный английский язык» в современных условиях, все дальше отдалается от *академической нормы*. Академическая норма предъявляет к английскому языку такие требования, как *распространение в мире, использование в научных и деловых кругах, поддержка средствами массовой информации, открытость для*

понимания массовым пользователем, изученность и репрезентация в учебных пособиях.

Языковые «штрихи» важны, но недостаточны для полноты культурного компонента коммуникативной компетенции участников межкультурного общения. Языковые особенности, как правило, сопровождаются культурными чертами поведения. Например, в Индии главным аргументом в дискуссии является не логика, а эмоции. Ведущим аргументом в пользу доверия к человеку служат его родственные связи. Основной гарантией жизненного благополучия служит не самодостаточность личности, а принадлежность к своей общине. Фактором карьерного успеха считается не интеллект кандидата, а его принадлежность к соответствующей касте. Достоинством человека считаются разделяемые им общечеловеческие ценности, а не деньги, которыми не принято восторгаться вслух. Подобные сведения о языке и поведении можно рассматривать как слагаемые культурного компонента коммуникативной компетенции учащихся.

В середины двадцатого века особую значимость в языковой среде стран «внутреннего круга» приобрела политкорректность (*political correctness*), представляющая собой языковое воплощение социальной вежливости. Так, в США социально порицаемым стало слово «*negro*», замененное на «*Afro-American*». Вместо «*old people*» социальные правила рекомендуют говорить «*senior citizens*». Считается правильным избегать намека на «мужские» или «женские» профессии с помощью слов *businessperson*, а не *businessman*, *salesperson*, а не *salesgirl*, *airperson*, а не *stewardess*. Чтобы избежать намека на гендерные различия, участники общения вынуждены использовать сложное местоимение *he or she*, которые нередко сокращается до *s/he*, превращаясь в новое английское местоимение. Недопустимой считается фраза *Is everyone happy with his choice?* Рекомендуется использовать конструкцию, отличающуюся громоздкостью, но политкорректностью *Is everyone happy with his or her choice?* Наиболее распространенной является конструкция сочетания *is* и *their*, например, *Is everyone happy with their choice?* Политкорректность есть

важный признак участника общения с развитым культурным компонентом коммуникативной компетенции в странах «внутреннего круга». В странах «внешнего круга», а также в государствах «расширяющегося круга» требования к политкорректности могут быть иные. Например, в восточной и азиатской культуре считается правильным дифференцировать обращение к женщине и мужчине, для чего существуют необходимые языковые средства, включая грамматику предложения.

Культурологические исследования проявляют традиционный интерес к различиям в использовании экстралингвистических средств коммуникации в различных культурах. Культуры обращения глобального английского языка отличаются языком жестов, мимики, проксемики (физической дистанции между участниками общения), одеждой, парфюмерией, признаками гостеприимства и вежливости, улыбкой, контактом глаз, прикосновением.

В западной и восточной культуре существуют разные жесты для выражения необходимости подождать. Например, фраза «Минуточку!» в этих культурах сопровождается отличающимися друг от друга жестами. Отличаются мимические способы выражения «отвращения», «превосходства», «участия». Восточные культуры разрешают намного большее сокращение физической дистанции между участниками общения, чем это принято на западе. Восточные культуры отличаются более яркими одеждами и «заметной» парфюмерией. В восточных культурах стол, заставленный угощениями, считается обязательным и нормальным признаком гостеприимства, в отличие от запада, где еда служит для утоления голода и имеет функциональный, а не символический смысл. Признаком вежливости в западной культуре может быть недорогой подарок семье, принимающей вас в качестве гостя (принятое в вашей родной культуре угощение, сувенир из сферы ваших увлечений, тематические подарки с культурными символами вашей страны). Дорогой подарок дарить невежливо, так как это обязывает гостей потратить деньги на подарок вам. В восточных культурах дорогой подарок считается знаком вежливости и рассматривается как культурная необходимость. Улыбка в западной культуре есть знак

вежливости и миролюбия собеседника или прохожего. Улыбка в восточной культуре всегда возникает и интерпретируется как выражение хорошего настроения. Контакт глаз в западной культуре обязателен как признак искренности, в то время как прямой взгляд в глаза собеседников в восточной культуре вызывает смущение и настороженность, как у женщин, так и у мужчин. Еще более разница между восточной и западной культурой заметна в области допустимых прикосновений участников общения друг к другу. Если восточные культуры допускают и поощряют прикосновение собеседников друг к другу во время общения, то прикосновение в западной культуре находится под культурным запретом. Таково негласное правило «культуры прикосновения» (culture of touching).

В условиях глобального распространения английского языка, реализуется принцип *«апроприации»* - приспособления к местным условиям, целям и задачам коммуникации, а также к целям обучения и воспитания. В целом, «апроприация языка» означает приведение его в соответствие с требованиями местной культуры.

Апроприация английского языка означает его соответствие, уместность и приемлемость в социальной среде обращения. Например, в некоторых культурах, в силу идеологических установок, существует настороженное отношение к политике стран «внутреннего круга» (например, в Иране). Здесь английский язык включен в учебные программы, хотя общение на английском языке в повседневной жизни считается неуместным. Английский язык используется для «обращения к западу». Так, антиамериканские лозунги на массовых митингах и демонстрациях протеста пишутся только по-английски и, с точки зрения социальных установок, такое использование английского языка в повседневной жизни вполне приемлемо и одобряется культурными нормами.

Учебные программы по английскому языку в разных культурах также разрабатываются по принципу их адаптации и приемлемости (апроприации). Так, *академически ориентированные культуры* поддерживают филологические, литературоведческие, мировоззренческие и иные традиции в образовательных

программах по английскому языку. К таким культурам, среди других, относится Россия, где ценной считается образовательная роль английского языка в развитии личности. В отличие от академической культурной среды, существуют также *прагматически ориентированные культуры*, где в центре внимания находятся практические цели овладения английским языком для получения работы (нередко низкооплачиваемой) в развитых странах. К таким культурам обычно относятся небогатые государства Африки, Азии, Латинской Америки, а также островов Тихого океана. Существует также *культуры прагматико-академической ориентации*, где приемлемыми считаются образовательные программы, предполагающие практическое овладение английским языком с некоторыми элементами теоретических представлений о грамматическом строе.

Принцип апроприации влияет не только на отношение в педагогических кругах к грамматическим знаниям о языке, но и на выбор учебных тем. Например, в советский период развития методики обучения английскому языку в России (СССР), в учебниках для школы можно было встретить такие темы, как «Ленин на субботнике» или «Дети в кремлевском саду». В учебнике для начальной школы, изданном в 1953 году, предлагались диалогические и монологические высказывания в ситуации «В доме пионеров». Учащиеся заучивали высказывания типа «Long live our great leader comrade Stalin!» На иллюстрациях, изображающих детей в школе, мальчики и девочки показаны отдельно, так как в школах было введено раздельное обучение (Юдлинник Ю.И., М.Д.Кузнец. Учебник английского языка для 3-го класса начальной школы. М., Учпедгиз. 1953 года).

Для сравнения, в современных учебниках английского языка, по которым обучаются учащиеся Камеруна, включены, среди других, такие учебные темы, как «Полигамная семья», «Местные целители», «Камерунские колдуны», «Наши суеверия». Есть также темы социальной значимости: «Почему камерунские женщины получают зарплату меньше мужчин?», «Почему иностранные фармацевтические компании грабят Камерун?», «Как нам

победить малярию?», «Мы гордимся камерунскими спортсменами», «Редкие животные в Камеруне». Учебники изобилуют фразами, иллюстрирующими местные стереотипы: «The child is God's gift» и другие фразы, уместные (appropriate) в культуре страны. В подобных лингвистических фактах отчетливо проявляется процесс апроприации, то есть, присвоения английского языка местными пользователями и его приспособления к местным условиям.

Если в европейских учебниках английского языка присутствуют такие тематические направления, как «экология», «здоровье», «путешествия», то в учебниках английского языка, разработанных и опубликованных в Пакистане, языковой материал организован в соответствии с темами «Моя родина», «Пакистанский флаг», «Наш лидер». Необходимость таких тем обусловлена принципом апроприации и педагогической целью воспитать в детях патриотизм, неотделимый от мусульманской веры и готовности защищать Пакистан от врагов. Возникает необходимость привести язык учебников английского языка в соответствие с ценностями культурной среды пакистанского общества, что и составляет сущность апроприации.

Явление апроприации английского языка, то есть, его приспособления к окружающей культуре, наблюдается также в субкультурах, включая академическую, профессиональную, религиозную, классовую/сословную, а также возрастную среду. Представители этих субкультур по-разному и с разной целью овладевают английским языком. Например, английский язык молодежи, для которой он не является родным, отличается своими характерными особенностями от языка представителей старшего поколения, изучавшего английский язык, как иностранный, много лет назад. Это определяется не только содержанием учебников, но и живой языковой средой, в той или иной мере достигающей учащихся. Современные учащиеся намного глубже, чем раньше, изучают экологическую тему, знакомятся с необычными увлечениями, типа, спорт-экстрим, правами человека и животных, информационными технологиями, а малыши узнают названия игрушек, неизвестных старшему поколению.

Подобная возрастная градация языка наблюдается не только в учебных, но и естественных условиях. Английский язык молодых людей в странах «внутреннего» и «внешнего» круга характеризуется достаточно частыми случаями употребления нестандартных грамматических форм (I ain't do nothing – I don't do anything) и сленговых выражений (cool - admirable, hot - stolen, pissed – drunk). Нестандартность и языковое «творчество» может проявляться также в том, что канадские дети вплоть до юношеского возраста нередко в своей речи используют смесь английских и французских слов и лишь постепенно отказываются от этой привычки. В целом, по мере взросления человека, нестандартные языковые формы и креативное обращение с языком встречаются все реже. В зрелом возрасте люди склонны использовать нормативную грамматику.

Таким образом, коммуникативная компетенция участников культуры имеет свое символическое выражение. Символика коммуникативной компетенции проявляется в знании и употреблении свойственных культуре лексико-грамматических языковых форм, владении местной фразеологией и идиоматикой, знании культурных реалий, следовании нормам устной и письменной речи и, конечно, гармонии речевого и неречевого поведения в соответствии с культурными ценностями и нормами, стереотипами и правилами, а также привычными для носителей культуры практиками.

Часть 3

СИМВОЛЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Глава 3.1

СИМВОЛЫ ДЕЛОВОЙ КУЛЬТУРЫ

Деловая культура представляет собой совокупность ценностей и норм, правил и стереотипов, а также практик, разделяемых коллективным участником экономической (предпринимательской деятельности). Деловая культура характеризует традиции ведения бизнеса в масштабах целого региона, объединяющего несколько государств, в границах нации и страны, в пределах той или иной отрасли, компании, предприятия и профессиональной группы. Все это позволяет говорить о культуре, характеризующей экономическую деятельность в разных масштабах: от международной экономики до предпринимательских инициатив ограниченного количества бизнесменов.

Деловая культура несет в себе все признаки культуры, как разделяемого в сообществе способа коллективного бытия, с характерными для культуры элементами, проявлениями, индикаторами, фактами и векторами (измерениями). Исследования деловой культуры – это ключ к пониманию особенностей экономической деятельности носителей тех или иных культурных традиций. Знание деловой культуры представляет собой важный резерв повышения эффективности экономических инициатив.

Во взаимодействии деловых культур существует лишь одна альтернатива: *«Войти или выйти»*. Участникам межкультурного экономического взаимодействия ничего не остается, кроме того, чтобы либо войти в чужую для них культуру ведения бизнеса, либо выйти из деловых отношений с носителями иных культурных ценностей, норм, правил, стереотипов и практик. Третьего не дано.

Разумеется, деловые отношения регулируются не только особенностями культуры, но и правовыми нормами. Можно сказать, что правила деловой игры «атакуют» культурные устои, о которых участникам необходимо забыть, чтобы успешно вести международный бизнес. Вместе с тем, культура, в силу своей

резистентности (сопротивляемости) влиянию извне, упорно проявляется в экономических отношениях. Так, некоторые особенности исламской культуры ведения бизнеса, воспринимаемые представителями западной культуры, как «коррупированные», являются своеобразной «мстью» ориентальной культуры западу за вторжение в чужую культурную среду со своим уставом.

Западные бизнесмены выделяют следующие особенности исламских партнеров, которые они оценивают, как трудные для ведения дел (Mitchell, Ch. International Business Culture. Nokato. World Trade Press. 2000. 186 p). :

- ненадежность достигнутых договоренностей о размерах прибыли,
- требование прибыли со стороны посторонних лиц,
- неожиданный «выход из игры»,
- отказ принять на себя ответственность за риск,
- частые ссылки на запрет Корана в организации бизнеса.

Черты деловой культуры, имеющие для исламской стороны четкий смысл и не нуждающиеся в оправдании, воспринимаются западными партнерами, как барьеры к успеху.

Участники международной экономической деятельности нередко обращают внимание на недопустимость сверх обобщений в характеристике культуры бизнеса того или иного региона. Культура всегда стремится к самоопределению по принципу «отличия от других». Так, в деловой культуре США исторически существуют разные традиции ведения дел на юге и севере, между которыми сохраняется недоверие. Богатый «запад» (Калифорния) снисходительно смотрит на менее успешного восточного соседа (атлантическое побережье США).

В существовавшей в годы холодной войны «Восточной Европе» с ее советской культурой плановой централизованной экономики, сегодня выделяются следующие культурные зоны с характерными отличиями в экономической деятельности: центральная Европа – Польша, Венгрия, Чехия, Словакия, Словения и другие республики бывшей Югославии; современная

восточная Европа – Болгария, Румыния, Албания; европейская часть России; прибалтийские республики – Латвия, Литва, Эстония.

По мнению экономистов-культурологов (Ch. Mitchell), культурное самоопределение в экономической сфере отчетливо наблюдается на примере республик бывшего СССР. Так, заметными стали экономические противоречия между Россией и Украиной, обусловленные культурными ориентациями государств. Внутри Украины существуют культурно обусловленные противоречия между восточной, центральной и западной территорией. Такие бывшие республики СССР, как Туркмения, Узбекистан и Казахстан в культурном отношении приблизились к своим южным соседям. Экономическая культура российского Дальнего Востока больше ориентирована на Японию, Китай и Южную Корею, чем на европейскую экономику (Германию и др.).

В процессе социального познания деловых культур возникает необходимость их быстрого распознавания. Для этого в международной экономической практике формируются культурные стереотипы, обобщенно описывающие деловые культуры с некоторой долей юмора. (Ch. Mitchell). Эти стереотипы, при всей их условности, воплощают в себе наиболее заметные культурные особенности национального характера, влияющие на экономическую деятельность носителей культуры.

При всем недоверии к стереотипам, как характеристикам культуры, отметим, что стереотипы – это естественный результат социального познания. Стереотипность культурных представлений обусловлена особенностями познавательной деятельности человека, изучаемыми когнитивной психологией. Человеческое познание склонно к обобщениям и универсальным формам, что делает познавательную деятельность более экономной, облегчая в дальнейшем узнавание и называние реальности. Культурные стереотипы, таким образом, представляют собой необходимые с точки зрения когнитивной психологии обобщения.

В связи с расхожими стереотипами обычно не составляет труда найти соответствия между французами, немцами, британцами, итальянцами,

финнами, китайцами и американцами с одной стороны и чертами национального характера с другой: *угрюмость, чувство юмора, возбудимость, чопорность, дипломатичность, разговорчивость, медлительность, хитрость, эмоциональность, надежность, коммерциализм, мудрость, открытость, неформальность, застенчивость, трудолюбие, консерватизм, невоспитанность, пунктуальность, сдержанность, проворность, вежливость, обязательность, нудность, галантность, изысканность, решительность и др.* Все эти особенности стереотипы определяют ожидания, с которыми партнеры вступают в деловых отношениях с представителями разных культур.

Немецкая деловая культура ассоциируется с четким порядком и пунктуальностью. Американская деловая культура немыслима без «соблюдения сроков» (deadlines). Японская деловая культура предполагает уважение к коллективно принимаемому решению. Французская деловая культура по сложившимся стереотипам известна склонностью, уходить от деловых вопросов, предпочитая политические дискуссии и фуршеты. Британская деловая культура строится на сети «старых знакомых» (old boys) и консервативных традициях. Китайская деловая культура разрешает отказываться от ранее принятых решений. Нигерийская деловая культура запрещает нигерийцам говорить «Нет», поощряет создание амбициозных проектов, которые никогда не будут выполнены. Израильская деловая культура известна готовностью критически возражать против каждого пункта контракта и в заключение подписать его целиком не глядя в детали. Деловая культура Саудовской Аравии требует безусловного почитания высоких чинов. Представители индийской деловой культуры известны своей скромностью, самоунижением и принятием умных решений.

Помимо стереотипов, существуют еще векторы развития деловой культуры, среди которых выделяются «коллективный» и «индивидуальный». Британская или немецкая деловая культура развивается в направлении индивидуального (индивидуалистического) вектора. Это означает, что представители этой культуры готовы принимать на себя полную

ответственность за принимаемые экономические решения без поиска поддержки вышестоящего руководства. Представители индивидуальной культуры обычно отличаются решительностью, предпочитают действовать, а не рассуждать, планируют свою деятельность и рассчитывают на своевременное и качественное завершение экономического проекта.

Представители коллективной культуры предпочитают делить ответственность за результаты бизнеса «на всех», ожидают одобрения своих решений и поддержки «сверху», больше времени уделяют переговорам, в ряде случаев предпочитают решать проблемы «в рабочем порядке», придают планированию условное значение и всегда готовы объяснить причины невыполнения обязательств или задержки сроков.

Деловые культуры характеризуются иерархической или плоской структурой власти. В иерархической структуре власти высшее руководство удалено от низов (*high power distance*). Плоская структура власти и влияния в деловых отношениях отличается большей демократичностью и приближенностью топ менеджеров к своим подчиненным. Азиатская (японская) деловая культура иерархична по своей организации власти и влияния с безусловной демонстрацией уважения, доверия и преданности хозяину. В отличие от нее, западноевропейская модель выглядит более плоской, где общение руководителей и подчиненных «на равных» считается хорошим деловым тоном.

Для разных деловых культур характерна различная степень терпимости к двусмысленности. Терпимые к двусмысленности деловые культуры (*ambiguity tolerant cultures*) считают правильным недоговаривать, выражаться приблизительно и условно, менять ранее сформулированные идеи. Эти деловые культуры с готовностью принимают неопределенность (Япония, Китай, Корея, Таиланд, Вьетнам). Западные деловые культуры, включая США, в целом нетерпимы к двусмысленности и характеризуется избеганием неопределенности (*uncertainty avoidance*). Если культура терпима к двусмысленности, ее представители спокойно относятся к ситуациям риска, где

неопределенность достигает своего пика. Именно поэтому терпимые к двусмысленности культуры избегают принятия рискованных решений. Ситуация риска их вполне устраивает. Западные деловые культуры нетерпимы к неопределенности и их представители полны желания разрешить кризис, принять радикальные решения и идти ради этого на риск. Именно поэтому представители западных деловых культур чаще идут на экономический риск, чем их азиатские партнеры. Представители бизнеса США известны своей склонностью рисковать и получили прозвище «рискующие парни» (risk-taking guys). Это частично объясняется значительными резервными запасами американской экономики.

Деловая культура характеризуется фемининностью или женственностью (femininity) и маскулинностью или мужественностью (masculinity). Бизнес в фемининных культурах развивается неторопливо, в условиях принятия коллективных решений, в обстановке взаимного уважения, с учетом существующих исторических ценностей, при ограничении индивидуальных потребностей, на основе многолетних приятельских отношений, в коллективной обстановке, где комфорт участников ценится выше, чем получаемый результат. Маскулинные культуры ведения экономической деятельности предпочитают строгий регламент в используемых технологиях и в получении заранее запланированных результатов, безусловное выполнение инструкций и правил, четкое распределение обязанностей, выдвижение способных и эффективных лидеров, контроль качества процесса и продукта, кратковременные контракты на период совместного проекта. Наблюдения показывают, что маскулинные культуры способствуют успешному бизнесу. Вместе с тем, деловая активность в условиях фемининных культур менее подвержена кризисам, так как наиболее тяжелые экономические спады наблюдается прежде всего в среде маскулинных экономических культур.

Деловая культура может быть «моноактивной», «полиактивной» и «реактивной». Моноактивностью отличаются западные деловые культуры, поскольку для ее носителей характерно линейное измерение времени, где

«время – деньги» и нормальным считается решение лишь одной задачи в каждый отдельно взятый момент. Полиактивностью известны южные европейцы и латиноамериканцы, для которых время измеряется не линейно, а скорее дугообразно. Одно дело постоянно сочетается с множеством других дел и, поэтому, участники экономической деятельности постоянно отвлекаются на решение сопутствующих задач. Реактивностью характеризуются носители азиатской культуры с типичным для нее циклическим измерением времени, когда жизнь преподносит всякий раз свои сюрпризы, на которые нужно реагировать. Ценностью в этой связи считается не выполнение давно принятых обязательств, а принятие решений в связи с постоянно меняющейся ситуацией. Реактивностью в деловой сфере отличаются представители некоторых северных народов, например финны, которые, в отличие от немцев, могут неожиданно предложить отказаться от заранее намеченного мероприятия (Льюис Р.Д. Деловые культуры в международном бизнесе. М., Дело. 2001. 467 с.) Подобные стратегии характерны также и для других культур «циклического времени» (Китай, Япония, Вьетнам и др.)

Недостаточный учет культурных особенностей участников экономической деятельности может серьезно осложнить решение деловых задач. Например, культурные различия серьезно влияют на отношение участников бизнеса к выполнению намеченных дел. В ответ на вопрос «Когда будет завершена сделка?» представители разных культур ответят по-разному и вложат в свои слова разный смысл:

- Южная Африка: «Сейчас» (сделка может быть вообще не завершена, так как имеет второстепенное значение),
- Израиль: «Все в порядке» (работа над совершением сделки возможно еще не начиналась),
- Индонезия: «Время растяжимо» (rubber time) (сроки не имеют значения),
- Россия: «Когда нужно?» (может быть завершить сделку в срок не обязательно и принятие решения можно отложить),

- Великобритания: «Все работаем по плану» (сделка будет завершена не ранее и не позже назначенного срока).

Культура деловых отношений зависит от того, насколько то или иное культурное пространство является высоко или низко контекстным (high- or low-context culture). Высоко контекстные культуры (Китай, Япония, Вьетнам, Индия, Саудовская Аравия и др.) отличается тем, что деловое пространство насыщено для участников повышенным содержанием, множественностью внутренних зависимостей и смыслов, непредсказуемостью хода событий и особым смыслом даже мелких деталей. Вся эта сложная реальность подразумевается участниками деловой активности и принимается как сама собой разумеющаяся. Подобные «мелочи» принимаются во внимание представителями высоко контекстной культуры и нередко бывают причиной неожиданных решений. Западная культура (Германия, Великобритания, США, Скандинавские страны) характеризуется низким контекстом и это означает, что видение ситуации четко и буквально фиксируется в языковой форме. В деловой активности представителей низко контекстной культуры «буква контракта» представляет собой единственно возможное понимание деловой ситуации.

Влияние культуры на деловую активность объясняется тем, что культура с помощью своих символов программирует ментальность ее участников, начиная с самых глубоких и скрытых от непосредственного наблюдения векторов и измерений, и кончая элементами деловой культуры, наблюдаемыми на поверхности поведения. Покажем это влияние на примере китайской деловой культуры.

Реактивность действий

Закрытость чувств и намерений

Сохранение лица Многозначительный контекст

Ценность традиций Терпимость к двусмысленности

Коллективность бытия Иерархия власти Цикличность времени

В основе пирамиды китайской ментальности лежит коллективность бытия, как вектор развития этой культуры, типичная для коллективных культур иерархия и удаленность власти, а также циклическое измерение времени. Китайская культура во многом обращена в свое прошлое, что обуславливает ценность традиций. Культура терпима к двусмысленности в связи с тем, что китайское культурное пространство является высоко контекстным, то есть, план содержания высказывания всегда значительно шире и глубже плана выражения. Отсюда наблюдается терпимость к двусмысленности. В поведении китайских участников бизнеса отчетливо проявляется желание сохранить лицо, то есть, собственное достоинство в любых сложных обстоятельствах. Это делает нетерпимым для китайских бизнесменов признание собственной вины. Наконец, многие бизнесмены, имеющие деловые отношения с китайской стороной, отмечают реактивность китайских партнеров, их тенденцию менять ранее достигнутые договоренности или произвольно интерпретировать прежние решения (Льюис Р.Д.).

Индивидуальные и коллективные культуры отличаются своим отношением к правилам делового поведения и межличностного взаимодействия. Покажем на примере некоторые тенденции, которые в большей или меньшей степени характерны для коллективных и индивидуальных культур:

Коллективные культуры	ПОСТУПКИ	Индивидуальные культуры
Предпочитают	Одалживать деньги в займы	Берут кредит в банке
Предпочитают	Пользоваться чужими вещами	Избегают чужие вещи
Допускают «вольности»	Игнорировать закон	Боятся нарушить закон
Допускают нередко	Нарушить правило дорожного движения	Эпизодически могут «лихачить»
В зависимости от обстоятельств	Отказаться от обещания	Считают неэтичным
Не любят	Буквально следовать инструкции	Отступать от правил

Не приучены	Демонстрировать законопослушание	Приучены
Считают нецелесообразным	Строго следовать плану	Требуют от себя и других
Могут, но не всегда	Доводить дело до конца	Предпочитают
Не торопятся	Соблюдать сроки выполнения задания	Стараются

Приведенные примеры, как и все признаки культуры, не могут распространяться абсолютно на все отдельные случаи. Вместе с тем отмеченные признаки характеризуют деловую культуру в целом и показывают свою зависимость от культурных векторов коллективности и индивидуальности.

В разных культурах предпочитается различный стиль лидерства в команде. В британской культуре распространено «групповое лидерство» по обстоятельствам. Лидеры меняются в зависимости от ситуации и выдвигаемых проблем. Американская культура предпочитает лидерство в малых группах, создаваемых для достижения ближайших целей. Шведский стиль лидерства можно охарактеризовать, как первенство среди равноправных участников. Немецкое лидерство заключается в демонстрации примера аккуратности и пунктуальности для других. Азиатский стиль лидерства предполагает непременно достижение консенсуса со всеми членами команды. Арабский стиль лидерства определяется статусом в семейном клане (Р.Д.Льюис).

Межкультурные различия в бизнесе особенно отчетливо проявляются при соприкосновении двух разных культур, например, США и России в процессе переговоров (Р.Д.Льюис). Покажем эти различия, а также точки соприкосновения в деловой культуре США и России, графически:

США	Общие черты	Россия
Решение снизу вверх	Демократизм Гостеприимство Глобальность Неформальность Полиэтничность Великодержавность Вежливость	Решение сверху вниз
Индивидуальная ответственность		Коллективная ответственность
Рискованный оптимизм		Осторожный пессимизм
Работа в команде		Работа в коллективе
Противоречивые мнения в группе		Единодушное мнение в группе

Прагматики	Мессианство	Идеалисты
Подписание контракта	Открытость	Личные отношения

Сравнение показывает, что культура ведения переговоров обнаруживает межкультурные различия, связанные с иерархией и удаленностью власти от «низов» в России и плоской моделью распределения власти и влияния в США. Обнаруживается также сходство, проявляемой в неформальном стиле переговорного взаимодействия.

Изучение российской культуры ведения бизнеса позволило культурологам сформулировать советы, как лучше вести себя с русскими бизнесменами (Р.Д.Льюис):

- Россиян нельзя унижать.
- Россияне могут принимать эмоциональные решения.
- Россиянину нужно сначала понравиться.
- Россияне готовы и любят отходить от норм закона.
- Россияне не любят, когда выделяют кого-то из них.
- Россияне придают большое значение ритуалу застолья.
- Россияне любят комплименты в адрес своей Родины.
- Россияне верят только своей версии о Второй мировой войне.
- Россияне по-своему понимают правила «честной игры».
- Россияне стараются говорить то, что от них хотят услышать.
- Россияне придают большое значение личным отношениям.
- Россияне охотно переживают ностальгические чувства.
- Российскими ценностями является сострадание, сентиментальность, уважение к старикам, любовь к детям, самопожертвование, милосердие, душевная многолетняя дружба, патриотизм, победа в войне.

Китайская культура добавляет к этим ценностям почитание традиций, упорство, умеренность, аскетизм, непритязательность, гармония, живучесть, добросовестность, беспристрастность, мудрость.

Названные и другие ценности, символизируя культурные различия, учитываются при организации делового взаимодействия представителей разных культур.

Подводя итог, можно сказать, что деловые культуры разных стран символизируются стилем ведения бизнеса, тактикой принятия решений, стратегиями переговоров и доминирующими ценностями.

Глава 3.2

СИМВОЛЫ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Педагогическая культура как понятие

Культура в образовании и воспитании представляет собой совокупность педагогических ценностей и норм, правил и стереотипов, а также традиционных практик, определяющих содержание и форму педагогической деятельности. Культура в образовании и воспитании во многом определяется традициями национальной педагогики.

Традиционная национальная педагогика не только оказывает влияние на методическую культуру в обществе, но и отчетливо проявляется в частных дидактиках (методиках), обуславливая устойчивость педагогических традиций и сопротивление чуждым инновациям. Иными словами, традиционная национальная педагогика представляет собой тот фундамент и каркас, который обуславливает форму всего здания, какой бы строительный материал не использовался.

Российские национальные педагогические традиции складывались веками под большим влиянием издавна сложившейся церковной педагогики, определяющей содержание и форму обучения с одной стороны, а также отражавшие традиционные педагогические устои – с другой.

Издавна, содержанием церковного обучения был не только и даже не столько «Закон Божий» сам по себе, сколько познание через религиозные тексты норм правильного и «праведного» бытия, построения отношений по принципу «любви к ближнему», соблюдения христианской нравственности в

общественной и семейной жизни. Источником знаний были канонические тексты, а формой учения было усвоение содержания через заучивание. Такое обучение полностью соответствовало давним традициям.

Существовало особенно уважительное отношение к тексту, как источнику надежных и важных для жизни сведений. Особое уважение вызывали тексты философского, мировоззренческого и поучительного характера, которые можно было многократно цитировать и толковать, применяя к разным жизненным ситуациям в качестве авторитетных примеров. Запоминание таких текстов, служивших источником жизненной мудрости, считалось оправданной необходимостью.

Искажение текстов, их перефразирование, сокращение или вольное толкование считалось не только излишним, но и вредным, настолько авторитетными по своему положительному воздействию на человека считались эти текстовые материалы. Как содержание, так и форма текстов свято почитались и считались национальной ценностью и культурным наследием от многих поколений предков. Владение этим материалом было важно для сохранения национальной идентичности и веры.

Усвоение содержания обучения в форме текста предполагало, по нормам православной педагогики, уважительное отношение к каждому слову и почитание освященных церковью догматов. Отметим, в православной традиции богослужения нет коллективного толкования верующими смысла текстов писания, группового обсуждения значения отдельных фрагментов текста, высказывания собственных догадок и домыслов и подлинном смысле библейских цитат. Для сравнения подчеркнем, что групповое толкование текстов старого и нового завета является характерной особенностью воскресных собраний в протестантских храмах, где каждый член общины может задать интересующий его вопрос по тексту писания и высказать свое мнение в коллективном обсуждении.

Можно полагать, что характерное для православных традиций восприятие текстовых знаний как ценной образовательной догмы (учения), является

важной частью российской педагогической и методической культуры в преподавании разных школьных предметов, включая и уроки английского языка. Эта особенность проявляется в предпочтении, которое отдается усвоению, пониманию и воспроизведению учебных текстов, что наблюдается в учебном процессе. С определенной долей вероятности можно предположить, что текст выполняют в российских педагогических традициях функцию передачи канонических знаний.

Для сравнения отметим, что в протестантской культуре, предполагающей свободное выражение собственного мнения в условиях равноправного общения, «открытые» заданий, в которых отсутствуют заранее заданные «верные» и «неверные» ответы, более естественно вписываются в методическую культуру.

Другой исторически обусловленной особенностью традиционной российской педагогики является признание авторитета и центральной роли носителя знаний (учителя) на уроке. По этой причине, в российских классах доминируют уроки, где учитель занимает свое привычное положение перед классом и проводит урок с применением так называемых «фронтальных» приемов работы (teacher in front).

Можно предположить, что типичное для российской методической культуры доминирование учителя, сдерживает распространение на уроках обучения, центрированного на ученике (learner-centered teaching). Вместо этого, теоретическая и практическая педагогика более активно разрабатывает и ассимилирует идеи «индивидуального подхода», «личностно-ориентированного» и «активного» обучения, где двигателем урока остается учитель. Для российской методической культуры, сильная позиция учителя на уроке воспринимается, как более привычная, оправданная и необходимая, чем сильная позиция учащихся.

Не менее важным признаком российской педагогической традиции, существенно отличающим ее от иных культур, можно считать относительно строгую дисциплину учащихся на уроке, неодобрительное отношение к

громкому общению школьников между собой во время выполнения заданий, а также нетерпимое отношение к нарушению школьниками дисциплины во время учебного процесса. Отметим, что отличительным признаком западной педагогической культуры в целом является поощрение «рабочего шума» в классе во время урока.

Национальные педагогические традиции впервые вступили в противоречие с иноземными нововведениями в период петровских реформ (конец 17-го, начало 18-го века). Одним из первых требований инновационной педагогики был отказ от церковных догм в содержании обучения. Национальная педагогика отреагировала сопротивлением чуждым для нее идеям: *рационализации содержания обучения (формирование практических знаний в итоге вступало в противоречие с усвоением теоретических текстов), индивидуализации учебного процесса (домашнее обучение и индивидуальные занятия вступало в противоречие с коллективным обучением и классно-урочной системой) и автономии личности ученика (ученические вольности вступали в противоречие с подчинением учащихся воле учителя)*. Подобное противостояние инновационных и традиционных идей продолжается до настоящего времени.

Опасность рационализации обучения виделась в том, что подчинение цели обучения и воспитания приземленным целям и задачам, означало игнорирование высших духовных ценностей человека. Нежелательность индивидуализации объяснялась тем, что без влияния коллектива возникает опасность раскола и вражды в обществе. Вредоносность автономии личности усматривалась в том, что без влияния коллективного мнения возрастет вероятность вольнодумства и ереси опасных для общества.

Отметим, что недоверчивое отношение к рациональным практико-ориентированным утилитарным знаниям в ущерб фундаментальной теории, отказу от коллективных форм работы в пользу индивидуального обучения, а также свободному самовыражению личности учащихся в противовес мнению учителя до сих пор непросто утверждаются в российской практической

педагогике и методической культуре обучения английскому языку. Эти идеи в ряде случаев ассоциируются с «западными ценностями», подчеркивая культурный раздел между разными педагогическими пространствами.

Педагогические ценности

Педагогические ценности представляют собой идеализируемые способы обучения и воспитания, воспринимаемые участниками учебного процесса как значимые для успеха, правильные с точки зрения теории, должны в соответствии с успешными традициями прошлого и полезные для учащихся.

Ценности придают смысл деятельности. Например, если педагогической ценностью является результат обучения, то вся деятельность направляется на достижение этого результата. Если педагогической ценностью является авторитет личности ребенка вне зависимости от результата, то весь учебно-воспитательный процесс приобретает этот гуманистический смысл, а учебные результаты уходят на второй план.

Ценности, разделяемые в методической культуре того или иного народа, обычно соответствуют общим культурным ценностям этого народа. Например, если ценностью в культуре Северной Америки (США) является «индивидуальное достижение», то вся культура обучения построена по принципу создания условий для индивидуальных достижений каждого ученика. На это направлена вся система обучения и воспитания, итогом которой является «измерение достижений».

Ценностью в германской культуре можно считать «усердный труд» и в соответствии с этим, в методической культуре присутствует идея учебных усилий, дисциплины и требовательности, продолжительного учебного дня и строгого выполнения заданий.

Ценностью в китайской культуре признается «уважение к старшим» и привилегии «старшинства» принадлежат учителю, с которым не спорят, которому не задают вопросов и даже стараются не смотреть в глаза, так как прямой взгляд в упор – признак неуважения. Отсюда, знания и мнение учителя рассматриваются учащимися, как истина в конечной инстанции.

Посмотрим, как влияют ценности африканской культуры на атмосферу в классе. Ценностями африканской культуры в целом антропологи называют: уважением к другим людям, старикам и авторитетным лицам, правдивость и дисциплина, теплое отношение к соседям, послушание и умеренность в выражении своих потребностей, великодушие и гостеприимство. Подобное распределение ценностей дает полное основание предполагать, что на уроке в типичной африканской школе наблюдается уважение к учителю, подчинение командам учителя, интерес и внимание к ответам сверстников, сочувственное отношение к учебным неудачам товарищей, приветливость и приглашение учителя в гости домой. Подобные ожидания, в целом, подтверждаются реальным опытом впечатлений с одним исключением. Африканским школьникам очень трудно признать свою вину в случае обвинения в недобросовестности и, тем более, в мошенничестве на уроке в виде списывании и проч. Это объясняется тем, что одной из ключевых ценностей африканской культуры служит «сохранение лица» -face saving, то есть, своего личного достоинства. Учитель, уважающий традиции местной культуры, не будет разоблачать африканского школьника, а обязательно примет решение вместе с администрацией школы о том, как поступить.

Одной из педагогических ценностей, реализуемых в разных методических культурах, является воспитания патриотизма учащихся и утверждение «отечественного происхождения» ценных открытий и идей. В некоторых странах, идеологически противопоставленных Великобритании и США (например, Иран), обучение английскому языку осуществляется как в государственных, так и частных школах. Главное отличие заключается в том, что в государственных школах обучение осуществляется только по учебникам местных иранских авторов со строго отобранным содержанием в соответствии с мусульманскими традициями и приемами обучения, ориентированными на заучивание текста. В частных школах обучение осуществляется на основе коммуникативно-ориентированного метода, и учитель имеет право выбора пособий. Влияние государственной политики очевидно.

В других культурах с доминированием патриотических ценностей делаются попытки доказать, что коммуникативно-ориентированное обучение возникло именно в местной методической науке независимо от западных разработок. Ученые пытаются установить первенство появления тех или иных методических инициатив в своих методических школах. В этих случаях, утверждение первенства «методических открытий» становится самостоятельной ценностью, хотя анализ показывает, что инновационные идеи в методическом мире как правило, появляются одновременно в разных странах, благодаря научному обмену. Обменные процессы становятся особенно активными сегодня, в условиях создания педагогических интернет сообществ. Циркуляция идей усиливает и ускоряет формирование единой методической культуры на нашем «маленьком глобусе».

Педагогической ценностью в отдельных методических культурах (например, российской), считается «авторитет учителя», обеспечивающего дисциплину на уроке, прилежание учащихся и, в конечном итоге, их воспитанность и высокие учебные показатели. Для сравнения скажем, что в современной западной педагогической среде, самоутверждение учителя в классе не является ценностью и даже может быть причиной конфликтов с родителями и неприятностей для педагога, нарушающего своими строгостями «права ребенка» и ограничивающими его свободу. Западный учитель не организует свою деятельность для самоутверждения себя и своего авторитета в классе, так как это не является ценностью в его профессиональной среде и может даже лишить его работы.

Педагогические нормы

Особое значение для обучения английскому языку (на примере России) приобретают практические **нормы**, то есть устойчивые способы организации и регулирования деятельности. Нормы в методической культуре могут коренным образом отличаться от положений директивных документов и негласно существовать в педагогическом процессе. К некоторым из этих норм, обусловленных методической культурой, относятся:

- организованный, дисциплинированный и управляемый класс,
- возможные платные дополнительные занятия со своими учащимися до или после урока по инициативе учащихся и их родителей,
- проверка выполнения домашних заданий на каждом уроке и построение урока на основе выполненных домашних заданий,
- оценивание учащихся не только для измерения результатов учения, но и для их воспитания (завышение оценки учащихся с целью их поощрения или занижение оценки с целью наказания за недобросовестность),
- подготовка учащихся к экзамену (тестам) на уроках,
- возложение на учителя ответственности за результаты учащихся в языковом тестировании или на экзаменах,
- звонки учащихся и их родителей к учителю домой в случае вопросов и проблем,
- оценивание эффективности работы учителя по показателям учащихся,
- максимально возможное равномерное и одновременное продвижение всех учащихся класса в овладении программным учебным материалом (lockstep lesson),
- признание за учителем ключевой роли в организации обучения английскому языку и успешности этого процесса,
- выполнение учителем своей роли «объективного контролера» знаний учащихся и гаранта соблюдения на уроке государственных требований, предъявляемых к знаниям учащихся.

Нарушение практических норм – это повод для недовольства учителем со стороны администрации и родителей в случае, если учитель

- не может поддерживать дисциплину учащихся во время урока,
- не понимает и не разделяет проблем и затруднений ученика,
- не уступает просьбе родителей повысить оценку ученика,
- не поддерживает ученика в трудной ситуации,
- не использует время урока для подготовки к экзамену,
- постоянно дает негативную характеристику ученика,

- не предупреждает своевременно родителей об учебных затруднениях ученика,
- отказывается увидеть положительную перспективу в обучении и развитии конкретных учащихся.

Отметим, что подобные причины ухудшения отношений между учителем и родителями характерны для разных методических культур, хотя и в разной степени. Например, неумение учителя поддерживать строгую дисциплину учащихся на уроке очень осуждается в российской методической культуре и игнорируется в ряде стран. Неумение увидеть положительную перспективу обучения и развития учащихся осуждается в российской методической культуре, однако более важной нормой считается выполнение учителем своей роли гаранта соблюдения государственных требований к уровню знаний учащихся.

Культура и педагогические воззрения

Западные и восточные педагогические воззрения можно условно разделить на два противоположных, хотя и не взаимоисключающих подхода: западный (сократовский) и восточный (конфуцианский). Покажем основные различия между этими подходами:

Восточные традиции	Западные традиции
Признание авторитета Учителя	Уважение к учителю как помощнику
Некритичное отношение к Учителю	Возможен спор с учителем
Зависимость от семьи и авторитетов	Доминирование личного мнения
Скромность, молчание и согласие	Самоутверждение и самовыражение
Подчинение большинству	Индивидуальная позиция

Сопоставление «восточного» (конфуцианского) и «западного» (сократовского) подхода к организации педагогического процесса показывает, что в глобальном образовательном процессе отмечается противопоставление педагогических идей, вызванных традиционной педагогической культурой. Российская методическая культура занимает в этом диалоге промежуточное место. Например, конфуцианские традиции поиска истины отрицают спор в диалоге, как способ «порождения истины», а вместо этого утверждают

ценность внутреннего созерцания и признания авторитетного источника. Сократовские традиции защищают метод диалога в поиске истинных идей.

В российских педагогических традициях практически нет места конфуцианскому внутреннему самосозерцанию и медитации. Однако российским методическим традициям близки конфуцианские идеи самоутверждения учителя в глазах учащихся как образца для подражания во всем (role model) и признания значимости авторитетных в обществе мнений.

Помимо некоторых идей конфуцианства, российская методическая культура традиционно поддерживает сократовские логические рассуждения в диалоге, так как «в споре рождается истина». Однако сократовское равноправие учителя и ученика не полностью соответствует российским педагогическим традициям.

В российской методической культуре органично соединяется сократовский диалог и конфуцианский монолог как методы познания.

Западная модель обучения и воспитания уже не является для российской методики педагогическим стандартом (frame of reference) и разрабатываемые на «традиционной лингводидактической кухне» методические рецепты обучения английскому языку если и не оспариваются собственными методическими традициями, то нередко ограничиваются интересом и толерантностью. Говоря о методической культуре обучения английскому вне России, можно утверждать, что педагогическая культура за пределами «внутреннего круга» оказывается более разнообразной, чем западная модель. Причем опыт доказывает эффективность и целесообразность применения, изучения и распространения самых разных методических моделей обучения и воспитания учащихся средствами английского языка.

Например, несмотря на высказываемые предостережения о сдерживающем воздействии японских педагогических традиций на развитие личности, обучение в японской школе успешно способствует развитию у школьников творческого мышления и эффективного самовыражения при сохранении традиционных ценностей скромности, почитания и самоунижения (self-

efacement). Этот процесс типичен для японской школы в целом, начиная с ее начального этапа.

Китайские студенты, несмотря на сильное влияние национальных педагогических традиций уважения к авторитетному мнению, успешно обучаются в самых престижных университетах всего мира, демонстрируя высокие достижения. Привычная для них «родная» методическая культура так же сочетается с зарубежными педагогическими традициями, как национальная одежда с европейским костюмом. Местные традиции и зарубежные нормы используются в зависимости от обстоятельств.

В соответствии с китайскими (конфуцианскими) традициями, на уроках принято демонстрировать полное уважение к учителю, не возражать, не спорить, не задавать вопросов. Китайские учащиеся традиционно избегают задавать вопросы друг другу, чтобы не поставить другого ученика в неловкое положение. Все это ограничивает реализацию возможностей коммуникативно-ориентированного обучения английскому языку в китайских школах, где лишь эпизодически организуются обсуждения проблем, вопросы задает преимущественно учитель, приветствуется усвоение и воспроизведение текстовых материалов учебника.

Эффективными считаются приемы аудиolingвального метода, то есть, многократное повторение учебного материала с целью его лучшего усвоения. Для китайской педагогики нетипичным является выявление потребностей учащихся. Программные цели обучения задает учитель в соответствии с имеющимися директивными документами в образовании, а учащиеся обязаны выполнять государственные требования. Автономия учащихся и признание их права вносить предложения о включении в содержание обучения тех или иных тем, не приняты в китайской методической культуре.

Особенности национальной педагогики влияют на преподавания английского языка в Японии. Например, «культура молчания» в Японии проявляются в том, что учащиеся приучены молча и уважительно слушать учителя, внимательно читать и усваивать содержание учебных текстов, где нет

«ничего лишнего». Японские учащиеся приучены не задавать вопросов учителю и друг другу, чтобы не поставить другого в неловкое положение. Они смущаются от похвал и даже просят извинения за то, что их удачный ответ замечен другими. Учащиеся предпочитают уклончиво отвечать на поставленные вопросы, чтобы их ответ не был категоричным. Как учащиеся, так и учителя склонны принижать собственную роль и свои способности в объяснении учебных успехов. Культурно одобряемой реакцией является подчеркивание роли коллектива учащихся, учителей, родителей и администрации школы в создании хороших условий для достижения успеха.

На Тайване, как и в Китае, проявляются схожие черты методической традиции. Например, заметна культура «сохранения лица». Эта особенность проявляется в том, что тайванские учащиеся говорят то, что от них хочет услышать учитель. Они никогда не жалуются и делают вид, что все в порядке, чтобы не подчеркивать свою или чужую вину. Они отрицают допущенную ошибку и учителя предпочитают не исправлять ошибки учащихся перед всем классом. Важным принципом взаимоотношений является уважение к личности. Подобные методические традиции затрудняют организацию коллективного обсуждения проблемы, работы над ошибками теста в классе, выяснение личного мнения учащихся типа «нравится – не нравится» и даже выполнение заданий типа «верно – неверно».

Важно отметить, что особенности азиатской методической культуры в целом мало способствуют внедрению и распространению коммуникативно-ориентированного обучения английскому языку. Более органичными формами обучения в этом регионе является работа с текстом и языковой структурой. Выполнение языковых тестов считается формой индивидуальной работы учащихся, даже если они работают в общей для всех аудитории.

Азиатская методическая культура отличается от западной тем, что терпение и усилия ученика ценятся выше получаемого результата, взаимоотношения друг с другом ставятся важнее личных достижений, коллективизм оказывается более ценным проявлением по сравнению с

индивидуализмом, личная скромность признается намного важнее победы. В соответствии с известной в регионе пословицей, «торчащий гвоздь забивают» и в этом состоит важная для понимания методической культуры педагогическая традиция.

Особенности национальной языковой педагогики особенно наглядно проявляются в сравнении разных тенденций. Проведем такой сравнительный анализ:

Финляндия	Южная Корея
<i>3-4 иностранных языка, начиная с начальной школы</i>	<i>1-2 иностранных языка и, прежде всего, английский США.</i>
<i>Нормальный режим сна и бодрствования учащихся.</i>	<i>Дети спят на 1 час меньше и учатся ежедневно на 3 часа больше, чем в США и Европе.</i>
<i>Всемерная помощь учащимся на уроке и дома. Поддержка и понимание родителями детей и школы.</i>	<i>Большая индивидуальная нагрузка и ответственность учащихся. Очень требовательные родители к детям и учителям.</i>
<i>Между учащимися нет конкуренции.</i>	<i>Большая конкуренция между учащимися.</i>
<i>Талантливые учащиеся в классе помогают менее успешным учащимся.</i>	<i>Талантливые учащиеся переходят на ступень вверх по лестнице социальной иерархии.</i>
<i>Много времени для спорта, отдыха, общения с друзьями и семьей.</i>	<i>После школы учащиеся посещают частные уроки, которые продолжаются до поздней ночи.</i>
<i>На уроках организуется групповая проектная работа.</i>	<i>На уроках доминирует групповое хоровое заучивание материала (rote).</i>
<i>Распространена индивидуальная работа с учащимися во время уроков.</i>	<i>Обучение на уроках осуществляется учителем в больших классах.</i>
<i>На уроке с учащимися одновременно работает несколько учителей (2-3) для оказания помощи в случае затруднений</i>	<i>Учитель проводит урок фронтально ориентируясь на класс в целом. Индивидуальные затруднения учащихся на уроках игнорируются.</i>

Сравнение показывает, что финская педагогическая модель имеет выраженную гуманистическую направленность, реализуя принцип развития личности. По оценкам международных экспертных организаций финский педагогический опыт считается наиболее успешным среди других стран мира.

Таким образом, педагогическая культура имеет свое символическое выражение через сохраняемые, передаваемые по наследству от поколения к поколению и развиваемые образовательные ценности, педагогические нормы, философские воззрения, бытующие стереотипы и соблюдаемые правила, а также устойчивые практики, наблюдаемые в педагогической среде.

Глава 3.3

СИМВОЛЫ РЕЛИГИИ, ИСКУССТВА И КОЛЛЕКТИВНОГО БЕССОЗНАТЕЛЬНОГО

Религия, и искусство и коллективное бессознательное представляют собой три стороны особой человеческой деятельности, называемой «духовной». Духовность личности и общества – это ценности в человеке и окружающем его мире, которые придают смысл поступкам, деятельности и бытию, объясняя жертвенность или потребление, героизм или устранение, созидание или разрушения, уходя своими корнями в культуру. Религия, искусство и коллективное бессознательное, творящие духовные ценности в культуре человеческого сообщества, имеют свое символическое выражение.

Символы религии

Религия как культура представляет собой совокупность ценностей, норм, правил, стереотипных суждений и практик, основанных на вере в сверхъестественные силы и возможность единения с ними.

Воззрения людей, связанные с религиозными верованиями, включают:

- анимизм (веру в то, что все окружающие объекты и явления несут в себе жизнь, ощущения и чувства),
- деизм (веру в то, что Бог лишь со стороны наблюдает за созданной им землей и жизнью),
- зороастризм (веру в существование доброго и злого духа),
- монизм (веру в то, что Бог, человечество и земля есть одно целое),
- пантеизм (веру в то, что все вокруг есть Бог),
- монотеизм (веру в существование единственного Бога),

- *политеизм (веру в существование множества Богов и Богинь),*
- *троица (веру в существование Бога в трех формах – Отца, Сына и Святого духа, как, например, в христианстве).*

Подобные верования формировались в истории религии постепенно, влияли друг на друга, заимствовали идеи и постепенно обособлялись друг от друга в узнаваемых мировоззрениях. (Dupre, W. *Religion in Primitive Cultures*. Budapest. Mouton Co. 1975. 366 p.)

Историю развития религиозных воззрений можно условно поделить на этапы. На раннем этапе развития религии выделяется фетишизм, то есть, вера в существование священных объектов и предметов, таких, как камень, кусок дерева, клыки, изделия из природного материала, металлические фигурки, которым приписывается магическая способность приносить удачу и защищать от беды. Проявления фетишизма и сегодня сохранились в религиозных воззрениях некоторых африканских племен.

С фетишизмом достаточно тесно связан тотемизм. Тотемизм - почитание объектов и явлений природы, включая дождь, гром и молнию, ветер, солнце, воду, животных, растений с которыми люди связаны родственными узами и которым поклоняются, надеясь на покровительство. Тотемизм сохранился в современной культуре и проявляется в том, что люди используют амулеты для защиты себя от злых сил, а также для обеспечения удачи.

Одной из ранних форм религии был культ предков. Культ предков означает поклонение умершим, как богам. Для этого существовали и до сих пор сохраняются ритуалы почитания предков, чтобы они помогали живущей семье и охраняли ее от врагов и бед. Элементы культа предков сохранились во многих современных культурах, включая христианскую, мусульманскую, буддистскую и др. Например, в православной религии распространено поклонение мощам святых, а в некоторых монастырях можно увидеть «костницы», то есть, помещения, где хранятся и почитаются черепа ушедших из жизни монахов.

Продолжением фетишизма, тотемизма и культа предков можно считать шаманизм, получивший распространение среди народов Сибири, Дальнего Востока, Юго-Восточной Азии и Африки. В основе шаманизма – вера в возможность соприкосновения с потусторонним миром с помощью шамана. Практикующие шаманы до сих пор распространены на Алтае, в северной Сибири, в африканских племенах и других регионах мира.

Другой формой религии в связи с почитанием природных объектов, искусственных предметов и животных, обладающих, по мнению верующих, сверхъестественными силами воздействия на ход событий, было идолопоклонство. Идол наделялся статусом бога. Случаи идолопоклонства хорошо описаны в Ветхом Завете. Черты идолопоклонства сохраняются и сегодня. Люди поклоняются памятнику основателя древнего учения, устраивают церемонии около могильного камня, совершают религиозные ритуалы в строго определенном месте и др.

На более позднем этапе развития религии сформировалась идея высшей божественной власти, существующей высоко над землей и управляющей судьбами людей. Воплощением этой идеи была вера в существование множества богов, каждый из которых был верховным правителем в той или иной сфере, подчиняясь главному богу. Подобная религиозная система существовала, например, в древней Греции. Именно тогда наметилась граница между религией и магией, в соответствии с которой религия – это учение о божественной власти над миром, а магия – это тайные знания о союзе с черными силами.

На смену многобожию пришла вера в одного и единственного Бога, представленного в трех основных религиях мира – иудаизме, христианстве и исламе. Бог утверждается в религиозных учениях, как единственный и полновластный создатель мира живой и неживой природы, управляющий всей вселенной и пространством за ее пределами.

В современном мире религиозные воззрения сформировались в систему общечеловеческих, а также специфических для той или иной религии

ценностей, норм и правил, регулирующих жизнь и поведение носителей соответствующей религиозной культуры. Известны десять заповедей Ветхого Завета, поучения, содержащиеся в Коране, положения православной христианской этики, протестантские рекомендации жизни в обществе, конфуцианские правила действий людей и отношений между ними и т.п. Это означает, что в современном мире религиозная культура не только оказывает влияние на представления о взаимодействии человека с потусторонним миром, но и регулируют коллективное и индивидуальное бытие. То есть, религиозная культура проникает и укрепляется в культуре человеческих сообществ, как способе их коллективного бытия.

Примером социальных ценностей, распространяемых в обществе под влиянием религиозных учений, которые не носят характера вероучения, служат идеи, которые защищает Вера Бахаи. Они проповедуют мир во всем мире, парламентскую демократию, разоружение всех стран, признание единого языка международного общения, гармонию науки и религии, межконфессиональное согласие, равенство людей разной расы и вероисповедания, понимание между народами. (Buck, Ch. Paradise and Paradigm. Albany. State University of New York Press. 1999. 402 p.) Подобные примеры показывают, что в современном мире религиозные учения нередко утверждают в культуре общества не только божественные, но и мирские ценности, оказывая влияние на формирование как религиозного, так и гражданского сознания. Культурные символы современного общества, уходящие своими корнями в религию, таким образом, представляют собой единую совокупность символов вероучения и социального строительства. Так, например, протестантская религия символически отождествляется не только своей исторической оппозицией папской католической церкви, начиная с 16 века и возвращением к первоначальной трактовке апостольских текстов Евангелия, но и постепенным «обмирщением» своей идеологии, утверждением ценностей трудолюбия, честности, неприязнательности в быту и ответственности, а также либеральным отношением к некоторым консервативным запретам. Например, Лютеранская

Церковь Швеции одобряет однополые браки и символизирует «новые свободы» (Foucault, M. *Religion and Culture*. Cambridge. Cambridge University Press. 1999. 1999 p.)

Религиозные символы можно условно представить следующим образом:

- визуальные (архитектура, живопись и музыка, иконы, обряды и таинства, мощи),
- содержательные (тексты учения, толкования текстов учения, молитвы),
- кредо (краткие формулировки основных положений веры, например, «Бог один!» и др.),
- поведенческие (жертвенность христианина, хадж мусульманина, ежедневная молитва «Слушай, Израиль!» иудея и др.),
- мировоззренческие (суждения об окружающем мире с позиций своей веры о всепрощении христианина, о необходимости строгого соблюдения законов Корана для мусульманина, о приходе Мессии к иудеям и об «отстроенном Иерусалиме» с новым Храмом и др.).

Религии отличаются между собой своей символической «этнографией», то есть, визуально наблюдаемыми знаками.

Мусульманская религия ограниченно использует визуальные символы, хотя каждый из них наполнен глубоким культурным смыслом, ценным для мусульман. Так, пятиконечная звезда символизирует «пять столпов ислама» - веру в Бога, молитву, благотворительность, пост Рамадан и хадж в Мекку (Senker, C. *Islam: signs, Symbols, and Stories*. N.Y. the Rosen Publishing Group. 2010. 32 p.)

В индуизме распространенным и почитаемым является символ «свастика», происхождение которого, по-видимому, объясняется образом вращающегося колеса, что соответствует культурному измерению циклического времени. Свастика в индуистской интерпретации символизирует удачу, указывая на все направления вечно существующего пространства в движении круга времени (Senker, C. *Hinduism: Signs, Symbols, and Stories*. N.Y. Rosen Publishing Group. 2010. 47 p.)

В христианской религии одним из центральных символов является крест, который при всех возможных вариантах символизирует искупление человеческих грехов страданиями Христа. Другими визуальными символами христианства являются иконы, которых нет в протестантской ветви. Думается, что главным и наиболее почитаемым символом христианства являются книги Евангелия, несущие миру весть о воскресении Спасителя. Аналогично, самым святым символом иудаизма является Тора – первые пять книг Моисея, с которых начинается Ветхий Завет, признаваемый тремя основными мировыми религиями – иудаизмом, христианством и исламом.

При всем различии визуальных религиозных символов, они имеют одно общее основание. Это основание - вера в божественную природу окружающего мира и всего живого и неживого в нем. Подчеркнем, что символы религии никогда не совпадают с символами магии. Символы религии никогда не совпадают с символами науки. Символы религии никогда не совпадают с символами мирского бытия. Это означает, что культурные символы религии представляют собой «семиотику в семиотике», не смешиваясь с культурой как формой социального бытия вне религии. Такова реальность современной цивилизации, где религиозная и мирская культуры существуют в диалектическом единстве, влияя друг на друга и, одновременно, сохраняя свою автономию. Например, в религиозную практику вошел интернет, как орудие проповеди, а государственное строительство в ряде стран осуществляется по нормам соответствующих религий, что закреплено в принятых конституциях (Израиль, Иран).

Помимо визуальных объектов существуют также и менее наглядные религиозные символы. Они скрывают в себе не только конкретную религиозную культуру, но и объединяющие их культурные измерения времени и пространства.

Религиозные учения развивают идею вечности, неразрывного единства времен, возможности продолжения существования после смерти, цикличности бытия. Это означает, что все религии символизируют своими идеями

циклическое восприятие времени, как вечной данности. Напомним, что некоторые религиозные кредо утверждают единство и нераздельность времени, отождествляя его с пространством. Иудейское кредо о царствовании Всевышнего «во всей Вселенной и за ее пределами» формулируется в канонических переводах Ветхого Завета, как царствование Бога на все времена.

Цикличность времени кодируется в ряде религий с помощью символа «колеса», которое условно обозначает возвращаемость прошлого, настоящего и будущего. «Крест», по мнению некоторых антропологов, тоже является символом циклического времени, поскольку возможно представляет собой крестовину колеса без обода. (Klopping, L. *Customs, Habits and Symbols of the Protestant Religion. Seminar paper. Copenhagen. Grin. 2012. 15 p.*)

Нераздельность и цикличность времени подчеркивается буквенными символами. Например, Альфа и Омега как первая и последняя буквы греческого алфавита символизируют целостность существования Бога в символическом выражении единства «Альфа и Омега», то есть, одновременно и Первый и Последний.

Другим измерением культуры, символизируемым в религиях, является пространство, которое отличается насыщенностью контекста или большой глубиной скрытого смысла. План содержания в религиозных текстах всегда намного шире и глубже плана выражения. Именно поэтому религиозные тексты и другие символы религиозной культуры предполагают множественную интерпретацию. Интерпретация религиозных символов демонстрирует не только терпимость к двусмысленности, но и целенаправленно создает ее, нередко облакая религиозные взгляды в таинственный зашифрованный код аллюзий, притчей и ассоциаций.

Насыщенным глубоким контекстным смыслом можно считать символ «якоря», принятый в религиозном дискурсе, где закодированы идеи одного (единого) Бога, олицетворяющего надежду, защищенность, устойчивость, прочность и уверенность человека перед лицом тяжелых испытаний.

Насыщенное контекстом (высоко контекстное) пространство характеризуется трансцендентальностью границ физического и потустороннего мира, а также возможностью единения с потусторонним таинством. Символическим выражением такого единения высоко контекстного пространства является таинство причащения в христианской религии, то есть, вкушения «Тела и Крови Господа».

Можно сделать предварительный вывод о том, религии, как культура, едины в своих векторах и измерениях. Действительно, любая религия предполагает коллективные акты поклонения божеству. Любая религия признает вечность времени и пространства. Любая религия предполагает глубокую интерпретацию смысла слов, действий и предметов, значение которых намного превышает по объему информации то, что наблюдается на поверхности.

Вместе с тем, имеется, по крайней мере, одно культурное измерение, по которому некоторые религии, а точнее, их ветви (конфессии), отличаются друг от друга. Речь идет об иерархии власти и влияния в религиозных структурах. Например, католическая или православная церковь характеризуется иерархичностью власти и влияния ее служителей, с четким распределением статуса и полномочий, церемоний и ритуалов выражения уважения, авторитетности суждений и окончательности решений.

В отличие от католической или православной церкви с их иерархией постов, протестантская церковь характеризуется не иерархичностью, а «плоскостью» структуры власти и влияния, когда пастор не возвышается над своей паствой, а является ее частью, несет «благую весть», а не благословляет на принятие решений, пользуется равной мерой прав и уважения в общине, а не ожидает поклонения, приношения и ритуалов в виде целования руки и проч. Значение культурологических исследований подобных различий возрастает в связи с тем, что исследования показывают зависимость экономической стратификации разных культур в зависимости от практикуемой религии. Так, в некоторых исследованиях делается попытка показать, что протестантская

религиозная культура с ее пуританской этикой способствовала на разных исторических этапах экономическому отрыву ее представителей от иных культурных сообществ. Причем, это наблюдалось не только в экономическом соревновании между разными странами, но и во внутригосударственном пространстве. Так, в Англии заметных результатов экономического роста добивались Квакеры (Quakers), а в Германии и Голландии - Меннониты (Mennonites). (Weber, M. P. Baehr; G. Wells. The Protestant Ethic and the "Spirit" of Capitalism. N.Y. Penguin. 2002. 320 p.)

Таким образом, символы религии выражают сущность религиозных культур, объединяя их общими векторами и измерениями, а также подчеркивая самобытность и «отдельность» друг от друга.

Символы искусства

Искусство обычно рассматривается, как часть культуры, символизируя самобытность образных способов самовыражения автора и народа, уровень достижений художественного творчества создателей произведений искусства, жизненные испытания, надежды и чаяния людей. Искусство представляет собой эстетически выдержанную реакцию мастера на вызовы жизни и бытия. В такой реакции всегда присутствует попытка либо исправить ситуацию, либо найти способ решения проблемы, либо отвлечь человека от испытываемых нелегких переживаний. Это означает, что символы искусства передают в художественной форме информацию об актуальных проблемах, переживаемых индивидом или обществом, а также о способах решения этих проблем в соответствии с установками их культуры.

Произведения искусства, как культурные символы, содержат не только визуальный или воспринимаемый на слух план выражения, но и глубинное содержание, требующее интерпретации. Как визуально-слуховой, так и содержательный план произведения искусства меняется в зависимости от уровня социально-экономического развития общества. Так, план выражения и план содержания символа «примитивного» и «цивилизованного» искусства

будут заметно отличаться друг от друга. (Hatcher, E. Art and Culture. Westport. Bergin and Garvey. 1999. 327 p.)

Искусство, в зависимости от уровня его развития бывает:

- иконическим, то есть, имеет образную форму,
- содержательным, то есть, содержит художественные идеи,
- семиотическим, то есть, предлагает символический код.

Примером иконического искусства может служить наскальная роспись, обнаруженная в пещерах, некогда населенных древними людьми. Содержательное искусство принимает форму легенд, баллад и эпосов, художественных полотен на известные сюжеты, литературных и музыкальных произведений. Искусство семиотического типа представляет собой сложные по структуре, многозначные по содержанию и глубинные по смыслу произведения, для познания которых во многих случаях требуются специальные экспертные знания. Иными словами, чем выше уровень художественной формы искусства, тем более множественную интерпретацию они предполагают. Примером может служить абстрактная живопись или символизм в поэзии и музыке.

Искусство способно символически описать эпоху, в которое создаются художественные произведения, поскольку существует связь между уровнем развития общества и формами художественного выражения замысла. Ознакомление с произведениями искусства и архитектуры позволяет угадать эпоху. Покажем эту связь на примере «аграрного», «индустриального» и «постиндустриального» общества.

Аграрное общество характеризуется своей ориентацией на сельскохозяйственное производство, натуральным обменом без товарно-денежных отношений, влиянием религии церкви на жизнь людей, иерархией власти, влиянием армии и военных действий на решение внутригосударственных и межгосударственных проблем, присоединением территорий и объединением разрозненных регионов в единое целое, верой в мистическое и борьбой с ересью. В этот период, когда необходимо было

прийти к стабильности хаотичного и раздробленного доиндустриального общества, закладываются основы классицизма, формируются каноны и догмы красоты и уродства, создаются прецеденты, которые позже будут использоваться, как эталоны для оценки эстетической ценности произведений искусства.

В основе индустриального общества лежало бурное развитие промышленности за счет использования энергии ископаемых ресурсов, пара и электричества. Разделение труда и товарно-денежные отношения стали определять жизнь людей. Возникла и обострялась конкуренция не только между производителями в отдельных отраслях промышленности, но и между странами. Началась борьба за экономическое и военное превосходство, как в разных частях света, так и в глобальном масштабе. Активизировались попытки передела мира военными средствами в экономических и политических целях. Появились социальные классы, окрепли политические партии, был брошен вызов сложившейся стратификации общества. Иными словами, наблюдался пересмотр привычного порядка вещей, что наблюдалось в искусстве в форме модернизма и его крайней формы – авангардизма. Под модернистским, то есть, современным, понималось все, что символизировало трансформацию всего классического и привычного. Среди мастеров искусства и архитектура стал проявляться интерес к поиску индивидуальных форм выражения замысла. Наблюдалось желание отказаться от канонических традиций и экспериментировать с «гибкостью» материала. Проявилось даже желание внедрить в обиход языка искусства эксцентрические формы. В этом проявилось свойственное искусству стремление к обновлению и творческим экспериментам.

Постмодернистское общество сделало материальной ценностью не только товары, но и услуги. На первое место среди социально-экономических ценностей выдвинулась информация и технологии. Обострились экологические проблемы. В конкурентную борьбу за социальные приоритеты вступили

духовные ценности и мировоззренческие идеи, утверждающиеся в различных культурах и в мире в целом.

В условиях глобализации и геополитической борьбы в центре внимания оказалось осознание межкультурных различий людей. Делаются попытки распространить принцип сотрудничества и толерантности в отношениях между экономическими, политическими и культурными системами. Не случайно, в таких условиях в искусстве наблюдаются тенденции к поиску не столько «морфологии» средств художественного выражения, сколько их «синтаксиса», то есть, возможности «соединить несоединяемое». Появляются новые синтетические формы искусства, обобщая и смешивая, а также создавая новые жанры. Примером может служить изображение на картинах простых вещей и старых предметов быта, соединение неподвижных предметов и движущихся устройств, неодушевленного и одушевленного, образного и бытового в «концептуальном» искусстве, нетрадиционная городская скульптура, живопись в жанре граффити, action, installation, environment, land, и др. Особого интереса заслуживает fantasy. В этом жанре создаваемая художником иллюзорная действительность позволяет ему заострять силой своего воображения, противоречия современной жизни, и указывать возможные пути их разрешения.

Мастера искусства бросают вызов догмам, создают новые эстетические стандарты, нередко провоцируя острые общественные дискуссии. Прием пробуждения интереса к произведению нередко становится эпатаж, хотя многие произведения постмодернистского искусства на самом деле символизируют возрождающийся интерес к простым истинам бытия, разочарованием в возвышенных декларациях и желанием жить в близком и понятном мире.

В этой связи важно провести разделительную черту между произведениями искусства и ремесла. Покажем их условное различие в таблице:

<i>Искусство (Art)</i>	<i>Ремесло (Craft)</i>
<i>Создание произведения с целью просвещения</i>	<i>Создание произведения с целью украшения</i>
<i>Удовлетворение духовных потребностей</i>	<i>Удовлетворение утилитарных потребностей</i>
<i>Глубинное духовно-ценностное содержание</i>	<i>Визуально привлекательные формы и орнаменты</i>
<i>Язык символов с абстрактным значением</i>	<i>Преобладание формы над содержанием</i>
<i>Индивидуальный творческий замысел и самовыражение мастера</i>	<i>Соблюдение трафаретов и норм исполнения</i>
<i>Множественность интерпретации неоднозначного смысла</i>	<i>Конкретность назначения и недвусмысленность образа</i>
<i>Насыщенный контекст понимания замысла</i>	<i>Ненасыщенный контекст понимания назначения</i>

Сравнение искусства и ремесла показывает, что если миссией произведения искусства является совершенствование бытия, то назначением изделия ремесленника можно считать улучшение быта.

Символическое влияние искусства на бытие прослеживается с самых ранних форм его возникновения и развития. Так, антропологические исследования американского юго-запада показывают, что пещерные и наскальные росписи имели ярко выраженное символическое значение для их авторов и зрителей. Изображения креста символизировали бога на небе. Копье, направленное против животного, служило символом удачной охоты и такие изображения встречались в ритуальных местах, где мужчины собирались перед охотой. Групповые танцы обнаженных мужчин и женщин символически выражали церемонии, способствующие продолжению рода. Изображения двух людей, лежащего и склонившегося над ним, служили обрядовым символом исцеления от болезни. Встречались также изображения обезглавленных, а также перевернутых вверх ногами людей, что символизировало умерших.

Найденные на территории США символы пещерных и наскальных росписей позволяют декодировать культурные ценности племенной культуры американских индейцев, проживавших на территории штатов Юта, Колорадо и Калифорния. Ценным для племен было поклонение богу на небе, удачная охота, продолжение рода, исцеление от болезней и связь с предками в надежде

на их покровительство. Именно так древнее искусство пыталось совершенствовать бытие носителей исторической американской культуры.

Символизм современного искусства все более утверждает прозрачность границ современного мира, объединяя реальное и воображаемое, физическое и идеальное, живое и неживое, земное и космическое, преходящее и вечное. Искусство ищет пути совершенствования человеческого бытия не только в реальном измерении, но и фантазийном метафизическом пространстве. Возможно, уход в мир грез символизирует в современном искусстве признание бессилия человека изменить естественный порядок вещей и всемогущество игры его воображения.

Искусство всегда символизировало базовые ценности своей материнской культуры. Так, китайская живопись с древних времен символизировала вечность красоты, гармонии и симметрии в мире (Sullivan, M. *The Art of Landscape Painting in China. Symbols of Eternity*. Stanford. Stanford University Press. 1979. 177 p.) Для контраста ценностей отметим, что символы импрессионизма с интересом к индивидуальности, собственному взгляду на вещи вокруг, независимости мнения и впечатления зародились и утвердились не в азиатской и ориентальной, а в западной культуре. Кстати, традиционная китайская живопись отличается плоскостью перспективы, когда на полотне не отображается глубина пространства. Такое изображение символизирует не только плоскость пространства, но и времени. Вспомним, что в китайском языке не обязательно различать прошедшее, настоящее и будущее время. Оно понятно из контекста и воспринимается, как вращающееся плоское колесо, в центре которого – человек в вечном бытии.

Азиатское, а также ориентальное индийское искусство, традиционно символизирует красоту. Однако красота выражается не в визуальных признаках произведений ремесленника, а в гармонии человека с природой, единения с космическим пространством, симметрии и согласия всех форм бытия, постижении истинного знания. (Burckhardt, N. *Foundations of Oriental Art and*

Symbolism. Bloomington. World Wisdom. 2009. 133 p.) Именно в этом авторы своих произведений видят путь к улучшению мира человека.

Интересен для сравнения язык символов ранней христианской Церкви, который нашел свое отражение не только в текстах Евангелия, но и в произведениях искусства на библейские темы в традициях христианства. Ранние христианские символы становились понятными посвященным только в насыщенной контекстом среде, то есть, при условии посвящения в знание таинств. Началом такому символическому языку было положено Иисусом, который обращался к народу языком притчей, а высшие тайны раскрывал своим апостолам наедине. В раннем христианстве были распространены символы «Агнец», «Ноев ковчег», «Голгофа» и другие. В дальнейшем были добавлены некоторые символы языческого происхождения, которые было очищены от дохристианского содержания и наполнены новым символическим смыслом. К таким символам относится, например, «Пасхальное яйцо», «Кутья» и т.п. Ясный смысл для христиан приобрело словосочетание «тридцать сребреников». Эти и многие другие символы приобрели свое глубокое содержание, как в религиозном обиходе, так и в искусстве, символизируя в целом искупление грехов и указывая путь к праведному бытию. Христианские символы непосредственно связаны не только с духовным содержанием, но и принятыми в культуре христиан обрядовыми традициями с привлечением душевных сил и более формальными поведенческими ритуалами.

Таким образом, символы искусства несут в себе глубокое содержание, которое указывает путь совершенствования человеческого бытия в соответствии с разделяемыми в культуре ценностями и нормами, правилами и стереотипами, а также распространенными практиками.

Символы коллективного бессознательного

Коллективное бессознательное представляет собой слой человеческого подсознания, который, используя метафору «глубины», располагается ниже, чем индивидуальное бессознательное, представляет собой общее психологическое основание коллективной ментальности и объединяет общую

для всех людей образную символику. Термин «коллективное бессознательное» (collective unconscious) был предложен К. Юнгом, швейцарским психологом. Этот термин стал объясняющим понятием для универсальных психических явлений, характерных как для человеческой мезокультуры в целом, так и для национальных мегакультур, различаемых по этническим признакам.

По мнению К. Юнга, поверхностный слой бессознательных явлений индивидуален по содержанию и форме, но через индивидуальные варианты всегда просматривается глубинное содержание коллективного бессознательного. Коллективные бессознательные образы можно обнаружить в фольклоре, мифах, сказках, эзотерическом (тайном) знании, бытовых и научных представлениях, произведениях искусства. Заметим, что во всех формах, выражающих представления человечества об окружающем мире, наблюдаются одни и те же образы, кочующие от культуры к культуре. Можно предположить, что появление в разных культурах однотипных образных представлений объясняется тем, что в коллективной бессознательной сфере людей существуют некоторые общие «трафареты», по которым представители различных культур порождают схожие идеи. Эти бессознательные глубинные формы были выделены К. Юнгом под названием «архетипы». (Jung, C., R. Hull. *The Archetypes and the Collective Unconscious*. Princeton. Princeton University Press. 1990. 451 p.)

По К. Юнгу, в коллективном бессознательном существуют *архетипы*, то есть, наиболее общие образы явлений, отношений и действий, которые с настойчивой повторяемостью встречаются от индивидуальности к индивидуальности и даже от культуры к культуре. Одним из таких архетипов, по К. Юнгу, является символический образ «матери», который нередко ассоциируется в человеческой культуре с доминированием матери над дочерью, сопротивлением дочери материнскому доминированию, подавлением инициативы дочери со стороны матери, реакцией эмансипации у дочери, конфликтом между дочерью и матерью на почве реакции эмансипации, решительным нежеланием дочери повторить материнскую судьбу и др. (С.

Jung. Four Archetypes. Princeton. Princeton University Press. 2011. 192 p.) Этот и подобные архетипы принято с некоторой долей условности объяснять их «генетическим», то есть, биологически обусловленным присутствием в человеческой культуре.

Другими архетипами, которые принято относить к генетическим, являются «герой» и «антигерой», «чудовище» и «красавица», «страдающий» и «мучитель», «злодей» и «освободитель». Названные архетипы с удивительной повторяемостью встречаются в самых разных культурах. Это является основанием для все более уверенного утверждения, что их появление и существование обусловлено «коллективным бессознательным».

Этимологически слово «архетип» означает «первичный», то есть, начальный и основополагающий для людей образ, по подобию которого создается коллективная и индивидуальная образная символика. Архетипы наблюдаются в культуре не только в человеческих образах, отношениях и поступках, но и мифах, сказках, художественных, литературных и музыкальных произведениях, в коллективной версии событий глубокой старины, распространяемых слухах, коллективных страхах, общих для людей сновидениях, поведенческих установках, а также в других формах. Например, архетипом всех мифов можно считать «героя». Архетипом сказки обязательно становится «волшебство», которое обязательно присутствует в этом жанре. Архетипом многих художественных творений можно назвать «счастье». В литературных и, особенно, поэтических произведениях неизменным архетипом становится «любовь». В музыке часто встречающимся архетипом является «борьба добра со злом». В событиях глубокой старины расхожими бывают архетипы «войн», «подвигов» и «бедствий». Распространяемые слухи в ряде случаев содержат архетип «заговора». Коллективные страхи строятся на архетипе «опасности», «голода», «катастроф». Поведенческие установки во многих культурах содержат «месть». Психологическая антропология не ограничивает количество архетипов в человеческой культуре.

В соответствии с теорией архетипов, никакой человеческий образ не может возникнуть в сознании, если для этого образа нет архетипа – *первопричины образа*. Если эта теория верна, то в человеческом бессознательном пространстве архетипы первичны в возникновении образа. Образ вне архетипа – это все равно, что фигуры вне шахматной доски. Такая фигура перестает быть частью системы и выбывает из игры символических образов, называемых «культурой». Человеческое сообщество в своей бессознательной сфере наследует архетипы идей, воспринимая и представляя окружающий мир сквозь этот заданный культурой код. Еще Платон называл первичные идеи «истинными», а рассуждения человека о реальном мире – ложными. (Molnar. P. 10).

Условно говоря, если человек в непрозрачных черных очках представляет себе окружающий его мир в «квадратах», то это вовсе не означает, что окружающий мир состоит из квадратов. Причина квадратного видения мира в том, что в непрозрачных черных очках, закрывающих человеку мир, есть «квадратные окна». Обыгрывая эту метафору можно продолжить, что создание нового для человечества архетипа восприятия окружающего мира – это удел гениев. Примером служит до сих пор до конца непознанный архетип «относительного времени», предложенный Эйнштейном. До сих пор время представлялось человека либо как равномерное движение, либо как застывшее мгновение.

Итак, *архетипы – это универсальные психические структуры в бессознательном пространстве человеческого сообщества, реализуемые в образах и представлениях, действиях и поведении, сновидениях и мечтах*. Архетипы характерны как для культуры человеческой цивилизации в целом, так и для отдельных социумов, где они отличаются культурным своеобразием. Покажем некоторые группы архетипов схематически:

Архетипы представляют собой существующие в бессознательном пространстве человеческого общества «окна в мир» особой конфигурации, определяющие содержание и формы человеческих идей о мире, в котором живут. Это – воображаемые формы реальности, изначально данные человеку в представлениях о том, как устроен мир на земле и как живет Вселенная. Интересно, что архетипы первобытного человека ничем не отличаются от современного члена цивилизованного человеческого общества, например, во все времена существовали архетипы «вечности» и «конечности» существования. Это подтверждается их сохранившимися символами в виде отрезка линии, символизирующего предельность бытия, а также круга, пирамиды, треугольника и прямоугольника, как символов вечности (Molnar, Th. *Archetypes of Thought*. New Jersey. Transaction Publishers. 1996. 154 p.)

В человеческой культуре всегда существовали архетипы «движения» и «покоя», «начала» и «конца», «успеха» и «неудачи», «победы» и «поражения», «любви» и «ненависти» и др.

Прототипы изначально всегда были амбивалентны, то есть, соединяли в себе противоположные свойства и этим объясняется то, что мир дается человеку в единстве и борьбе противоположностей. Известно изречение древнего китайского мудреца Лао-Цу (в некоторых редакциях Лао-Ци), предположительно жившего в 6-м веке до нашей эры, который утверждал, что люди видят красоту, если видят уродство, знают добро, если знают зло, чувствуют возвышенное, если чувствуют низменное. Лао-Цу подчеркивал что все «темное», то есть, Йин, существует в единстве со «светлым», то есть, Ян. По мнению мудреца, настоящая мудрость состоит в том, чтобы уметь различать Йин и Ян, предпочитая «темный Йин» и отвергая «светлый Ян». В соответствии с традициями древней китайской культуры, «светлые» и «темные» архетипы распределяются так:

<i>Темный «Йин» (предпочитаемый)</i>	<i>Светлый «Ян» (отвергаемый)</i>
<i>Постоянство</i>	<i>Изменение</i>
<i>Равнодушие</i>	<i>Искушение</i>
<i>Уступчивость</i>	<i>Сопrotивление</i>
<i>Гибкость</i>	<i>Твердость</i>
<i>Незнание</i>	<i>Знание</i>
<i>Маленькое</i>	<i>Большое</i>
<i>После</i>	<i>До</i>

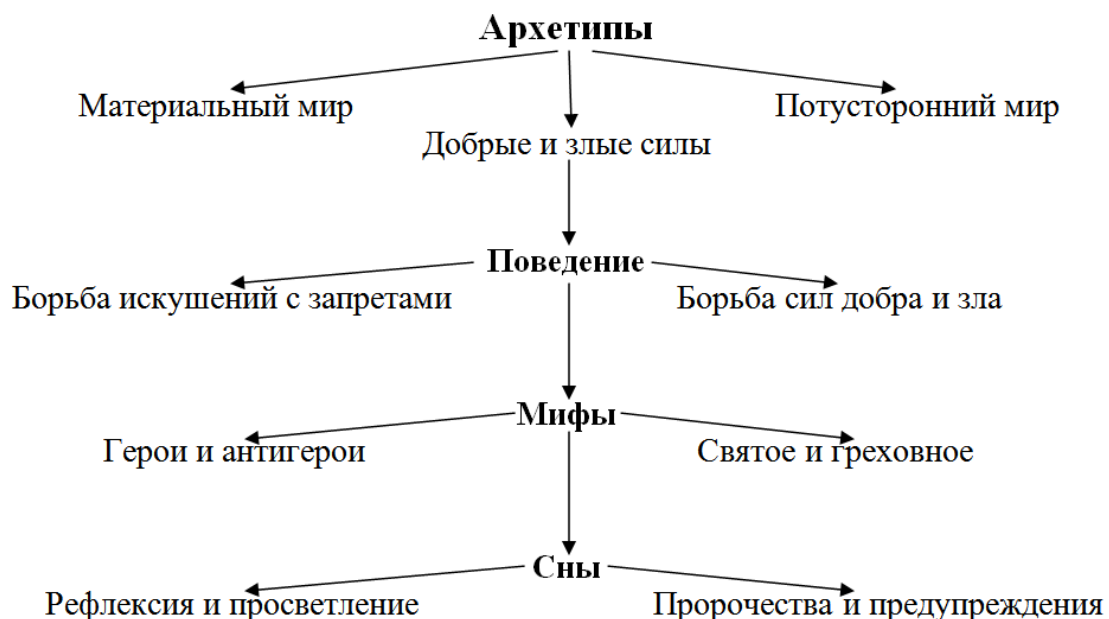
В соответствии с предпочитаемыми архетипами, китайская культура с одобрением смотрит на мир, в котором

- господствует постоянство и стабильность,
- демонстрируется равнодушие к искушениям,
- проявляется гибкость в зависимости от обстоятельств,
- демонстрируется уступчивость с расчетом на конечную победу,
- используется незнание для сохранения внутренней гармонии,
- ценится маленькое за его реальность и доступность,
- на жизненные коллизии смотрят, как на минувшие дела, то есть, «после».

В этой связи, архетип «мудрого человека» в китайской культуре содержит гармонию неба и земли, где небо олицетворяет вечность, а земная жизнь – миг вечности. Западная культура усматривает мудрость сквозь призму

иного архетипа. Мудрый поступок в западной ментальности содержит проявление лидерства, демонстрирует достижения и сопровождается победой над соперниками. (Soccio, D. Archetypes of Wisdom. Wadsworth. Cengage Learning. 2010. 640 p.) Мудрость предполагает умение принимать быстрые решения, прогнозировать развитие событий, управлять рисками. Различия азиатского (китайского) и западного архетипа мудрости культурно обусловлены. Если на востоке мудрость предполагает устранение мудреца от суеты бытия и незнание коллизий, сотрясающих мир, то мудрость в западном понимании есть, наоборот, способность активно вмешиваться в ход истории в ее больших и малых событиях. Мудрость востока нередко проникает в западную ментальность в виде афоризмов, типа известной фразы Томаса Грея «Where ignorance is bliss, 'tis folly to be wise» в переводе автора этой книги «Когда неведение – блаженство, к чему нам знаний совершенство».

Архетипы коллективного бессознательного можно условно поделить на архетипы материального мира и архетипы потустороннего мира («тот свет»). Причем как архетипы материального мира, так и архетипы «того света» обязательно включают «добро» и «зло». Свое символическое выражение архетипы находят в человеческом поведении, бытующих мифах и интерпретируемых снах. Покажем это схематически:

Схватки добрых и злых начал символически выражаются в поступках человека и его врагов, а также могущественных персонажей иного мира, в действиях мифических героев и их достойных соперников, в переработке полученных впечатлений во время сна и в интерпретации сновидений в виде пророчеств и предупреждений от высших сил.

Рассмотрим более подробно символику архетипов в **поведении** человека.

Поступки в поведении человека – это наблюдаемые на поверхности символы глубинных архетипов, которые бессознательно направляют человеческие действия. Сквозь архетипы, как сквозь окна, мы ведем и видим себя, наблюдаем и оцениваем других, приближаем к себе и отдаляем от себя отдельных индивидов и целые культуры. Поведенческие архетипы – это репертуар нашего внешнего и внутреннего «Я».

Характерные примеры поведенческих архетипов можно найти в Библии, где описываются *бескорыстие и алчность, доверчивость и хитрость, честность и обманы, заговоры и покушения, грехопадение и спасение, наказание и прощение, победы и поражения, любовь и ненависть, преданность и измены, союзничество и соперничество*. Аналогичные жизненные истории, раскрывающие архетипы человеческого поведения, мы находим в Коране и других учениях.

Весьма интересно сопоставление архетипов поведения в разных культурах на примере архетипа «женщины-злодейки» в художественной литературе. В этой связи представляет интерес образ «Леди Макбет» в трагедии У.Шекспира «Макбет» и образ «Екатерины Львовны» в повести Н.С.Лескова «Леди Макбет Мценского уезда». Шотландская женщина-злодейка, Макбет, организует убийство короля для того, чтобы освободить дорогу своему мужу к высшей власти. Русская женщина-злодейка Екатерина Львовна убивает с любовником своего мужа для того, чтобы освободить путь к удовлетворению собственной страсти. Прагматика убийства в шотландской версии, воссозданная У. Шекспиром, носит черты маскулинности с типичным холодным расчетом, жесткостью решений и непреклонностью в осуществлении задуманных планов.

Убийство, описанное Н.С. Лесковым, позволяет проанализировать черты русской феминности, где доминирует романтизм и мечта, чувственность и аффект, жертвенность и отчаяние. Поступок служит важнейшим культурным символом, выражающим глубинные архетипы «человека-прагматика» и «человека-романтика», бессознательно проявляющиеся в человеческом поведении, в зависимости от носимой человеком культуры.

Бессознательное человеческое поведение находит свое символическое выражение в языке жестов и телодвижений. Эти неязыковые средства коммуникации могут совпадать в разных культурах, но могут и отличаться. Например, поднятый вверх большой палец обычно символизирует положительное отношение к человеку или предмету разговора. Однако жест «щепотки» означает в российской культуре «маленькое количество», а в культуре Ближнего Востока интерпретируется как обращение с просьбой типа «Минуточку!». Бреющее движение ладонью по шее не встречается в России, а в Испании означает «брадобрей» или отчаянный водитель, который готов «сбрить» все на своем пути.

Жест приветствия деловых людей в форме рукопожатия привычен для представителей западной культуры. В культуре латиноамериканцев приветствие в деловой встрече сопровождается объятиями. Корейское рукопожатие происходит на значительном расстоянии участников друг от друга. Японское приветствие – это полупоклон с ладонями, прижатыми к коленям.

Важным символом в межличностном общении является «ладонь», которая по-разному используется в различных культурах. Жест ладонью вниз предполагает утверждение власти и авторитета у многих народов, однако направленный на человека указательный палец может означать в азиатских культурах агрессию.

Жесты могут обнаруживать подсознательно скрываемую ложь. К таким жестам относятся ладони за спиной, прикосновение к кончику собственного

носа, желание тереть глаза и смотреть на пол. Этот символический язык наблюдается в разных культурах.

Интересно, что в разных культурах прикосновение к своему уху нередко символизирует подсознательное и нетерпеливое желание человека наконец получить возможность высказать свое мнение. Почесывание своей шеи декодируется в ряде культур, как подсознательно выражаемое сомнение в правильности позиции оппонента.

Особое внимание исследователей привлекает символическое выражение неосознаваемых эмоций. Их изучение показывает, что выражение таких эмоциональных состояний, как счастье, грусть, удивление, страх, злость, отчаяние, можно считать инвариантными. Они повторяются от культуры к культуре. Вместе с тем, форма, частотность и степень выражения этих эмоций меняется, в зависимости от культурных традиций. Например, улыбка на лице азиатских участников важных переговоров может символизировать скрываемое из вежливости недовольство. Аналогично, их хмурый взгляд нередко правильно интерпретируется, как «все в порядке». (Kumar, V. *A little Book of Body Language*. Delhi. Sterling Publishing. 2003. 96 p.)

Взаимодействие материального и потустороннего мира в архетипах поведения человека символически выражается в форме суеверий. Суеверные представления с древних времен символизируют попытки человека повлиять на события в окружающем материальном мире, обращаясь к потусторонним силам и совершая ритуальные действия. Для ориентировки в ситуации используются природные предзнаменования, народные приметы, пророчества шаманов и др. При этом главной особенностью человеческих суеверий, в отличие от религий, является не стремление установить связь с божественным миром, а намерение избежать влияния нечистых и вредоносных сил. Благоговение перед божественным началом и страх перед темным злом символически выражаются с помощью суеверий. (Parish, H., Naphy, W. *Religion and Superstition in Reformation Europe*. Manchester. University of Manchester Press. 2002. 239 p.).

Отношения между суевериями и религией всегда были непростыми. В самом начале развития религиозных представлений древних людей, суеверия и религиозные взгляды вероятно соединялись. В ходе эволюции эти воззрения на мир разделились, но между ними продолжалось соперничество в способах воздействия на окружающий мир, чтобы сделать его менее опасным и более послушным человеку. В эпоху реформизма 16 века в Европе, например, Протестантская церковь выступала против таких суеверий, как черная магия. В это же время протестанты заявили о своем несогласии с культом Девы Марии, который сложился в Католической церкви, причисляя его к суевериям. До сих пор неоднозначное отношение выражается внутри православной христианской церкви к «изгнанию бесов» особыми молитвами. Одни и те же символы получают свою разную культурную интерпретацию.

Символическое выражение подсознательного архетипа «страха» и желания избежать «плохого» наблюдается в разных культурах, и эти поведенческие символы имеют свои характерные особенности в виде отношения к народным приметам и предзнаменованиям.

Известными российскими приметами, которые символизируют скрытые в коллективном бессознательном страхи перед «плохим», являются: страх перед пустым ведром (ждет неудача), запрет на вынос мусора из дома с наступлением темноты (в доме не будет денег), страх перед дарением ножа (будет ссора), страх перед повторным возвращением домой (не будет пути) и др. Желанием избежать опасностей в путешествии объясняется обычай «посидеть перед дальней дорожкой».

В индуистской культуре существуют иные символические выражения архетипа «страха» в народных обычаях. Перед тем, как разрешить детям бракосочетание, родители обращаются к астрологам. Завывающую по ночам собаку прогоняют, так как собачий вой предупреждает о беде. Нельзя давать или принимать вещи левой рукой, так как вещь нельзя будет пользоваться. Существует запрет на подметание пола в ночное время, так как из дома уйдет

удача. Не рекомендуется спрашивать человека «Куда идешь?», так как это помешает осуществить планы.

Африканские народные традиции запрещают родителям стричь волосы детей до достижения ими одного года. Это предохраняет ребенка от «плохой судьбы» в будущем. Аналогичные запреты существуют и у других народов. Такое предположение подтверждается существованием в разных культурах приметы о том, что если чешется ладонь – это к деньгам. Еще более универсальной является боязнь разбить зеркало. Разбитое зеркало символизирует архетип страха перед бедой.

Вместе с тем, одни и те же явления по-разному интерпретируются культурами. В российской народной традиции, спускающийся сверху паук предсказывает, что вскоре человек получит письмо. Убить паука по некоторым российским поверьям обеспечивает прощение сорока грехов. В Японии увидеть утром паука – к удаче. В Англии паук считался ядовитым и встречи с ним избегали, а в библейских рассказах пауку приписывали спасительную миссию в опасных ситуациях.

Проведенный анализ позволяет утверждать, что в поведении человека проявляется коллективное бессознательное, архетипы которого символически выражаются в разных культурах. При этом наблюдается как универсальность культур, так и их различия.

Коллективное бессознательное получает свое символическое выражение в **мифах**, где главными архетипами являются великие свершения, эпохальные события и выдающиеся герои. Другими, типичными для мифов архетипами, можно считать таинственные превращения, запретные территории, пророческие идеи, добрые и злые силы, природные аномалии, красоту и мудрость, битвы и состязания, зло и справедливое возмездие. (Garry. J., H. El-Shamy. Eds. *Archetypes and Motifs in Folklore and Literature*. N.Y. M.E.Sharpe. 2005. 515 p.) Мифические архетипы объясняются тем, что *миф – это повествовательная концептуализация устройства мира с его противоборствующими силами, героями, подвигами, победами и поражениями.*

Одним из самых типичных архетипов в мифах разных культур является «сотворение мира», где общим началом служит создание окружающего порядка вещей из первичной материи в состоянии хаоса, проявление высших сил в проектировании жизни, испытание человека на его верность духовным заветам.

Несмотря на общие мифологические черты в архетипе сотворения мира, между культурами наблюдаются некоторые, иногда существенные различия.

В христианской традиции, берущей начало от иудаистских воззрений, сотворение мира имеет свое причинное начало в лице Всевышнего, который из хаоса создал мир в течение шести дней, включая землю и небо, воду и сушу, небесные светила, зверей и птиц, а также человека. Исламская религия во многом совпадает с иудаистской и христианской в описании сотворения мира, хотя в Коране есть своя детализация этого события.

Другие культуры еще более отличаются от основных мировых религий. В древнегреческой мифологии, например, вообще отсутствовала теория сотворения мира единым Творцом. Так, из хаоса возникли ночь и бездна, а затем появилась Гея – Богиня Земли, от которой во время сна родился Уран – Отец Неба и т.д. В греческой мифологии существуют различные варианты сотворения мира и различия касаются участников, распределения ролей и периодичности основных событий. (Leeming, D. *Creation Myths of the World*. Santa Barbara. ABC-CLIO. 2010. 553 p.)

В соответствии с мифами древнего Египта, мир был сотворен восьмью богами из пламени, дождя, темноты и водяной бездны, которые находились в состоянии неподвижного покоя. (Spence, L. *Myths and Legends of Ancient Egypt*. Oxford. Oxford University Press. 2008. 456 p.) Архетип хаоса, таким образом, отсутствует в представлениях древних египтян.

В китайской мифологии о сотворении мира отсутствует архетип «Творца», который занимает центральное место в иудаистских и христианских воззрениях. (Birrell, A. *Chinese Mythology. An Introduction*. Baltimore. The John Hopkins University Press. 1993. 344 p.) В соответствии с китайской мифологией, начало мира совпало с «утром вечности», когда не было ни песка, ни моря, ни

земли, ни небес, ни зелени, а только бездонная бездна. Великая сила Йин-Йан создала землю и небо из пара. Богиня Ну Куа создала первых людей. В китайской мифологии, как и в древнегреческих мифах, нет архетипа первого человека.

В мифах северных народов сотворение мира включает архетип темноты, бездонной хаотической бездны посреди космоса, как первичного начала всего порядка вещей, заданного Свирепым Гигантом. Подобные архетипы объясняются суровыми условиями жизни людей на далеком севере, породившими архетипы опасности и страдания. В этих обстоятельствах не могли возникнуть идиллические мифы, характерные для избалованных теплом жителей южных частей света. (Guetber. H. Myths of Northern Lands. N.Y. American Books Company. 2003. 368 p.)

Древние мифы американских индейцев добавляют к этой картине два периода сотворения мира: период всеобщей гармонии и любви, которые позже сменился периодом агрессии и взаимной ненависти. Основными идеями, отличающими мифы исконных американцев о сотворении мира можно считать следующие: *до существующего порядка вещей существовал другой порядок вещей, мир другого порядка вещей населяли другие люди, количество людей в предшествующем порядке вещей превышало количество звезд на небе.* (Gurtin, J. Creation Myth of Primitive America. N.Y. Forgotten Books. 1969. 530 p.)

Наиболее загадочными остаются для науки мифы древних кельтов о сотворении мира, бытующие до сих пор в Ирландии. Возникшие примерно 500 лет до нашей эры, эти мифы пропускают картину сотворения мира в космическом масштабе, не описывают предшествующий порядку хаос и не упоминают сотворившие мир силы. В древних ирландских сказаниях сотворение мира подменяется началом истории Ирландии, описывая королей, войны, победы и наиболее значимые исторические эпизоды. Друиды, особая каста священнослужителей, ученых и учителей у древних кельтов, верили в божественное происхождение своего народа от Бога Темноты, однако их понимание сотворения мира передавалось только избранным исключительно в

устной форме и содержание тайных знаний сегодня утеряно. Известно, что центральное место в воззрениях кельтов занимал архетип «борьбы со злом». (Rolleston, T. Celtic Myths and Legends. N.Y. Dover Publications. 1990. 456 p.)

Столь же разнообразны культурные версии «всемирного потопа». При всей универсальности этого архетипа, его символическая реализация в разных культурах частично отличается друг от друга. Всемирный потоп является почти во всех культурах символом наказания людей за грехи с последующим совместным спасением человека и животных, что делает возможным воссоздание новой цивилизации на земле. Вместе с тем, в азиатских мифах потоп случается в условиях всеобщей засухи. В австралийских мифах потоп был вызван Змеем Радугой. В соответствии с мифами островов Тихого океана потоп был вызван черной магией. Причиной всемирного потопа по мифическим сюжетам Северной Америки был высокий морской прилив. По версии мифов Южной Америки всемирный потоп случился после того, как люди срубили дерево плодородия, и вода из его ствола заполнила всю землю. Таким образом, в основе архетипа всемирного потопа лежит коллективный бессознательный образ глобальной катастрофы, после которой спасшиеся люди и животные начинают свою новую жизнь. (Lewis, M. The Flood Myths of Early China. N.Y. State University of New York. 1954. 253 p.)

Помимо мифов, коллективное бессознательное получает свое символическое выражение в сказке, которая генетически продолжает миф, как повествовательный жанр. Персонажи сказки представляют собой богатую палитру человеческих персонажей, существующих в разных культурах: *завистливых и ревнивых, злых и коварных, жадных и пресытившихся, мудрых и добрых, беспомощных и униженных, глупых и находчивых, самоотверженных и отважных, бедных и богатых*. В сказках разных народов действуют родные и неродные родители, добро побеждает зло, волшебство помогает преодолевать препятствия, герои сказок используют магические предметы. В связи с общими народными поверьями, в японских сказках происходит перерождение душ, в русских сказках по языческим традициям оживает природа, в сказках северных

народов действуют злые духи холода, героями английских сказок нередко бывают добрые гиганты, а в немецких сказках фигурируют злые карлики. В сказках разных народов герои совершают мудрые поступки, как, например, в африканских сказках. В индийских сказках наказывается жадность и глупость. Нетрудно заметить, что в сказках народов, принадлежащих к разным культурам, символически реализуются похожие архетипы коллективного бессознательного.

Коллективное бессознательное символически выражается в **сновидениях**.

Ночные сновидения рассматриваются современной наукой, как символы человеческого бессознательного, имеющие как общие, так и присущие определенным культурам особенности. Сны представляют собой *бессознательные и неконтролируемые волей спящего человека последовательности действий, образов, идей, чувств и ощущений, воспринимаемые им как осмысленные во время сна*.

Все сновидения группируются, как

- ретроспективные сны, то есть, отражающие прошедшие события,
- интегрирующие сны, то есть, соединяющие в едином образе актуальный опыт,
- перспективные сны, то есть, представляющие собой картину ближайшего или отдаленного будущего.

Подчеркнем, что попытки заглянуть в будущее характерны для человеческих амбиций и сновидения отражают такие попытки. При всем сомнении в возможности предсказывать будущее человека по его снам следует отметить, что сон представляет собой осознаваемых и неосознаваемых желаний человека, в синтезе которых может содержаться полезная для интерпретации информация.

Картины снов называются в некоторых исследованиях «образами Роршаха». (Parman, S. Dream and Culture. N.Y. GreenWord Publishing Group. 1991. 132 p.) Г.Роршах, швейцарский психолог и психотерапевт разработал проективный тест под названием «Чернильные пятна Роршаха». Интерпретация

причудливых изображений чернильных пятен давала психологам обширный материал об особенностях личности испытуемого. Параллель с ночными сновидениями очевидна. Зрительные, звуковые, образные и поведенческие ассоциации сновидений наполнены богатым символическим содержанием, уходящим своими корнями в подсознательную жизнь человека.

В различных культурах наблюдается разное отношение к снам.

У примитивных народов древних времен сны ассоциировались с окружающими человека духами. Духи могли быть не только добрыми, но и злыми. Так, эскимосы по традиции связывали содержание снов с происками злых духов. Так же как и эскимосы, американские индейцы, по их поверьям, связывали видения спящего человека с миром духов. Сегодня на Гаити, как и в древние времена, в снах люди ищут ответы на свои вопросы и рецепты-рекомендации о том, как лучше поступить. В Новой Гвинее в соответствии с древними культурными традициями, сон считается такой же реальностью, как и события, происходящие во время бодрствования. Поэтому любые эротические сны считаются проявлением супружеской неверности.

В древней Греции, в 6-8 в.в. до нашей эры, сны рассматривались, как послания богов. Вспоминая и интерпретируя сновидение, древние греки принимали политические и иные решения по воле богов: «Боги сказали!». Такое отношение к снам было характерно для многих библейских сюжетов.

В средневековье (14-16 в.в.) к снам было негативное отношение, так как считалось, что сны – это «игры дьявола».

В период Возрождения (16-17 в.в.) в снах видели мир фантазий, стремлений и романтических мечтаний.

В эпоху Просвещения (17-18 в.в.) из снов черпали вдохновение для духовного роста и возвышения личности.

В промышленную эпоху (19-29 в.в.) сны приобрели утилитарный смысл. С их помощью пытались понять психологию человека, лечить душевные заболевания, а также предсказывать будущее. По мнению З.Фрейда, в снах можно было обнаружить причины невротических расстройств, которые он

объяснял социальными запретами на удовлетворение многих желаний глубинного подсознания, включая эротические фантазии. Не случайно большинство ночных сновидений интерпретировались фрейдистской школой как сексуальные символы.

В эпоху информационных технологий получает распространение «компьютерная метафора» сновидений, в соответствии с которой они сравниваются с «дефрагментацией жесткого диска человеческого сознания», то есть, с переработкой и систематизацией информации во время ночного отдыха, когда мозг продолжает напряженно работать.

В любом случае, электрическая активность мозга во время сна интерпретируется человеческим сознанием и принимает форму осмысленных образов. Такие образы в ряде случаев наблюдаются во всех культурах. Например, все люди на земном шаре видят сны, в которых они испытывают ощущение полета или падения в пропасть, ощущения опасности и невозможности сдвинуться с места, чувства нехватки воздуха, погони за чем-то уходящим или уезжающим. Многие спящие во сне видят что-то неявное, но прекрасное, переживают чувство восторга и проч.

Интересно, что конкретная культура накладывает свой отпечаток на то, что видят спящие люди в своих снах, точнее, на интерпретацию мозговой активности. Так, в культурах, где внимание обращается на болезни, сны чаще всего ассоциируются с попытками предвидеть заболевания. В шаманских культурах сны рассматриваются как диалог с духами или душами предков. В воюющих культурах сны всегда связывались с войнами, победами и поражениями, а тема «болезней» оставалась в стороне. В потребительских культурах сны нередко воспринимаются, как информация «к деньгам», возможным удачам и проигрышам, а так же как предвестники «пустых хлопот».

Осознаваемая реальность в разных культурах бывает разной и это отражается в ночных сновидениях. Так, если в той или иной культуре бытует поверье, что «обрушивающийся дом», «рухнувшая крыша или потолок», «вылетающие из оконных переплетов стекла» предвещают тяжелые для

человека события, то такие сны у населения встречаются чаще и регулярно обсуждаются. В период сексуальной революции 60-х годов на западе, когда «запретная тема» стала свободно обсуждаться, модным среди молодежи стало учение З. Фрейда, вошла в жизнь практика гражданских браков, средства массовой информации стали открыто дискутировать о средствах планирования семьи, увеличилось количество снов эротического содержания. Осознаваемая реальность проникла в подсознание и получила свое выражение в форме символических сновидений. Все это было следствием культурных преобразований в обществе.

Интересно, что пессимистические культуры, склонные к сомнениям, нередко интерпретируют сны как предвестники беды. Оптимистические культуры, отличающиеся большей решительностью, относятся к снам прагматически, пытаясь извлечь из них максимум пользы, получая заряд уверенности. Например, увидеть «сырое мясо» в пессимистических культурах считается предвестником болезни. Прагматическая американская культура, известная своим оптимизмом, интерпретирует мясо во сне как напоминание о том, что «пора в супермаркет». Аналогично, увидеть во сне «выпавшие зубы» в пессимистически настроенных культурах означает приближающееся заболевание или другие неприятные события. Оптимистически ориентированные культуры считают «выпавшие зубы» признаком неуверенности в себе и принимают решение быть более решительными. Заметим, что пессимизм характерен в целом для «фемининных» культур, в то время как оптимизм и решительность характерны для «маскулинных» культур. (Shulman, D. Stroumsa, G. *Dream Cultures*. Oxford. Oxford University Press. 1999. 325 p.)

Таким образом, символическое выражение коллективного бессознательного имеет как свои универсальные, так и специфические культурные особенности, обнаруживаемые как в человеческом обществе в целом, так и в отдельных культурных сообществах.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Культура в человеческом обществе, как способ коллективного бытия, имеет свое символическое выражение. Понимание культуры невозможно без декодирования ее символов. Через культурные символы можно понять структуру культурного знания, более системно представить культурную среду, проследить за процессами культурного самоопределения человека в поликультурном мире.

Особый интерес представляет язык, как символ культуры. Языковые знаки несут в себе важную культурную информацию. На языковом материале можно исследовать процесс взаимодействия культур, а усвоенный язык хорошо иллюстрирует межкультурную компетенцию его носителей.

Большее значение для теории культуры и практики межкультурного взаимодействия имеет изучение символов деловой и педагогической культуры, а также религии, искусства и коллективного бессознательного народов, несущих в себе свой культурный опыт. Архетипы коллективного бессознательного, обнаруживаемые в таких культурных продуктах, как мифы и сказки, а также в сновидениях, можно считать символическими ключами к культурному королевству населяющих его жителей.

Перспективность исследования культурной символики видится автору монографии в том, чтобы более полно и целенаправленно декодировать символический язык бытового знания, науки и мировоззрения в различных культурах.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Арутюнов С. А., Рыжакова С. И. Культурная антропология. М.: Весь мир, 2004.
- Белик А.А. Антропологические теории культур. – М.: Рос. гос. гуманитарный университет, 1988. – 241с.
- Буланин Д. Энциклопедия «Слова о полку Игореве». Санкт-Петербург. Институт русской литературы. 1995. 398 с.
- Васильев. М.И Введение в культурную антропологию. Великий Новгород: НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2002.
- Григорьев Б.В., Чумакова В.И. Межкультурные коммуникации. СПб.: Петрополис, 2008. 404 с.
- Гудков Д.Б. Межкультурная коммуникация: проблемы обучения: лекционный курс. М.: Изд-во МГУ, 2000. 120 с.
- Гуревич П. С. Культурология .М.: Проект, 2003.
- Зинченко В.Г., Зусман В.Г., Кирнозе З.И. Межкультурная коммуникация. От системного подхода к синергетической парадигме: учеб. пособие. М.: Флинта; Наука, 2007. 224 с.
- Ковалева О.В. Культурология в вопросах и ответах.: уч. пособ. М.: КноРус, 2006.
- Кравченко А.И. Культурология: учебник. М.: ТК Велби: Проспект, 2008
- Круглова Л.К. Основы культурологии: Учебник. – С-Пб: СПГУВХ, 1994.- 342с.
- Культурная антропология . Уч.пос. под ред. проф. Ю.Н. Емельянова, доц., Н.Г. Скворцова. СПб, 1996.
- Культурология : учебник под ред. Багдасарьян Н.Г.3-е изд., испр. и доп. – М.: Высшая школа, 2001.
- Культурология под.ред. Драча Г.В. М.: Альфа –М, 2003.
- Культурология. Доброхотов А. Л., Калинин А.Т.,М.: ИД «Форум»; Инфра-М, 2010.
- Культурология: учеб. пособие / сост. и отв. ред. А. А. Радугин. М.: Библионика, 2005.
- Культурология: Учебник для студ. техн. вузов (Под ред. Н.Г. Багдасарьян). - М.:Высш. школа, 1999.
- Лелеко В. Д. Пространство повседневности в европейской культуре. СПб., 2002

Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре. СПб. 1994

Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров: Человек — Текст — Семиосфера — История. М., 1996. 447 с.

Лурье С. В. Психологическая антропология: история, современное состояние, перспективы: учеб. пособие. 2-е изд. М.: Академический проект: Альма матер, 2005.

Льюис Р.Д. Деловые культуры в международном бизнесе. М., Дело. 2001. 467 с.

Максинева Д.В. Основы антропологии: уч. пособие. – Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г. Р. Державина, 1997. – 166с.

Марков Б.В. Культура повседневности: Учебное пособие. – С-Пб: Питер, 2008. – 352с.

Орлова Э.А. Культурная (социальная) антропология: уч. пособ. М.: Академический проект, 2004.

Основы межкультурной коммуникации: практикум / под ред. Л.Г. Викуловой. М.: АСТ; АСТ Москва; Восток - Запад, 2008. 288 с.

Персикова Т.Н. Межкультурная коммуникация и корпоративная культура: учеб. пособие. М.: Логос, 2007. 224 с.

Петриковская А.С. Культура Австралии XIX-XX вв. М.: Восточная литература, 2007. 253 с.

Пивонова Н.Е. Кросскультурные коммуникации: учеб. пособие. СПб.: Знание, 2008. 66 с.

Платонов Ю. П. Психология национального характера: учеб. пособие. М.: Академия, 2007.

Потебня А.А. Из записок по русской грамматике. М., Академия наук СССР. 1941.

Романов В.Н. История развития культуры. Проблемы типологии. – М.: Наука, 1991. – 190 с.

Романов Ю. И. Культурология. СПб.: Питер, 2006.

Рот Ю., Коптельцева Г. Встречи на грани культур: игры и упражнения для межкультурного обучения. Калуга: Полиграф-Информ, 2001.

Садохин А.П. Введение в теорию межкультурной коммуникации. М.: Высшая школа, 2005. 310 с.

Самосознание европейской культуры XX века. – М.: Политиздат, 1991. – 365 с.

Словарь по межкультурной коммуникация: понятия и персоналии /
Зинченко В.Г., Зусман В.Г., Кирнозе З.И., Рябов Г.П. М.: Флинта; Наука, 2010. 136 с.

Соловьев В.С. Русская идея. В кн. Спор о справедливости // Сочинения в 2-х томах. М., Мысль. 1989. т.2. 509 с.

Соловьев В.С. Символистская критика. Импрессионизм мысли. М. Директ-Медиа. 2010. 137 с.

Солонин Ю.Н. , Каган М.С. Культурология: учебник. М.: Высшее образование, 2008.

Тер-Минасова С. Г. Война и мир языков и культур: вопросы теории и практики межъязыковой и межкультурной коммуникации: учеб. пособие. М.: АСТ; Астрель; Хранитель, 2007. 341 с.

Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. М. Слово. 2000. 261 с.

Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация: учеб. пособие. М.: Слово, 2000. 264 с.

Элиас Н. О процессе цивилизации. Т.1,2. М., 2001. 240 с.

Юдлинник Ю.И., М.Д.Кузнец. Учебник английского языка для 3-го класса начальной школы. М., Учпедгиз. 1953 года. 180 с.

Aikhenvald, A., R. Dixon. Studies in Evidentiality. Amsterdam. John Benjamins Publishing Company. 2003.

Birrell, A. Chinese Mythology. An Introduction. Baltimore. The John Hopkins University Press. 1993. 344 p.

Brown J., J. Brown. China, Japan, Korea. Culture and Customs. North Charleston. Book Surge. 2006. 191 p.

Brown, H. Teaching by Principles. L. Longman. 2007.

Brown, L. Korean Honorifics and Politeness in Second Language Learning. Amsterdam. John Benjamins Publishing Company. 2011.

Brumfit, C. Individual Freedom in Language Teaching. Oxford. Oxford University Press. 2001.

Buck, Ch. Paradise and Paradigm. Albany. State University of New York Press. 1999. 402 p.

Burckhardt, N. Foundations of Oriental Art and Symbolism. Bloomington. World Wisdom. 2009. 133 p.

Byon, A., et al. Korean Language in Culture and Society. Hawaii. University of Hawaii Press. 2006.

- Byram M., P. Grundy. *Context and Culture in Language Teaching and Learning*. Clevedon. Multilingual Matters Ltd. 2003.
- Byram, M., A. Nichols, D. Stevens. *Developing Intercultural Competence in Practice*. Clevedon. Multilingual Matters Ltd. 2001.
- Carr, D., Ch. Chan-Fal (Editors). *Space, Time, and Culture*. The Neatherlands. Kluwer Academic Publishers. 2004.
- Cipriano, J. *Native Americans*. N.Y. Benchmark Education Company. 2003.
- Cohen, R. *English in Mongolia*. *World Englishes*. Vol. 24. No. 2. 2005. PP. 203-216.
- Collins, B. I. Mees. *The Sounds of English and Dutch*. Leiden. Leiden University Press. 1984.
- Crystal, D. *English as a Global Language*. Cambridge. Cambridge University Press. 2003.
- Daley, K. *Vietnamese Classifiers in Narrative Texts*. Texas. University of Texas. 1998.
- Diener, E. *International Differences in Well-Being*. Oxford. Oxford University Press. 2010. 350 p.
- Diewild, G., E. Smirnova (Eds). *Linguistic Realization of Evidentiality in European Languages*. N.Y. Walter de Gruyter. 2010.
- Dupre, W. *Religion in Primitive Cultures*. Budapest. Mouton Co. 1975. 366 p.
- Ellis, R. *Language Teaching Research and Development*. Oxford. Blackwell. 2012.
- Erez, M., P. Earley. *Culture. Self-Identity, and Work*. Oxford. Oxford University Press. 1993.
- Fishman, J. , A. Conrad, A. Rubat-Lopez. *Post-Imperial English*. Berlin. Mouton de Gruyter. 1996.
- Foucault, M. *Religion and Culture*. Cambridge. Cambridge University Press. 1999. 217 p.
- Garry, J., H. El-Shamy. Eds. *Archetypes and Motifs in Folklore and Literature*. N.Y. M.E. Sharpe. 2005. 515 p.
- Guetber. H. *Myths of Northern Lands*. N.Y. American Books Company. 2003. 368 p.
- Gurtin, J. *Creation Myth of Primitive America*. N.Y. Forgotten Books. 1969. 530 p.
- Hall, E., M. Hall. *Understanding Cultural Differences*. L., Intercultural Press. 1990. 196 p.
- Harmer, J. *How to Teach English*. Pearson. Longman. 2007
- Brinner. W., B. Harry, J. Hayes, *Judaism and Islam Boundaries, Communication and Interaction*. Boston. Brill. 2000. 438 p.

- Hatcher, E. Art and Culture. Westport. Bergin and Garvey. 1999. 327 p.
- Haviland, W., et al. Cultural Anthropology. Belmont. Wadsworth. 2008.
- Hofstede, G. Cultures Consequences. California. Sage Publications. 2001. 311 p.
- Hofstede, G. Masculinity and Femininity. London. Sage Publications. 1998
- Holliday, A. Appropriate Methodology in Social Context. Cambridge. Cambridge University Press. 1997
- Howatt, A., H. Widdowson. A History of English Language Teaching. Oxford. Oxford University Press. 2004.
- Hutchinson, T., A. Waters. English for Specific Purposes. Cambridge. Cambridge University Press. 2006.
- Inuit Language. Wikipedia Books. LLC. 2011.
- Jung, C., R. Hull. The Archetypes and the Collective Unconscious. Princeton. Princeton University Press. 1990. 451 p.
- Jung, C. Four Archetypes. Princeton. Princeton University Press. 2011. 192 p.
- Kaushik, S. Teaching English in Indian contexts: toward a pedagogic model. World Englishes. Vol. 30. No. 1. 2011. PP. 141-150.
- Khalil, I. Grounding in English and Arabic News Discourse. Amsterdam. John Benjamin. 2000.
- Klopping, L. Customs, Habits and Symbols of the Protestant Religion. Seminar paper. Copenhagen. Grin. 2012. 15 p.
- Kolesnikova, I. English or Russian. English language teacher training and education. World Englishes, Vol. 24, No. 4. 2005. PP. 471-476.
- Kovascses, Z. Metaphor in Culture. Cambridge. Cambridge University Press. 2005. 314 p.
- Kovecses, Z. Metaphor and Emotion. Cambridge. Cambridge University Press. 2000. 244 p.
- Kramsch, C. Context and Culture in Language Teaching. Oxford. Oxford University Press. 1993.
- Kubler-Ross. E. Death. The Final Stage of Growth. N.Y. Simon and Schuster Inc. 1986. 181 c.
- Kumar, V. A little Book of Body Language. Delhi. Sterling Publishing. 2003. 96 p.
- Ladefoged, P., S. Disner. Vowels and Consonants. West Sussex. Wiley-Blackwell. 2012.
- Lakoff, G., M. Johnson. Metaphors We Live By. Chicago. University of Chicago Press. 1996. P. 242.
- Larsen-Freeman, D. Techniques and Principles of Language Teaching. Oxford. Oxford University Press. 2000. 189p.

- Lee, I., R. Ramsey. *The Korean Language*. N.Y. State University of New York. 2000. 374 p.
- Leeming, D. *Creation Myths of the World*. Santa Barbara. ABC-CLIO. 2010. 553 p.
- Levine, G., A. Phipps. *Critical and Intercultural Theory and Language Pedagogy*. Boston. Language Learning. 2012. 288 p.
- Lewis, M. *The Flood Myths of Early China*. N.Y. State University of New York. 1954. 253 p.
- Littlewood, W. *Communicative Language Teaching*. Cambridge. Cambridge University Press. 2007. 108 p.
- McCoughey, K. The kasha syndrome: English language teaching in Russia. *World Englishes*, Vol. 24. No. 4, 2005. PP. 455-459.
- Miller, F. *The Japanese Language. Where have all the pronouns gone?* L., Ruthrek. 2001. 24 p.
- Miller, F., F. Agnes, V. McBrewser. *Japanese Honorifics*. L. Books Ltd. 2010.
- Millrood, R. Teaching heterogeneous classes. *ELT Journal* 56(2). 2002. PP. 128-136.
- Millrood, R. Unsuccessful learners: in search of a neglected cornerstone. *ELT Journal* 55(4). 2001. PP. 405-407.
- Millrood, R. The role of NLP in Teachers' Classroom Discourse. *ELT Journal*. 58/1 2004. PP. 28-37.
- Minkov, M., G. Hofstede. Is National Culture a Meaningful Concept? // *Cross-Cultural Research*. 46/2/ 2012. 133-159
- Mitchell, Ch. *International Business Culture*. Nokato. World Trade Press. 2000. 186 p.
- Molnar, Th. *Archetypes of Thought*. New Jersey. Transaction Publishers. 1996. 154 p.
- Mooij, M. *Consumer Behavior and Culture*. L. Sage Publications. 2011
- Muson, R., M. Rathert. *Tense Across Languages*. Berlin. Walter de Gruyter. 2011.
- Novinger, T. *Communicating with Brazilians. When "Yes" means "No"*. Texas. University of Texas. 2003.
- Novinger, T. *Intercultural Communication*. Texas, University of Texas. 2001.
- Parish, H., Naphy, W. *Religion and Superstition in Reformation Europe*. Manchester. University of Manchester Press. 2002. 239 p.
- Parkes, C., Loungani, P., B. Young. Eds. *Death and Bereavement across Cultures*. L., Routledge. 2003. 261 p.
- Parman, S. *Dream and Culture*. N.Y. GreenWord Publishing Group. 1991. 132 p.

- Patterson, A. A Field Guide to Rock Art Symbols of the Greater Southwest. Colorado. Johnson Books. 1992. 256 p.
- Perkins, R. Deixis, Grammar, and Culture. Amsterdam. John Benjamins Publishing Company. 1992. 245 p.
- Po-Ching, Y. Rimmington. Chinese. A Comprehensive Grammar. N.Y. Routledge. 2004. 418 p.
- Quindi, F. Visual Anthropology. Walnut Creek. AltaMira Press. 2004. 293 p.
- Revell, J. S. Norman. Handing over NLP-based Activities for Language Learning. Saffire-Press. London. 1999. 144 p.
- Richards, J., Th. Rodgers. Approaches and Methods in Language Teaching. Cambridge. Cambridge University Press. 2001. 270 p.
- Roberts, J. Chinese Mythology. A to Z. New York. Chelsea House. 2010. 172 p.
- Rolleston, T. Celtic Myths and Legends. N.Y. Dover Publications. 1990. 456 p.
- Sakui, K. Wearing two pairs of shoes: language teaching in Japan. *ELT Journal*. Vol. 58/2. 2004. PP. 155-163.
- Sapir. E. Culture, Language and Personality (ed. D. G. Mandelbaum). Berkeley, CA: University of California Press. 1958. 207 p.
- Seelye, H., A. Seelye-James. Culture Clash. Chicago. Business Books. 1996. 198 p.
- Senft, G. /Ed. Culture and Language Use. Sydney. John Benjamins Publishing Company. 2009. 280 p.
- Senker, C. Hinduism: Signs, Symbols, and Stories. N.Y. Rosen Publishing Group. 2010. 47 p.
- Senker, C. Islam: signs, Symbols, and Stories. N.Y. the Rosen Publishing Group. 2010. 32 p.
- Shore, B. Culture in Mind. Cognition, Culture and the Problem of Meaning. Oxford. Oxford University Press. 1996. 428 p.
- Shulman, D. Stroumsa, G. Dream Cultures. Oxford. Oxford University Press. 1999. 325 p.
- Sichyova, O. A note on Russian-English code switching. *World Englishes*, Vol. 24. No. 4. 2005. PP. 487-494.
- Smith, D., E. Baber. Teaching English with Information Technology. L., Modern English Publishing Ltd. 2005. 208p.
- Soccio, D. Archetypes of Wisdom. Wadsworth. Cengage Learning. 2010. 640 p.
- Spence, L. Myths and Legens of Ecient Egypt. Oxford. Oxford University Press. 2008. 456 p.
- Spolsky, B., F.Hutt. The Handbook of Educational Linguistics. West Sussex. Wiley-Blackwell. 2010. 704 p.

Sullivan, M. *The Art of Landscape Painting in China. Symbols of Eternity.* Stanford. Stanford University Press. 1979. 177 p.

Ter-Minasova, S. Traditions and innovations: English language teaching in Russia. *World Englishes*, Vol. 24, No. 4. 2005. PP. 445-454.

Ustinova, I. English in Russia. *World Englishes*, Vol. 24. No. 2. 2005. PP. 239-251.

Uzefovich, N. English in Russian cultural contexts. *World Englishes*. Vol. 24. No. 4. 2005. PP. 509-516.

Weber, M. P. Baehr; G. Wells. *The Protestant Ethic and the "Spirit" of Capitalism.* N.Y. Penguin. 2002. 320 p.

Whorf, B. *Language, Thought and Reality* (ed. J. B. Carroll). Cambridge, MA: MIT Press. 1956. 278 p.

Wunderle, W. *A Manual for American Servicemen in the Arab Middle East.* N.Y. Skyhorse Publishing House. 2008. 128 p.